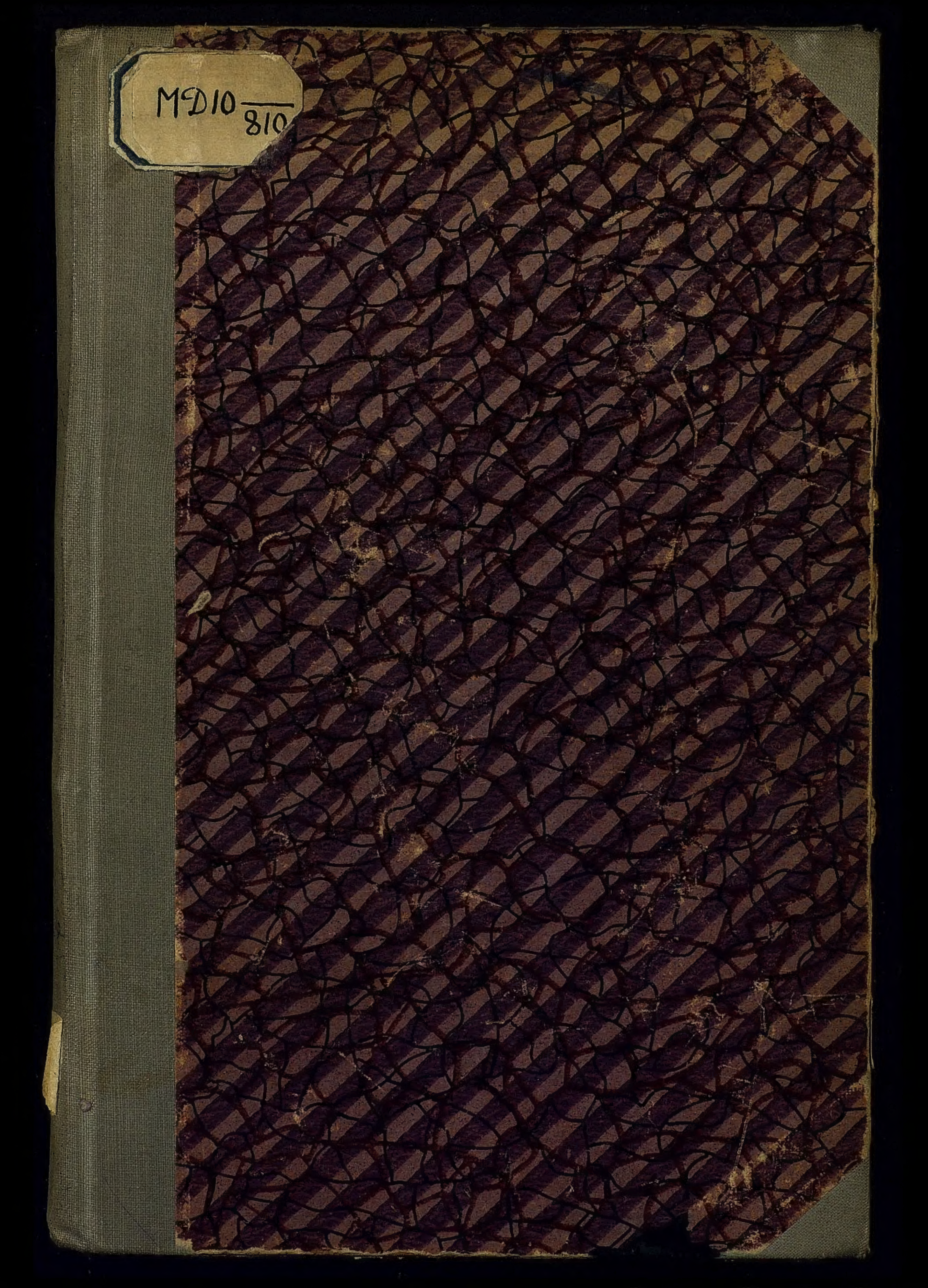
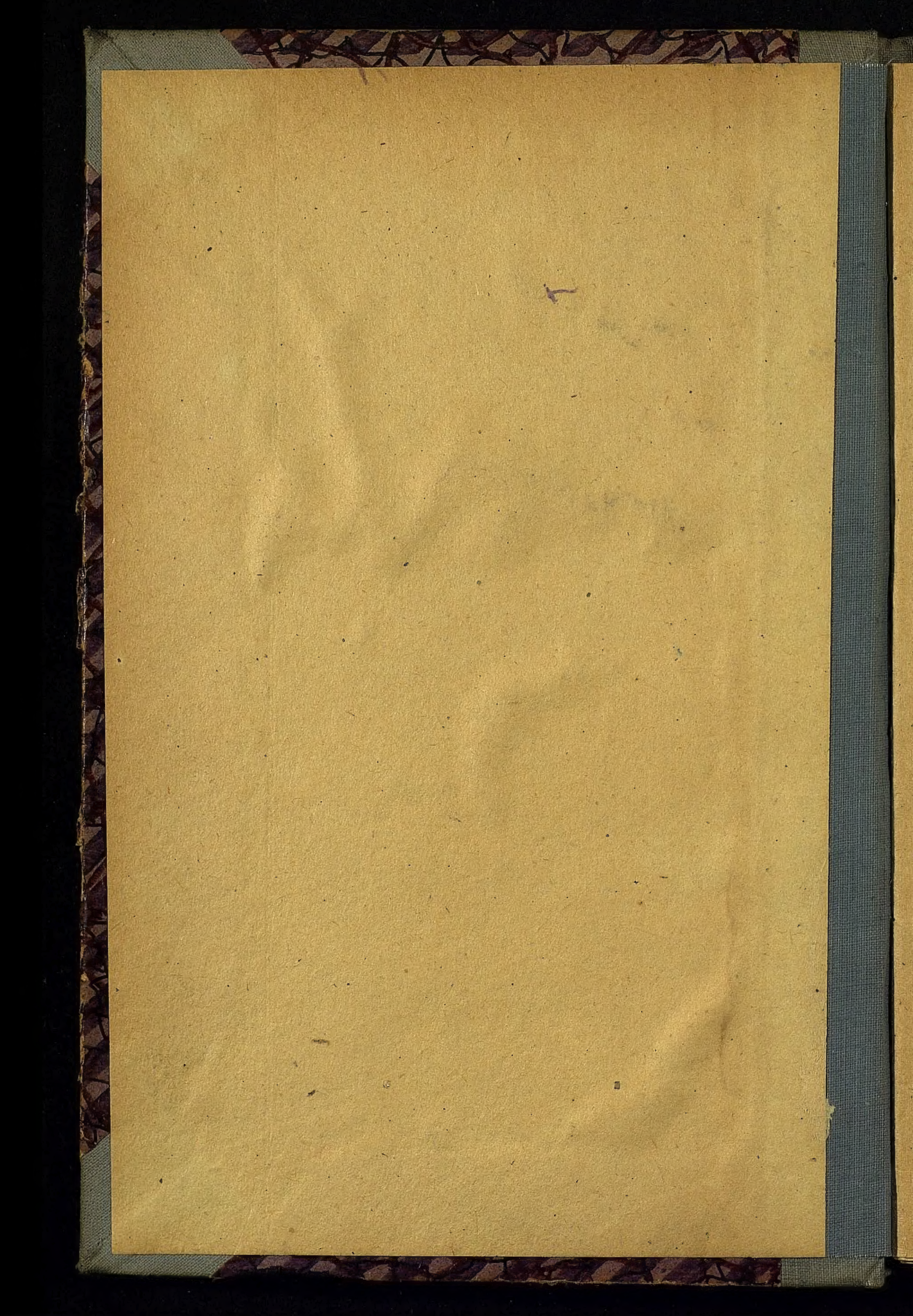

66

Д. Н. УШАКОВ
ПРОФЕССОР 1-го МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

КРАТКОЕ ВВЕДЕНИЕ В НАУКУ О ЯЗЫКЕ

ИЗДАНИЕ ВОСЬМОЕ

«РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ»
МОСКВА — 1928

Д. Н. УШАКОВ
ПРОФЕССОР 1-го МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

КРАТКОЕ ВВЕДЕНИЕ В НАУКУ О ЯЗЫКЕ

ИЗДАНИЕ ВОСЬМОЕ

«РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ»
МОСКВА — 1928

Главлит А. 14126. Тираж 5000 экз.—9½ л.
Тип. „Коминтерн“ Центриздата Народов СССР. Ленинград. Красная, 1.

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К 1-му ИЗДАНИЮ.

В нашем обществе очень мало научных сведений о языке: полным невежеством в этой области знания часто страдают люди, владеющие широким общим образованием и даже глубокими познаниями в других областях. Это происходит, главным образом, оттого, что научное языковедение—наука молодая и только сравнительно недавно (около полувека) нашла себе приют в высшей школе; в среднюю же школу она только начинает проникать.

Между тем научное изучение языка (которое нужно отличать от практического, напр., обучения языку для целей общения между людьми) может представить глубокий интерес и имеет немаловажное общеобразовательное значение, так как предметом этой науки является такая важная сторона духовной деятельности человека, как язык. Язык по своему происхождению и употреблению тесно связан как с мышлением человека, так и с его физическим строением, а в своем историческом развитии язык связан с историей говорящего на нем народа. Поэтому и наука о языке имеет связь с другими науками, изучающими как духовную и физическую природу человека, так и историю народов, а именно—с психологией и физиологией, с одной стороны, и с историей — с другой. Отсюда важное место научным сведениям о языке в кругу общего образования.

Наконец, в школе для преподавателя языка, в особенности родного, научное понимание языка вообще и научные сведения о преподаваемом языке в частности весьма необходимы. И не для того, чтобы сообщать их ученикам: они необходимы потому, что одни только они в состоянии помочь преподавателю поставить свой предмет — обучение языку — так, чтобы это был предмет живой, развивающий духовные способности и расширяющий умственный кругозор учащихся. Грамматика в школе часто приобретает характер мертвой схоластики именно потому, что понимание явлений

языка, лежащее в основе школьного преподавания, далеко от научного. В частности, в преподаваемом под названием грамматики материале на каждом шагу встречается, например, смешение грамматики с логикой и отчасти с психологией. Полезно, разумеется, учить и логике и психологии, но вредно для дела, если преподающий думает, что обучает в это время грамматике. И если когда-либо ставятся вопросы, полезно ли учить грамматике, заключает ли она в себе какие-либо общеобразовательные элементы, когда и как учить ей, то, как бы ни решались эти вопросы, целесообразное решение их невозможно без ясного понимания, чему именно учит грамматика.

Опыт элементарного изложения главнейших основ науки о языке в целях общеобразовательных и представляет собою моя книга. Она слагалась в течение многих лет и литографировалась частями, начиная с 1902 года, сначала в связи с моим преподаванием в педагогических классах женских институтов (в Москве) введенного в них так называемого «специального» курса русского языка, а позже в связи с моими чтениями на женских педагогических и высших курсах. Содержание ее основано главным образом на лекциях моего покойного учителя, профессора Московского университета, академика Ф. Ф. Фортунатова, что читатель, знакомый с его «Общим курсом сравнительного языковедения», легко может заметить во многих местах моей книги.

Печатая результат своей преподавательской работы, я прежде всего желал дать в руки пособие своим слушательницам; но я решился выпустить его и «в свет» в том предположении, что он, может быть, пригодится для начинающего филолога, для старших классов средних учебных заведений, для учителей и, наконец, вообще для самообразования.

1913 г.

В последующие издания, в том числе и в настоящее, вносились небольшие поправки и дополнения.

Проф. Н. Ф. Яковлева благодарю за полезные указания.

1928 г.

Д. Ушаков.

ВВОДНАЯ ЧАСТЬ.

ГЛАВА I.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ПОНЯТИЯ О ЯЗЫКЕ И ЯЗЫКОВЕДЕНИИ.

Содержание. § 1. Названия науки о языке. Цель и предмет ее. § 2. Язык слов. § 3. Жизнь языка. § 4. Живые и мертвые языки. § 5. Родственные языки; язык и диалект. § 6. Литературный язык. § 7. Родство языков и родство рас; национальность. § 8. Связь языковедения с другими науками. § 9. Разделение языковедения. § 10. Грамматика школьная и научная. Психология, логика, грамматика. § 11. Язык и письмо. § 12. Из истории науки о языке. § 13. Содержание книги.

§ 1. Наука о языке называется **языковедением**, или **лингвистикой**. По своему методу, состоящему в сравнении разных языков между собою, она получила название **сравнительного языковедения**.

В языковедении изучаются языки не с практическою целью (т.-е. не для общения с людьми, говорящими на этих языках, или для чтения книг на них), а с **целью** познать вообще природу той духовной деятельности человека, которую мы называем языком и те законы, которые управляют жизнью человеческого языка. Таким образом, **предметом** языковедения является человеческий язык в его истории. Чтобы яснее себе представить это, объясним, что надо понимать под словом «язык», и что такое «история» языка.

§ 2. **Языком** называют всякое намеренное выражение душевных состояний и преимущественно мысли. Можно выражать их разными способами; поэтому возможны разные виды языка, напр., язык жестов, язык мимики и т. п. Но в языковедении, или лингвистике, изучается именно **язык слов** — намеренное выражение мысли при помощи слов, а слово есть звук или несколько звуков, имеющих значение.

Таким образом, в языке две стороны: 1) внешняя, физическая— звуки слов и 2) внутренняя, духовная—значения слов. Мы должны будем познакомиться с обеими этими сторонами языка. Ознакомление с первою должно исходить из данных анатомии и физиологии, со второю — из данных психологии.

Хотя языков очень много, но мы можем говорить о «человеческом языке» (а не «языках»), имея в виду общность физических и духовных свойств, присущих всем людям. Языковедение не ограничивается изучением какого-либо одного языка; все человеческие языки—живые и мертвые, древние и новые, образованных народов и дикарей — одинаково в нем изучаются. Поэтому научное изучение какого-либо языка является частью целой науки языковедения.

§ **3.** Главное свойство языка состоит в постоянном изменении его в устах говорящих, происходящем совершенно невольно; в этом изменении и состоит **жизнь языка** или его **история** [1]). Изменяются в языке его **факты** (так называется все, что существует в языке: звуки, слова, формы, значения слов, синтаксические обороты и проч.); изменение состоит: 1) в утрате известных фактов, 2) в появлении новых и 3) в изменении старых. Эти изменения подчинены известным законам, которые и открываются наукой.

Каждый язык представляет собою видоизменение языка предшествующей эпохи. А язык предшествующих эпох бывает известен по письменным памятникам, дошедшим от старины. Если же не осталось письменных памятников, то прежние периоды жизни языка восстанавливаются наукой, главным образом при помощи сравнения его с родственными языками.

§ **4. Живым** языком называется такой, который продолжает изменяться в устах говорящих (родной для них); язык, переставший передаваться непосредственно из поколенья в поколенье, от взрослых детям, и известный лишь по письменным памятникам, называется **мертвым**, как древне-греческий, старо-славянский, латинский; конечно, можно говорить и на них, но это будет употребление искусственное; таково, напр., употребление латинского языка

---

[1]) Термин «история языка» употребляется в двух значениях: 1) так называется процесс, происходящий в языке, и 2) так же называется и изучение этого процесса.

в католической церкви, таким же, т.-е. искусственным, является употребление всякого иностранного языка.

§ 5. **Родственными** языками называются такие, которые произошли от одного языка. Группа языков, происшедших из одного, называется **семьей**; язык-родоначальник называется **праязыком**. Семья делится на **ветви**, т.-е. группы ближайшего родства. Ветвь состоит из **языков**; каждый язык делится на **наречия**; наречия можно подразделить на **поднаречия** и т. д. до отдельных **говоров**. Вместо всех этих терминов, означающих подразделения языка, употребляется безразлично термин **диалект**. Наречия в дальнейшем развитии при отсутствии тормозящих факторов переходят в языки. Строго установить границы между языком, наречием, говором — трудно. В историческом смысле все родственные языки являются наречиями одного праязыка, а с другой стороны, можно говорить о языке каждого отдельного человека, принимая во внимание его индивидуальные отличия в запасе слов, в значениях, которые он вкладывает в те или иные слова, и т. д. Называем две языковые единицы наречиями, а не языками, пока они продолжают переживать общие изменения; с прекращением такой общей жизни они становятся языками.

§ 6. **Литературный** язык обыкновенно противополагается **народному**. Народный язык есть, прежде всего, язык **местный**, удовлетворяющий потребностям в сношениях между собой жителей данной местности; литературный—язык **общий**, служащий потребностям гораздо большего круга людей, читателей письменных произведений. Так как литературный язык является всегда до известной степени искусственным языком, то народный язык в противоположность ему называют «живым», указывая этим на то, что литературный не живет тою же жизнью (см. § 120).

§ 7. Родство языков не предполагает еще родства **рас**. Не следует смешивать расу и **национальность**; одна не покрывает другую. Расы это—классы, на которые антропология делит людей по физическим признакам (цвету кожи и др.). Народность же, или национальность, есть духовное явление, продукт истории; это, так сказать, культурный облик какого-нибудь народа. **Язык является одним из существенных признаков национальности, но не расы.** Народы одной и той же расы могут говорить на совершенно чуж-

дых языках, и, наоборот, народы разных рас—на языках родственных или даже на одном и том же языке. На Кавказе чеченцы, грузины, армяне и др. принадлежат, повидимому, к одной расе, но говорят на совершенно неродственных языках; наоборот, бывает, что даже в одной губернии крестьяне резко различаются по типу, но язык у них один и тот же. Или например, все славянские народы говорят на близко родственных языках, а по физическому типу многие из них сильно различаются между собою (напр., болгары и русские).

§ 8. **Связь языковедения с другими науками.** Так как предмет языковедения — язык в его истории, то постольку, поскольку оно занимается физической стороной языка, т.-е. звуками, оно примыкает к **физиологии**, поскольку изучает духовную сторону — значения слов, постольку примыкает к **психологии.** Наконец, история языка тесно связана с историей говорящего на нем народа. Историческими судьбами народа объясняется многое в его языке. С другой стороны, часто при решении исторических вопросов лингвистика оказывает существенную помощь, особенно при суждении о доисторических эпохах, от которых не дошло никаких памятников; тогда наука, открывая язык этой эпохи, открывает вместе с тем в известной мере и жизнь говорившего на нем народа; наконец, изучение диалектов какого-либо языка служит важным средством при решении вопроса о расселении отдельных ветвей народа. Так языковедение связано с **историей.** Кроме того, языковедение связано с **этнографией,** поскольку она изучает духовный быт той или иной народности, так как язык является также известным видом духовной деятельности и главным признаком народности.

§ 9. **Разделение языковедения.** В языковедение входят следующие отделы: **фонетика** — учение о звуках; **семасиология** — учение о значениях слов; **грамматика**—учение о формах, разделяющееся на **морфологию**—учение о формах слов без отношения к их роли в словосочетании и **синтаксис**—учение о формах слов, как частей словосочетания, и о формах самих словосочетаний [1]); **лексикология**—учение о словах без отношения к их формам, напр., изучение за-

[1]) Термин «грамматика» употребляется также в более широком смысле, а именно в значении грамматики вместе с фонетикой.

паса слов в том или ином языке; **этимология** — исследование состава слов по происхождению. Изучение языка называется **описательным**, или **статическим**, если ограничивается описанием фактов известного языка в их состоянии в данный момент; — **историческим**, если происхождение фактов языка объясняется путем сопоставления с предшествующими эпохами в жизни языка; — **сравнительным**, если изучение строится на сравнении данного языка с родственными; — **социологическим**, если объяснение фактов ставится в тесную связь со строением общества. Историческое изучение обычно является связанным с сравнительным. Специальное изучение особенностей диалектов известного языка называется **диалектологией**, описательной или исторической.

§ 10. Грамматика школьная и научная. Психология, логика, грамматика. Преподавание языка в школе сложилось гораздо раньше, чем появилась наука о языке, и в школьном взгляде на язык накопилось много разногласий с этой наукой. Отсюда только и стало возможным противоположение школьной грамматики грамматике научной,—случай беспримерный в отношениях школьных предметов к одноименным наукам. На грамматику в школе смотрят, как на средство обучить правильно говорить и писать, как на пособницу при обучении правописанию и как на средство для упражнения умственных способностей учащихся. Понятно, что грамматика научная, как отдел языковедения, не может задаваться ни одной из этих трех практических целей: ее цель лишь—познание известной стороны человеческого языка, как духовной деятельности человека.

Но, кроме практической стороны, в школьной грамматике очень много и теоретического элемента. В этой области, находящейся в тесной связи с третьей из указанных выше практических целей, в особенности в синтаксисе, школьная грамматика стремится стать изучением мысли, т.-е. смешивает свои задачи с задачами логики. Смешение разных точек зрения: грамматической, логической и, прибавим, психологической не может вести к пониманию ни грамматики, ни логики, ни психологии. Научная грамматика пользуется данными и психологии и логики, как всякая наука данными другой; но у каждой своя область. **Психология** изучает душевные явления и в том числе явления мышления; **логика** изучает законы «правильного» мышления, т.-е. такого, которым

достигается истина; **грамматика**, как часть языковедения, изучает те средства, с помощью которых человеческий язык выражает предметы мысли и отношения между ними. Примеры смешения грамматической и логической точек зрения встретятся ниже, в §§ 91 и 98.

§ **11. Язык и письмо.** Языковедение, в частности грамматика, не имеет никакого отношения к письму, к правописанию. Язык и письмо—два явления совершенно различные. С точки зрения школьного преподавания, в котором, естественно, одной из главных целей является обучение правописанию, а знакомство с самим языком или совсем отсутствует, или занимает небольшое место,—может казаться иначе: может казаться, что язык, так сказать, «писанный» и язык «произносимый»—одно и то же, что достаточно знать буквы, чтобы знать звуки, и т. д. Но это ошибочно. Письмо, каково бы оно ни было, не может никогда вполне точно передавать живые звуки, и не в этом его задача: чтобы быть удобным на практике, оно необходимо бывает условным, причем степень этой условности в разных правописаниях различна. Правописание—это костюм, в котором является язык, и он может быть удобным и неудобным; но всегда нужно помнить, что это—внешность, от изменения которой не меняется язык. В своей жизни язык обыкновенно перерастает правописание, потому что правописание меняется медленнее. Вот почему едва ли найдется такое правописание, где бы, с одной стороны, не было букв, изображающих уже исчезнувшие из языка звуки, и где, с другой стороны, изображались бы все существующие в языке звуки, так как всегда найдутся такие, которые возникли после того, как правописание установилось. Для научных (не практических) целей стараются изображать, конечно, все звуки; при этом обыкновенно в данном практическом алфавите нехватает букв, и приходится прибавлять к ним другие условные знаки, снабжать буквы различными значками и т. п. Точное изображение живых звуков называется **фонетическим** письмом или **фонетической транскрипцией**.

§ **12.** Основателем науки о языке был немецкий ученый **Франц Бопп** (1791—1867), доказавший родство индо-европейских языков (см. § 100) и положивший начало их сравнительному изучению своею «Сравнительною грамматикою». Одновременно с Боппом **Яков Гримм** (1785—1863) начал историческое изучение языка

в применении к одной из ветвей индо-европейской семьи и написал «Немецкую грамматику», т.-е. историческую грамматику всех германских языков. **Вильгельм Гумбольдт** (1767—1835) способствовал разработке и правильной постановке общих вопросов относительно природы языка и его строя; его сочинение—«О различии строения человеческих языков и о влиянии этого различия на духовное развитие человечества». Первыми представителями сравнительно-исторического изучения языка в России были **Ф. И. Буслаев** (1818—1897), главнейший труд которого—«Историческая грамматика русского языка», и **И. И. Срезневский** (1812—1880), написавший «Мысли об истории русского языка». **А. А. Потебня** (1835—1891) был выдающийся лингвист-мыслитель и положил основы научному изучению русского синтаксиса своим трудом «Из записок по русской грамматике».

Очень крупною и самостоятельною величиною в лингвистике был русский ученый **Ф. Ф. Фортунатов** (1848—1914), основатель целой школы лингвистов, положивший, между прочим, и начало преподаванию в России этой науки (в Москве) одновременно с другим лингвистом **И. А. Бодуэном-де-Куртенэ**, преподававшим в Казани.

§ **13. Содержание книги.** В этой главе были даны предварительные понятия о языке и языковедении; основное же содержание книги распадается на два отдела, а именно в дальнейших главах мы рассмотрим: 1) **в чем состоит язык**, как известное психофизическое явление (главы II—VI), и 2) **какие существуют языки, как возникает и как живет язык** (главы VII—IX).

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ.

ГЛАВА II.

ЗВУКИ.

§ **14.** Изучение внешней, звуковой стороны языка основывается на данных анатомии и физиологии и называется **физиологией звуков речи.**

§ **15. Звуки речи.** Всякий звук, как известно из физики, есть результат колебания звучащего тела; посредством воздуха колебания передаются уху, и у слушающего получается ощущение, называемое звуком. Звучащим телом может являться, между прочим, и воздух, находящийся в каком-нибудь ограниченном пространстве, напр., в сосуде. В звуке различают: 1) **силу**, зависящую от длины колебаний; 2) **высоту**, или **тон**,—от быстроты, т.-е. числа колебаний в секунду; 3) **тембр**, или окраску, под которой понимаются побочные тоны, примешивающиеся к основному тону в звуке (почти все звуки в природе такого сложного состава), а также видоизменение звука при помощи резонатора (который усиливает одни и заглушает другие составные тоны звука), и, наконец, 4) **продолжительность.** Эти различия присущи и тем звукам, которые образуются органами речи, т.-е. и звуки речи различаются: 1) силой,

2) **высотой**, 3) **тембром**, или **качеством**, и 4) **продолжительностью** или **количеством**.

Кроме того, звуки речи, как и другие звуки, могут быть **музыкальными** и **немузыкальными**, или **шумами**, а музыкальными в физике называются звуки, происходящие от периодических, или ритмических колебаний (т.-е. повторяющихся одинаково в определенные промежутки времени); шум же—результат колебаний непериодических.

Ознакомившись с органами речи и их функциями, мы увидим, как возникают указанные различия в звуках речи, причем главнейшее внимание обратим на **качество** звуков.

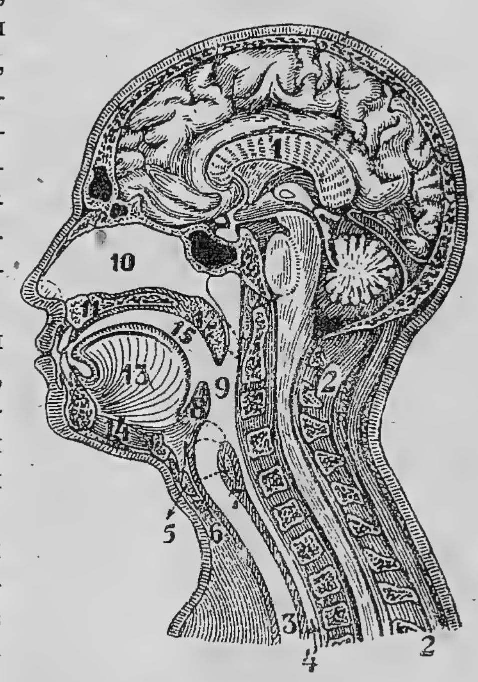

Рис I. Органы речи.

1 — головной мозг; 2 — 2 — позвонки; 3 — дыхательное горло; 4 — пищевод; 5—разрез щитовидного хряща; 6 — 7 — разрезы перстневидного хряща; пунктир между 5 и 7—место голосовой щели; 8—надгортанник; 9—зев; 10—полость носа; 11—твердое небо; 12—мягкое небо; 13 — язык; 14 — часть подковообразной подъязычной кости; 15—полость рта.

§ 16. **Органы речи и их функции.** Органами, участвующими в образовании звуков речи, являются **легкие**, **дыхательное горло**, **гортань** и полости: **носа** и главным образом **рта** с находящимися в нем **языком**, **небом**, **зубами** и **губами**. На рис. I схематически представлены в вертикальном разрезе названные органы, кроме легких, так как дыхательное горло заканчивается на рисунке приблизительно тем местом, где оно разветвляется на два бронха, дальнейшие многочисленные ответвления которых и входят в состав легких. Органы речи изображены в спокойном состоянии, в положении при дыхании через нос.

Выдыхаемый **легкими** воздух идет вверх по **дыхательному горлу** (рис. I, 3) и попадает в гортань, которая расположена в верхней его части.

§ **17. Гортань** состоит, главным образом, из двух покрытых мускулами хрящей: щитовидного (рис. II, *а*) и перстневидного (*б*) соединенных между собой наподобие трубки. Щитовидный, находящийся на перстневидном, острой своей частью выдается в передней части шеи и может быть нащупан рукой; этот выступ

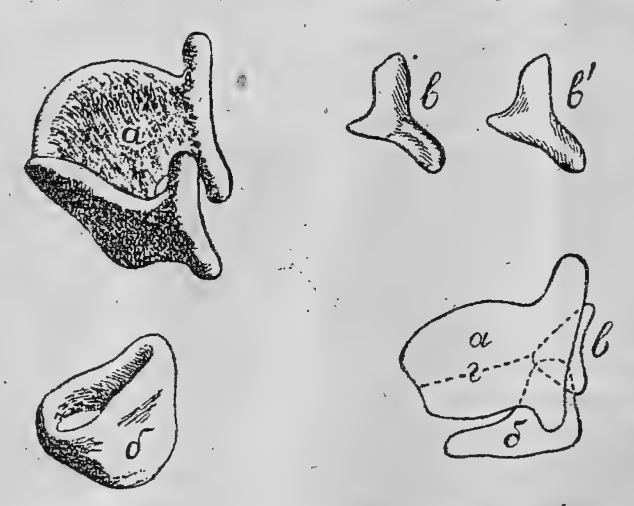

Рис. II. Основные части гортани и схема, их расположения. *а*—щитовидный хрящ; *б* — перстневидный хрящ; *в*, *в'*—черпаловидные, или пирамидальные хрящики. Все изображения левой стороной обращены к передней части шеи. Пунктир *г*—место голосовой щели.

называется в общежитии кадыком. Поперек гортани тянутся горизонтально два эластичные мускула, называемые **голосовыми связками**; щель между ними называется **голосовою щелью.**

Названные хрящи при помощи мускулов, покрывающих гортань, приводятся в движение и раздвигаются, отчего голосовые связки могут натягиваться, и голосовая щель в зависимости от этого суживается. Сужению и расширению ее помогают еще черпаловидные, иначе—пирамидальные, хрящики (*в* и *в'*), которые сидят между щитовидным и перстневидным хрящами и к которым

прикреплены голосовые связки. На рисунке II в правом нижнем углу представлена схема расположения названных хрящей.

На рис. III представлена гортань в продольном разрезе, а именно дан вид передней ее части изнутри; здесь видны голосовые связки в разрезе (6 — 6), между ними—голосовая щель (половина); над ними (5—5) видны так называемые «ложные» голосовые связки — два мускула, подобные голосовым связкам, но менее развитые и не участвующие в образовании голоса.

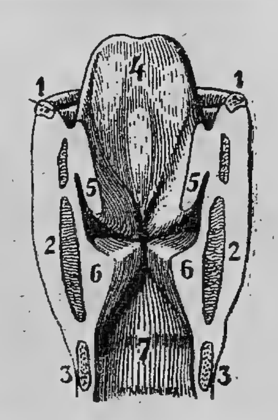

Рис. III. Гортань в продольном разрезе.

1 — 1—разрезы разветвлений подъязычной кости; 2—2—разрезы щитовидного хряща; 3—3—разрезы перстневидного хряща; 4—надгортанник; 5—5—ложные голосовые связки; 6—6 — голосовые связки; 7—дыхательное горло.

§ **18.** Когда голосовые связки сильно натянуты, то они соприкасаются плотно, и струе воздуха, идущего из дыхательного горла, приходится раздвигать их несколько раз подряд, потому что после каждого прорыва воздуха связки сейчас же опять смыкаются; это попеременное раздвигание и смыкание приводит связки в ритмические колебания, и получается звук музыкальный, называемый **голосом.** Когда же связки не натянуты, то остается широкая щель, струя воздуха в колебание их не приводит, и голоса не получается; в этом случае, следовательно, звуки речи образуются без участия голоса. Звучание голосовых связок отдается в голове особым звоном, если мы заткнем пальцами уши и будем громко произносить звуки голосовые, напр., **з, ж, г, б, р, м,** а также любой гласный звук; при произнесении же соответствующих безголосых звуков **с, ш, к, п** такого звона не слышно.

На рис. IV представлен схематически вид гортани сверху при том ее положении, когда голосовые связки (4—4) наиболее широко раздвинуты (сравн. рис. V, 3). Верхом своим рисунок обращен к передней части шеи.

Различные формы голосовой щели представлены на рис. V в шести изображениях, которые верхом обращены туда же. В каждом из них видны пирамидальные хрящики (в виде сапожков). В изо-

бражении 1-м они тесно сближены, и голосовые связки плотно сомкнуты (показано прямой линией): дыхание задержано; во 2-м показана голосовая щель при звучании связок, т.-е. при голосе (связки то сходятся, то расходятся); щель, между прочим, есть не только между связками, но и между хрящиками; в 3-м — положение без голоса, при произнесении безголосого звука; приблизительно так же щель расширена и при свободном дыхании. Связки могут колебаться не во всю длину, а только в известной части; тогда голос будет не такой полный, как во 2-м случае; такое произношение называется фистулой, или фальцетом; форма голосовой щели при этом показана в изображении 4-м. Наконец, при шопоте голос заменен шумом от трения воздуха: при слабом шопоте—о голосовые связки, немного, но настолько раздвинутые (см. 5-е) и ослабленные, что звучать они не могут, однако не настолько, чтобы воздух мог пройти между ними

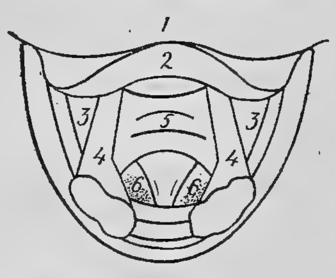

Рис. IV. Гортань сверху. 1—язык; 2 — надгортанник; 3 — 3 — ложные голосовые связки; ниже их: 4—4—голосовые связки; 5—дыхательное горло, разветвляющееся на два бронха: 6—6.

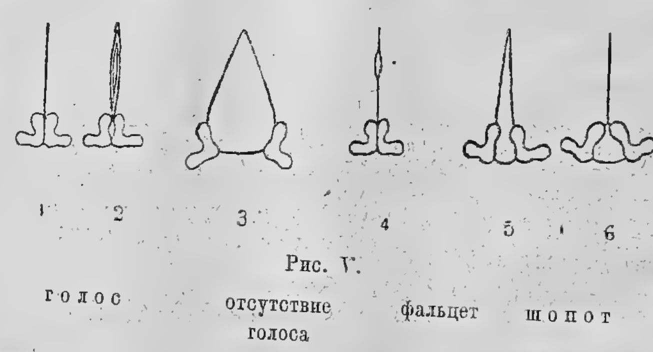

Рис. V.

голос — отсутствие голоса — фальцет — шопот

бесшумно; при сильном же шопоте — от трения воздуха только между хрящиками (см. 6-е; щели между связками нет).

На рис. I показано только место гортани; здесь пятно с цифрой 5 обозначает разрез верхнего, т.-е. щитовидного, а пятна 6 и 7—разрезы нижнего, т.-е. перстневидного хряща, пунктиром же

указано место голосовой щели.—Здесь же виден за языком, над гортанью, грушевидный хрящик (8), так называемый **надгортанник**; он показан в том положении, которое имеет при говорении и при дыхании, и переходит в положение, показанное пунктиром, для закрывания дыхательного горла во время глотания, благодаря чему пища по нем скользит в пищевод (4).

§ **19.** Из гортани струя воздуха, с голосом или без голоса, попадает в зев (9, рис. I) и идет далее в полость рта (15) и полость носа (10) или в одну только первую, если проход в полость носа закрыт. Закрывается этот проход так называемой **небной занавеской** (подвижное мягкое небо (12), заканчивающееся «маленьким язычком»), которая для этого поднимается и плотно прижимается к стенке зева, как показано на рисунке пунктиром. Если же небная занавеска опущена, и проход для воздуха свободен, то и **полость носа** является резонатором для звука речи, т.-е. придает ему свою окраску. В этом состоит функция полости носа. С носовым резонансом образуются носовые гласные и носовые согласные звуки. Открыт проход в полость носа бывает еще и при свободном дыхании через нос, при закрытом рте.

§ **20. Полость рта** служит местом образования **шумов**, которые или примешиваются к голосу, или же составляют собою целиком звуки речи в случае отсутствия голоса. В обоих случаях эти шумы—результат звучания, т.-е. колебания воздуха, находящегося в полости рта. Они бывают весьма различны, так как величина и форма полости рта, точнее—свободного ее пространства, может меняться чрезвычайно разнообразно в зависимости от различных комбинаций органов речи: неба, языка, зубов и губ. Эти комбинации называются **артикуляциями**. От их различий, главным образом, зависит различие в **качестве** звуков речи, т.-е. то, что один звук будет **а**, другой—**у**, третий—**к** или **с** и т. д., и т. д.

Более или менее подробно различные артикуляции будут указываться ниже при описании образований отдельных звуков; здесь же ограничимся общими указаниями на главнейшие различия в шумах в зависимости от различий в артикуляциях.

1. Шумы могут быть двоякого происхождения вследствие того, что артикуляции могут состоять или в полном **смыкании**, или только в **сближении** органов речи; в первом случае воздух раз-

рывает это смыкание (шум происходит, следовательно, от взрыва; сравн. откупориваемую бутылку), а во втором—воздух трется о сближенные органы (шум от трения; сравн. свисток). Так или смыкаться, или сближаться могут губы между собой, зубы с губой, язык с зубами и язык с небом в различных его местах. Сравн., напр., **п** и **ф**, **т** и **с**, **д** и **з**, **к** и **х**.

2. В тех звуках речи, которые состоят из голоса и шума, может **преобладать** или голос над шумом (сюда войдут гласные и **р**, **л**, **н**, **м**), или шум над голосом (остальные согласные). Взаимоотношение шума и голоса зависит от ширины прохода для воздуха: чем шире проход, тем слышнее голос; чем уже, тем сильнее шум (подобно тому, как ветер свистит в узкую щель окна и почти бесшумно дует в открытое окно; а если ветер несет с собою какой-нибудь звук, напр., звон колокола, то этот звук в узкую щель, конечно, будет менее слышен). Заметим, что при **н**, **м**—широкий проход для воздуха остается через полость носа.

§ **21.** Из всех органов речи наибольшей активностью отличается **язык** (13, рис. I). Он способен принимать чрезвычайно различные формы и становиться в самые различные положения в полости рта. Поэтому наибольшее число качественных различий в звуках речи приходится на долю его работы. В зависимости от того, в каком месте неба и насколько поднимается к нему язык, резонатор, представляемый полостью рта, сужается или расширяется, укорачивается или удлиняется; некоторые положения языка делят полость рта на две части, причем, следовательно, шумы, входящие в состав звука речи, получаются в этом случае и в той и в другой части, и притом неодинаковые.

§ **22. Небо** разделяется на **твердое**, неподвижное (11, palatum) и **мягкое**, подвижное (12, velum). Границу их можно нащупать пальцем. При описании артикуляций обычно говорят о **переднем, заднем** и **среднем** небе, называя передним твердое, задним—мягкое, а средним—условно место, пограничное между ними, точнее—задний участок твердого неба. Функция мягкого неба при образовании носовых звуков указана выше. При образовании всех других звуков небо является органом пассивным.

Всецело пассивным органом являются **зубы**.

Губы при образовании звуков или находятся в спокойном состоянии, или же удлиняют полость рта тем, что вытягиваются вперед (напр., при у, о), или, наконец, углы губ растягиваются в стороны, чем полость рта расширяется (напр., при ы).

§ **23**. К сказанному о функциях органов речи следует прибавить, что ширина полости рта зависит еще от степени **раствора рта**, т.-е. от работы нижней челюсти.

§ **24**. Кроме того, следует иметь в виду, что существуют различия еще в **степени напряжения**, с которым органы речи приводятся в движение мускулами; этими различиями также обусловлены известные разновидности в звуках речи.

§ **25**. Все сказанное об устройстве и функциях органов речи позволяет сравнить их с духовым музыкальным инструментом, напр., с органом. Легкие играют роль мехов, гортань—трубы, а полость рта и носа—роль наставной трубы, или резонаторов, окрашивающих так или иначе звук (голос), идущий из гортани. Но только роль полости рта этим не ограничивается: мы видели, что в ней самой образуются шумы, составляющие звук (в глухих звуках—даже без участия голоса).

Итак, в **гортани** колебанием голосовых связок образуется музыкальный звук—**голос**, а в **полости рта** колебаниями воздуха, вследствие взрыва или трения, образуются **шумы**. *Звуки речи могут состоять либо из одного шума, либо из голоса и шума; из одного голоса они состоять не могут.*

§ **26**. **Различия звуков речи по качеству**. Познакомившись с функциями органов речи, мы знаем в общем те причины, от которых зависят в звуках речи **качественные** различия (сравн. §§ 15 и 20). Теперь присмотримся ближе к образованию этих различий.

Определяя звуки речи, следует различать **физиологическую** сторону и **акустическую**: то, как образуются они, и то, какое слуховое впечатление производят. Понятно, акустические различия являются результатом различий физиологических, однако не всегда близкие или далекие физиологические звуки будут столь же близки или далеки акустически.

Мы будем рассматривать физиологическую сторону, делая, где нужно, замечания и об акустической. А приступая к рассмотрению

звуков, главным образом, с физиологической стороны, мы поступили бы вполне последовательно, если бы разделили сначала звуки по наиболее существенным различиям в их образовании. Такими основаниями для деления могли бы явиться: присутствие или отсутствие голоса, образование путем взрыва или трения и т. п.

Однако ради некоторых практических удобств в изложении мы воспользуемся общеизвестным делением звуков на **гласные** и **согласные**,—делением, которое не основано на каком-либо существенном физиологическом различии, а более на акустическом впечатлении от этих звуков (физиологически они ближе друг к другу, чем акустически). Мы примем это общеизвестное деление и в дальнейшем изложении рассмотрим сначала образование различных гласных, а потом—согласных звуков. После этого удобнее будет остановиться еще раз на различии гласных и согласных, чтобы понять, к чему же сводится это, как сказано, несущественное различие в их образовании.

§ **27. Гласные звуки.** Термин гласные (от «глас»—«голос») может подать повод к недоразумению: может казаться, что гласные, это—те звуки, которые только одни образуются с голосом; но это не так: с одной стороны, с голосом образуются также и многие согласные, что было видно из примеров уже выше (§ 18); с другой—возможно и произношение гласного без голоса (ниже, § 35).

Гласные различаются по **месту** образования, по **способу** образования, по **состоянию** языка и по **участию** губ.

1. По **месту** образования они бывают **переднего, среднего** и **заднего** рядов, смотря по тому, образуются ли они подъемом передней части языка к переднему небу, или средней—к среднему, или задней—к заднему. Так, напр., **и**—переднего, **ы**—среднего, **а**—заднего ряда.

2. Под **способом** образования разумется условно **степень поднятия языка** к небу в той или иной части. Здесь различаются гласные **верхнего, среднего** и **нижнего** подъема. Так, напр., **и**—верхнего, а э—среднего подъема в одном и том же переднем ряду, **ы**—верхнего подъема в среднем ряду, **а**—нижнего подъема в заднем ряду.

3. Язык при образовании гласных может находиться или в более напряженном, или более свободном состоянии. Различают

оттенки гласных **напряженные** и **ненапряженные**. Напр., русское э в *эта* ненапряженное, а в *эти* напряженное; франц. é (fermé, «закрытое») — напряженное, è (ouvert, «открытое») — ненапряженное. Этим оттенкам дают также названия: «широкий» и «узкий», — названия, указывающие на степень раствора рта, а не на состояние языка. Действительно, в громадном большинстве случаев в языках напряженность гласного связана с узким, а ненапряженность с широким раствором; но 1) это бывает не всегда, а 2) главная причина различия лежит здесь не в степени раствора, а в степени напряженности. Термины «закрытый» и «открытый» (сравн. выше французские названия разновидностей звука **е**) должны обозначать то же, что «узкий» и «широкий».

4. Участие **губ** имеется в виду одно: *вытягивание* их вперед и *округление*. Различаются гласные **лабиализованные** (от латинского labia «губы»), т.-е. произносимые с вытянутыми и округленными губами, и **нелабиализованные** — без такого участия губ. Их можно было бы называть **округленные** и **неокругленные** (сравн. немецкое название для лабиализованного гласного gerundet, «округленный», и английское round, «круглый»). Напр., русские **у**, **о** — лабиализованные звуки (оба заднего ряда, но **у** — верхнего, **о** — среднего подъема), нем. **ü**, **ö** — лабиализованные звуки переднего ряда, соответствующие по месту и подъему нелабиализованным того же ряда **и**, **э** и лабиализованным же, но заднего ряда **у**, **о**.

§ **28**. Таким образом, получается 36 видов гласных. Однако, не надо думать, чтобы этим исчерпывалось все разнообразие существующих в человеческих языках гласных звуков; надо иметь в виду, что понятия: верхний, средний, нижний подъем языка — понятия условные, что условны и понятия: передний, средний задний ряды и что на самом деле мы постоянно встречаем в языках звуки промежуточных образований между указанными как горизонтальными, так и вертикальными рядами. Намеченные 36 видов гласных звуков надо рассматривать, следовательно, как типичные разновидности, установление которых помогает нам определять живые звуки, слышащиеся в том или ином языке, в том или ином индивидуальном произношении.

Эта система классификации гласных по трем горизонтальным и трем вертикальным рядам называется обыкновенно английской, так как впервые была предложена английскими учеными. Существуют и другие. Надо сказать, что уложить все живое разнообразие звуков всех человеческих языков в любую из них нелегко.

Для того, чтобы дать представление о положении органов речи при произнесении гласных, прилагается рисунок VI, где изображены для примера артикуляции гласных: а, у, и.

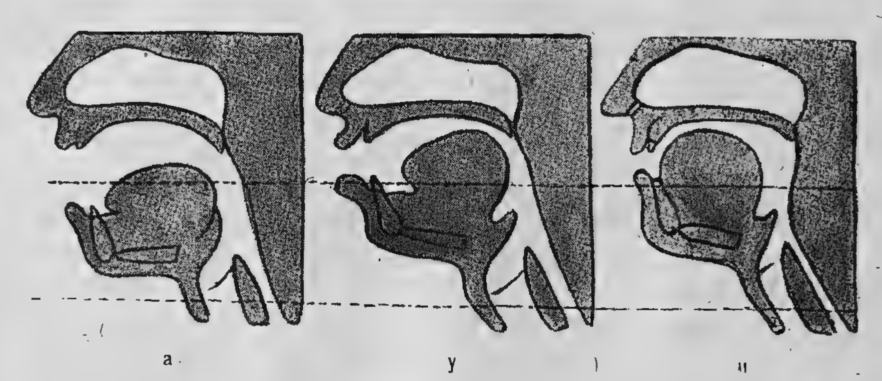

Рис. VI.

При произнесении всех этих гласных проход в носовую полость закрыт: мягкое небо («небная занавеска») прижато к стенке зева, которая в этом месте немного подалась вперед ему навстречу. При а нижняя челюсть опущена ниже (рот раскрыт шире), чем при других. Гортань при произнесении различных гласных то опускается, то поднимается: при и она выше, чем при а и у. При а язык из спокойного состояния (как на рисунке I) отошел назад и несколько приподнялся задней своей частью к заднему небу; губы не вытянуты вперед (а — гласный заднего ряда, нелабиализованный, нижнего подъема). При у язык поднялся там же, но поднялся выше; губы вытянуты вперед (у — гласный заднего же ряда, лабиализованный, верхнего подъема). При и язык поднялся высоко к переднему небу; губы не вытянуты (и — гласный переднего ряда, нелабиализованный, верхнего подъема). Напряженное или ненапряженное состояние языка на этом чертеже не может быть изображено.

§ **29.** Все указанные выше 36 главнейших типов можно наглядно представить в следующей таблице:

Таблица гласных звуков[1]).

	Ряды	Передний	Средний	Задний	
Нелабиализованные		и	ы		Верхн. подъем
		э	ы^{э}		Средн. „
		ä	ȧ	а	Нижн. „
Лабиализованные		ӱ	ẏ	у	Верхн. подъем
		ӧ	ȯ	о	Средн. „
		ä^{o}	ȧ^{o}	а^{o}	Нижн. „

В этой таблице 18 клеток; в каждой из них подразумеваем по две разновидности: звук напряженный и звук ненапряженный; изображать эти различия наиболее принято или посредством крышки

1) Здесь буквы русские. То же латинскими буквами:

i	y	
e	y^{e}	
ä	ȧ	a
ü	u̇	u
ö	ȯ	o
ä^{o}	ȧ^{o}	a^{o}

над буквой для звука напряженного: **й̑**, **э̑** и др.—напряженные, **и**, **э**... ненапряженные, — или же посредством цифр: $и_1$, $э_1$... напряженные, $и_2$, $э_2$... ненапряженные.

§ **30.** Для того, чтобы дать себе по возможности ясный отчет в изображенных в таблице условными знаками звуках, следует отправляться от звуков, изображенных жирными буквами **и**, **э**, **ы**, **а**, **у**, **о**. Здесь разумеются те звуки, которые каждый говорящий по русски произнесет отдельно при первом взгляде на эти буквы; так же произносятся они и в начале слов под ударением: и в а, э т а и т. д. (русских слов, начинающихся с **ы**, нет).

Произнесите несколько раз подряд **и-э**, **э-и**, и вы заметите, что кончик языка все время остается у переднего неба (сейчас же за зубами), но что при **и** он выше, и рот раскрыт уже, а при **э** он ниже, и рот раскрыт несколько шире. Произнесите теперь опять **и-э** и затем произнесите звук, раскрыв рот еще шире, но не отводя языка назад: получится звук, акустически средний между **э** и **а**, похожий и на **э** и на **а**. Его можно назвать **а** переднего ряда и изобразить **ä**[1]). Таким образом, можно убедиться, что все эти три звука передние, причем **и** — верхнего, **э** — среднего и **ä** — нижнего подъема. Звук типа **ä** слышится в русских словах между двумя мягкими согласными, как п я т ь, п е ч а л ь (буквы **я** или **а**). Ухватив артикуляцию **ä**, произнесите **а**: вы почувствуете, как язык отошел назад, потому что **а** — звук заднего ряда, но того же нижнего подъема, как и **ä**: вертикальный ряд другой, горизонтальный — тот же.

Разницу в подъеме языка в заднем ряду ощутить труднее, чем в переднем, однако, после некоторого упражнения, возможно. Произнесите **у-о**, и вы заметите, что вместе с расширением раствора рта для **о** понижается и задняя часть языка; теперь, произнеся **у-о**, раскройте рот еще шире, как это нужно для **а**, и вы получите звук, акустически средний между **о** и **а**, похожий и на **о** и на **а**. Его можно назвать лабиализованным **а**, потому что он произносится при вытянутых и округленных губах, как **у** и **о**, и изобразить $а^o$. Эти три звука — задние, лабиализованные, причем

---

[1]) Здесь эта буква взята в чисто условном значении. В немецкой азбуке она обозначает не этот звук, а е среднего подъема.

у — верхнего, о — среднего, а₀ — нижнего подъема. Звук, принадлежащий к типу а°, слышится, напр., в английск. all, not; из русских может слышаться у лиц, утрачивающих окающее произношение, но не усвоивших аканья, т.-е. не произносящих уже о, напр., вода, но и не произносящих еще а: вада.

Теперь, заметив лабиализацию, т.-е. вытягивание и округление губ, необходимое при у, о, а°, произнесите с округленными губами и, э, ä, и вы получите лабиализованные звуки переднего ряда: ӱ, ö, ä°, при чем ӱ, следовательно, сходно с и тем, что произносится в том же переднем ряду и с тем же подъемом, а с у тем, что произносится с лабиализацией и тем же подъемом; те же соотношения будут у ö с э и с о, у ä° с ä и с а°. Можно сказать, что ӱ — это лабиализованное и, или что это переднее у; что ö — лабиализованное э или переднее о; ä° — лабиализованное ä или переднее а°. К типу ӱ принадлежит, напр., французск. звук, передаваемый буквой u (lune), немецкий ü (über), русский, напр., в слове «оканчиваются», «надеюсь» (желая услыхать этот звук, не следует произносить по слогам: на́де́юсь, потому что тогда не получится переднего звука; передний звук получается именно при тех условиях, которые будут нарушены при таком раздельном произношении); к типу ö — франц. звук, передаваемый буквами eu (peu), немецкий ö (schön); к типу ä° — франц. (носовой) звук в слове un.

Так мы рассмотрели гласные переднего и заднего ряда, как нелабиализованные, так и лабиализованные, за исключением двух типов: нелабиализ. задних звуков верхнего и среднего подъема (иначе, нелабиализованных у и о). Эти последние, образуемые в заднем ряду, как а, один с таким подъемом, как и, а другой — с таким, как э, акустически должны быть ближе к соответствующим по подъему гласным среднего ряда и трудно от них отличимы.

В среднем ряду нам хорошо знаком нелабиализованный гласный верхнего подъема ы; это, так сказать, и, передвинутое в среднее небо. Если мы опустим несколько язык (и несколько шире растворим рот), получим звук, соответствующий по подъему э или о. Его можно назвать э среднего ряда или ы среднего подъема и изобразить ыᵊ. Этого типа звук слышится во многих неударяемых словах в русском языке, напр., водяной, садовод, выгода,

выдача (буквы о или а). Произнеся теперь опять ы^э-ы^э, раскройте рот еще шире, как это нужно для а, и вы получите звук, акустически средний между ы^э и а. Его можно назвать а среднего ряда и изобразить буквой а с точкой: ȧ. Он слышится часто в русской речи в начале и конце слов под влиянием известных условий произношения там, где при других условиях слышится или ы^э или а, напр., анаȧтварилы^э (но: атварил, оны^{э}тварил), мамȧ! (но: мамы^{э}пришла).

§ **31.** Из того, что говорилось о звуках ä, ȧ и а, видно, что если артикуляция а немного передвинется вперед, получится ȧ; если еще дальше вперед, получится ä. Таким образом, мы можем говорить об а заднем, а среднем, а переднем. Таким же образом и в лабиализованных звуках существуют средние между у и ӱ, между о и ö, между а^о и ä^о; их мы можем обозначить у̇, ȯ, ȧ^о. Принимая во внимание степени подъема языка, мы можем рассматривать у̇ как лабиализованное ы, ȯ как лабиализ. ы^э, ȧ^о как лабиализ. ȧ, — совершенно так же, как мы рассматривали в переднем ряду ӱ, ö, ä^о как лабиализованные и, э, ä.

Из всех описаний звуков мы можем сделать вывод, что чем шире раствор рта и ниже подъем языка, тем звук с акустической стороны заключает более элемента а, — иначе, чем открытее звук, тем более он похож на а. Столь же справедливо теоретически было бы сказать, что чем закрытее звук, тем он ближе к и.

§ **32.** В каждом рассмотренном типе, как замечено уже выше, может быть напряженный и ненапряженный оттенок. В русском языке это различие достаточно ясно в звуке э; так, перед мягкими согласными и перед й (и неслоговое, см. § 47) у нас $э_1$ напряженное, напр., в э т и, е л и[1]), ш е с т ь (с мягкое), а перед твердыми и в конце $э_2$ ненапряженное, напр., в э т а, е л, ш е с т, м н е[2]).

Примечание. Оттенки эти довольно тонки, и человеком, никогда не обращавшим на них внимания, различие улавливается иногда нескоро. Всего удобнее наблюдать его в разнице произношения э т а и э т и;

---

1) Одинаково и там, где писали ѣ (в значении „кушали"), и там, где писали е (деревья).

2) О звуковом значении букв ѣ, е, незнакомство с которым может мешать пониманию этих примеров, см. § 54.

можно, начав произносить эта, и сказав э, докончить ти, и наоборот; тогда можно уловить, что э, предназначавшееся для эта, не годится для эти, и наоборот. Мы привыкли произносить $э_1$ перед мягким согласным и склонны переносить это условие и на слова другого языка, в котором появление $э_1$ и $э_2$ не зависит от соседства мягкого или твердого согласного; так, франц. ciel „небо“ русский, не усвоивший точного французского произношения, произносит с звуком $э_1$, который слышится в его слове съели, между тем как в ciel звук э того типа, к которому принадлежит э в съел. Таким образом, знакомый с произношением французского ciel, может быть, скорее уловит разницу между $э_1$ и $э_2$ в русских съели и съел.

Напряженность других русских гласных зависит или также от различного соседства, или от положения под ударением, но ее гораздо труднее подметить, чем в звуке э.

§ 33. Примеры к таблице гласных.

и	$и_1$	:	п*и*лы, фр. fini, нем. sie.
	$и_2$	:	п*и*ла, нем. Tisch.
э	$э_1$	:	эти, фр. été, нем. See.
	$э_2$	:	эта, нем. helfen, Männer, фр. bête.
ä	$ä_1$	:	п*я*ть, ч*а*й.
	$ä_2$	:	фр. vin, англ. man.
ÿ	$ÿ_1$	:	фр. lune, нем. über.
	$ÿ_2$	:	наде*ю*сь, нем. schützen.
ö	$ö_1$	:	фр. peu, нем. schön.
	$ö_2$	:	фр. peuple, нем. Völker.
ä°		:	фр. un.
ы	$ы_1$	:	р*ы*ба, ж*и*р.
	$ы_2$	:	пил*ы*.
ы^э	$ы^э_1$	:	прод*а*л, нем. Gab*e*.
	$ы^э_2$	:	пром*а*х.
ȧ	$ȧ_1$	:	англ. bird.
	$ȧ_2$	:	англ. how.
а	$а_2$	:	п*а*н, нем. Vater.
у	$у_1$	:	д*у*х, фр. rouge, нем. du.
	$у_2$	:	д*у*ша, нем. und.
о	$о_1$	:	фр. rose, нем. so.
	$о_2$	:	ст*о*н, нем. voll, англ. no.
$а^0$	$а^0_1$	:	англ. all.
	$а^0_2$	:	англ. not.

Примечание. На некоторые звуки не дано примеров или потому, что они не встречаются в наиболее известных языках, или потому, что трудно определить с несомненностью условия их появления (а потому и примеры могли бы быть неубедительны). При чтении этих примеров не следует забывать, что принадлежащие к одному и тому же типу звуки разных языков могут не быть абсолютно тождественны (ср. сказанное в § 28 о 36 типах).

§ 34. Гласные чистые и носовые. Все рассмотренные гласные могут произноситься или с закрытым, или с открытым проходом в полость носа (см. § 19). Если проход закрыт, то резонатором является только полость рта; такие гласные называются ч и с т ы м и; если же—открыт, то резонатором явится и полость носа, и те же гласные **и**, э, а, о и т. д. получат особый носовой призвук («назализация»); такие гласные называются н о с о в ы м и, или н а з а л и р о в а н н ы м и. Носовые гласные существуют, напр., во французском, польском языках; существовали они в старославянском, а также и в обще-славянском языке.

Примечание. Во французском письме носовые гласные звуки обозначаются неточно посредством написания буквы, изображающей чистый гласный звук, и при ней другой буквы, изображающей звук носовой согласный, напр., an, on и т. п. В действительности же тут только один звук: носовой гласный. Это — условность правописания, изображающего не то, что́ есть, а что́ когда-то было: исторически носовые гласные, действительно, произошли именно из сочетания чистого гласного с носовым согласным; носовой согласный в произношении давно уже не существует, а все продолжает изображаться в письме (от согласного здесь остался только открытый проход в полость носа, а особая артикуляция его уже давно отсутствует). В польском письме носовое свойство гласных изображается особым значком под буквой: ę, ą (причем посредством ą в польском передается **о** носовое; причины этой условности лежат, конечно, в истории самого польского письма). — В старо-славянском (иначе, древне-церковно-славянском) для них существовали особые буквы: «юс большой» ѫ обозначал **о** носовое, «юс малый» ѧ — **е** носовое.

§ 35. Гласные с неполным голосом и без голоса. Мы видели выше (§ 18), что такое голос, отсутствие голоса и неполный голос.

При одной и той же артикуляции в полости рта, но вследствие различий в действии при этом голосовых связок, может быть один и тот же гласный звук с полным голосом, с неполным голосом и без голоса.

Наиболее обычно произношение гласных с полным голосом, т.-е. при полном звучании голосовых связок. Но есть в разных языках звуки, которые и в нормальной речи произносятся «вполголоса», «полушопотом», т.-е. не при полном звучании голосовых связок. Такие гласные есть и в русском языке; так, напр., ыᵊ — гласный среднего ряда среднего подъема — произносится обычно с неполным голосом, и исторически он возник на месте полных **о**, **а** в положении их без ударения, именно в связи с убылью голоса. С неполным голосом произносится, напр., конечное **е** в нем. hatte. Такие гласные можно назвать «полуглухими». Наконец, при произнесении гласных шопотом мы получаем гласные совсем без голоса, так как при этом голосовые связки совсем не звучат.

В этом последнем случае шум, как мы знаем, образуется в гортани. Но возможен такой случай: в гортани ни голоса, ни шума нет, т.-е. воздух проходит бесшумно в широкую голосовую щель, но полость рта приняла при этом такое положение, какое требуется для того или иного гласного; тогда воздух, проходя по полости рта, настроенной, так сказать, напр., на **а**, даст легкий шум (уже в самой полости рта); этот легкий шум физиологически представляет собою гласный звук **а**, но безголосый; акустически же он похож не на **а**, а на очень слабый звук **х**. Таково, напр., обычное нем. h. Такой безголосый гласный нужно отличать от так называемого «придыхания»: придыхание образуется в гортани (см. стр. 32), физиологически является звуком согласным и акустически характеризуется гораздо более сильным шумом. Безголосые гласные можно назвать «глухими».

§ 36. Согласные. Согласные различаются по **составу**, по **способу** артикуляции и по **месту** ее.

1. Согласные могут состоять или из одного только шума, или из шума и голоса; во втором случае может преобладать или шум над голосом, или голос над шумом (см. § 20). В связи с этими различиями, согласные делятся по **составу** на **шумные**, состоящие или из одного только шума, или из шума и голоса, но с преобладанием шума, и на **сонорные**, состоящие из шума и голоса, но с преобладанием голоса.

2. В шумных различают шумные **глухие**, состоящие из одного только шума, и шумные **звонкие**, состоящие из шума и голоса.

3. По **способу** артикуляции согласные делятся **на взрывные**, в которых шум происходит от вырывающегося воздуха при разрыве смыкания между органами, и на **фрикативные** (от латин. fricare — «тереть»), в которых шум происходит от трения воздуха между сближенными органами. О таком двояком происхождении шумов см. в § 20. Вместо этих встречаются в лингвистических сочинениях и другие физиологические термины, указывающие также на ту или иную сторону образования шумов; вместо «взрывные»: «затворные», «смычные» (то же нем. Verschlusslaute), а вместо «фрикативные» (то же нем. Reibelaute): «щелинные» (от щель, то же нем. Engelaute от Enge—теснина), «проточные» (проток для воздуха), «спиранты» (от латин. spirantes—дыхательные) и, как перевод последнего, «придувные». Наконец, термины: «мгновенные» (то же нем. Momentanlaute) и «длительные» (то же нем. Dauerlaute)—акустические и указывают на впечатление от звука на слух; при этом не надо «длительные» смешивать с «долгими» (см. в § 45): «длительные» *могут* длиться, т.-е. могут быть и краткими и долгими; «мгновенные» *не могут* длиться.

4. По **месту** артикуляции, т.-е. по месту образования шума, согласные делятся на **задненебные**, **средненебные**, **зубные**, **губные** и **гортанные**.

§ 37. В нижеследующей таблице (см. стр. 31) указаны согласные звуки всех этих рядов, кроме гортанных; буквы русские с добавлением нескольких нерусских.

Указанные здесь и в § 42 звуки, подобно гласным, следует рассматривать, как известные типы, к которым возможно свести так или иначе все живое разнообразие согласных звуков в человеческих языках.

§ 38. Остановимся теперь подробнее на образовании согласных звуков.

Задненебные образуются в заднем небе путем смыкания или сближения задней спинки языка с мягким небом; при этом или есть голос или нет. Звуки, напр., **к** и **г** сходны тем, что оба образуются смыканием (оба звука взрывные), а различаются тем, что при **к** нет голоса (глухой), а при **г** есть (звонкий). С другой стороны, звуки **к** и **х** сходны тем, что оба образуются без голоса (оба глухие), а различаются тем, что **к** образуется смыканием

Таблица согласных звуков[1]**.**

			Задненебные	Средненебные	Зубные	Губные
Шумные	взрывн.	глух.	к	к̑	т	п
		звонк.	г	г̑	д	б
	фрикативн.	глух.	х	х̑	с ш ϑ	ф
		звонк.	γ	γ̑ j	з ж δ	в w
Сонорные	Плавные		(р)		р л	(р)
	Носовые		ṅ	н̑	н	м

(взрывный), а х сближением тех же органов (фрикативный).— Как в ряду взрывных задненебных при глухом к есть звонкий **г**, так в ряду фрикативных при глухом **х** есть звонкий звук, существующий в наречии южно-великорусском; встречается этот задненебный фрикативный звонкий звук в немногих словах и в литературном русском произношении, напр., г о с п о д и, б о г а, б л а г о и некот. друг. Он качеством похож на **г**, но только его можно протянуть, чем он сходен и с **х**. Для этого звука в русской

[1]) То же латинскими буквами с добавлением нескольких греческих:

k	k̑	t	p
g	g̑	d	b
x	x̑	s š ϑ	f
γ	γ̑ j	z ž δ	v,w
ṅ	n̑	r l n	m

азбуке нет особой буквы, и в науке его принято обозначать условно греческой буквой γ («гамма»).

Примечание Южно-великорусам (уроженцам Тульск., Калужск., Рязанск., Тамбовск., Орловск., Курской губ., Донской области и нек отор друг. мест) следует иметь в виду, что звук γ только для северно-великорусского и литературного произношений является звуком редким, а для них это звук обычной и единственный, т.-е. они произнесут его не только в господи и т. п., но и везде, где только пишется **г**—город, выгода, Евгений и проч. Если кому не случалось никогда обращать внимание на разницу этих двух звуков, то для упомянутых лиц единственное средство—прислушаться к звуку **г** в произношении москвича или северно-великоруса (не в слове господи), а москвичу или северно-великорусу — сравнить свое произношение господи (лучше восклицательное) и, напр., город. В украинском и в белорусском языках обычный звук не **г** взрывный, а вместо него гортанное придыхание.

Относительно задненебных согласных необходимо заметить, что в школьных грамматиках их обыкновенно называют гортанными. Это название неверно, потому что они образуются не в гортани, и неудобно еще тем, что кроме них существует особый класс согласных, образующихся, действительно, в гортани. (О них ниже.)

Средненебные образуются в «среднем» (см. в § 22) небе путем смыкания или сближения с ним средней спинки языка (срав. сказанное о задненебных). Акустически здесь получаются почти те же звуки, **к**, **г**, **х**, γ. Такие звуки услышим, если произнесем сочетания (необычные в руссом языке): кэ, гэ, хэ, γэ. Таковы, напр., средненебные звуки в немецких словах: Kind, ich, Gipfel. В русском языке средненебные также существуют, но они бывают лишь **смягченными**: руке, дуге, мухе, южно-великорусское дуγе (рука, дуга, муха, дуγа имеют **к**, **г**, **х**, γ задненебные). В чем состоит явление «смягчения», чем различаются твердые и мягкие, иначе—несмягченные и смягченные звуки (напр., **т** и **ть**, **с** и **сь** и т. д.)—будет сказано в § 40.—Редкий пример несмягченного (твердого) средненебного **к** в русском языке представляет диалектическое произношение откэда («откуда», не следует смешивать с другими произношением: откеда, где к средненебное смягченное: при оттуда—откуда, при оттеда—откеда, так при оттэда—откэда).—Средненебные принято изображать $\hat{к}$, $\hat{г}$, $\hat{х}$, γ.

Из сравнения задненебных с средненебными видно, что вторые являются физиологически тем же, что и первые, но передвинутыми несколько вперед. Принимая эти типы, не следует забывать возможность разновидностей более задних и более передних в обоих этих типах. Очень распространена в языках одна из более передних разновидностей смягченного звонкого фрикативного средненебного звука (γ), известная под названием «ёт» (буква j). Звук ёт существует, напр., в нем. языке (ja, jener), во франц. (yeux); он существует также и в русском языке, но в русском письме не изображается особой буквой: я=ja, своё=свajo, шью=шjу.

Примечание. Для кого существование в русском языке звука j является новостью (а это возможно потому, что он не изображается особой буквой), тот пусть постарается выделить его в собственном произношении, растягивая слог **я** или **ю**, подобно тому, как обучающиеся грамоте по звуковому способу выделяют звуки, напр., **с** из слога **са**, растягивая его (с-с-с-а-а-а); вторым звуком в слоге **я** будет **а**, в слоге **ю**—**у**, а первым в обоих будет j, звук, похожий на **и**, но отличающийся от него энергичным шумом, чем вообще отличаются согласные от гласных.

Зубные образуются путем смыкания или сближения языка с верхними зубами у самой десны или у нижнего их края (так что язык несколько выступает между зубами); существуют еще другие артикуляции зубных. Отюда видно, что термин «зубные» употребляется в широком смысле и обнимает собою несколько классов звуков, образующихся передним краем языка вообще около зубов (верхнезубные, межзубные, зазубные и т. д.).

Взрывные **т** (глухой) и **д** (звонкий) в русском языке обыкновенно верхнезубные.—Зубные фрикативные **с** (глухой) и **з** (звонкий), называемые свистящими, характерное свойство своего шума—«свист»—получают оттого, что воздух узкой струей идет по желобку, образующемуся в передней спинке языка, прижатого к нижним зубам, и разбивается о края нижних зубов.—Зубные фрикативные **ш** (глухой) и **ж** (звонкий), называемые шипящими, образуются в общем так же, как и свистящие, но язык к нижним зубам не прижат, почему за ними образуется свободное пространство—резонатор, в результате чего и получается не свист, а другой характерный шум—«шипение».—Греческими буквами ϑ («тѐта») и δ («дѐльта») условно обозначена третья пара фрикативных зубных звуков (глухой и звонкий), существующих, напр., в греческом

и английском языках (англ. th); эти звуки межзубные: воздух не разбивается о края нижних зубов, так как они прикрыты кончиком языка, а трется о края верхних зубов.

Губные образуются путем смыкания или сближения губ между собою или верхних зубов с нижней губой. Следовательно, в губных можно различать «губно-губные» (иначе «билабиальные») и «зубно-губные». Русские взрывные **п** (глухой) и **б** (звонкий)—губно-губные, а фрикативные **ф** (глухой) и **в** (звонкий)—зубно-губные. В других языках и некоторых говорах русского языка часто встречается **в** «губно-губное», т.-е. образующееся одними губами, как **б**, но не смыканием, а сближением губ. В фонетической транскрипции его принято изображать буквой **w**.

Гортанные согласные сравнительно редки в языках (существуют, напр., в семитских языках). Образуются они в самой гортани смыканием или сближением голосовых связок, т.-е. могут быть гортанные и взрывные и фрикативные, с звучанием и без звучания связок, т.-е. могут быть глухие и звонкие. К ним принадлежат различные **придыхания**, напр., звонкое гортанное придыхание, встречающееся в белорусском и украинском языках на месте северно-великорусского **г**.

Все рассмотренные до сих пор согласные относятся к **шумным**.

§ **39. Сонорные** согласные по месту образования могут быть приурочены к тем же классам, как и шумные. К сонорным принадлежат **плавные р** и **л** и **носовые н** и **м**.

Звук **р**—обыкновенно зубной, в широком смысле слова, и образуется приближением кончика языка к верхней десне, причем самый кончик приходит в дрожание (подобно колеблющемуся язычку музыкальной трубы). Таков русский **р**. Но **р** может образоваться и в заднем небе; задненебный **р** распространен во французском произношении и называется «картавым»; при нем дрожит «маленький язычок».—Наконец, **р** может получиться при дрожании губ; такой губной **р** слышится в звуке «тпру», которым останавливают лошадей, в детском слове «тпруа» («гулять»), в слове «тпрусе́нь», которым кличут жеребят.

Звук **л**—зубной. Кончик языка упирается или в десну, или в зубы (сравн. образование зубных шумных), а по бока́м остаются проходы, или только с одного бока один проход, по которым и

течет воздух; следовательно, полного смыкания нет, и звук не взрывный. Различаются л веляризованный и невеляризованный; а именно при твердом л, как в русском ла, задняя часть спинки языка приподнята к заднему небу, как в артикуляции гласного у; такой подъем называется веляризацией, а такое л—веляризованным; его принято изображать (если не русской буквой) латинской перечеркнутой буквой ł. Во франц. la звук л невеляризованиый; то же и в русск. ля, где л сверх того еще смягченный. Невеляризованной и несмягченный л принято назывыть «европейским».

Главнейшая особенность в образовании **носовых** согласных та же, что и при носовых гласных, т.-е. носовая занавеска открыта. В остальном они образуются так же, как шумные, и именно мгновенные, т.-е. полным смыканием органов в заднем небе (н задненебный), в среднем небе (н средненебный), около зубов (н зубной; таков, напр., русский), или, наконец, губ (м). Задненебный н слышится, напр., в нем. Bank, в русском же банк—н зубной (во франц. banque совсем нет согласного н, а только гласный а носовой). Понятно, что, несмотря на полное смыкание, н и м не являются взрывными; их можно тянуть потому, что для воздуха остается свободный проход через нос. Из сказанного следует, что н зубной образуется так же, как д,—н задненебный, как г,—м, как б, но только при открытом проходе в полость носа; поэтому если мы захотели бы при открытом проходе в полость носа произнести д, г, б, то получилось бы н, ṅ, м.—Знаки для разных н см. в таблице согласных на стр. 31.

Подобно «глухим» и шопотным гласным, и сонорные могут иногда после глухих согласных являться без голоса с одним шумом; такое шопотное р, напр,, может слышаться в Петр, шопотное м—драхм и т. п.

§ 40. Смягчение. Согласные, которые нам на слух кажутся «мягкими», «смягченными», отличаются от соответствующих им твердых тем, что артикуляция их осложнена еще какою-то переднenебной артикуляцией, вроде той, которая нужна для образования гласных е или и, т.-е. при произнесении «мягких» согласных мы делаем то же, что и при соответствующих твердых, но прп этом кончик языка еще направляется к переднему небу: как-будто бы, произнося твердый, мы в то же время «хотим» произнести и. То

свойство, которое мы называем «мягкостью» звука, физически состоит в более высоком тоне звука сравнительно с тоном соответствующего твердого; а изменение в высоте и обусловливается именно указанным осложнением артикуляции, изменяющим соответственным образом объем и форму резонатора (т.-е. полости рта). Смягчение иначе называют палатализацией, а смягченные звуки—палатализованными (от слова palatum=твердое небо). Таким образом, «палатализованный» это—термин физиологический (указывающий на образование звука), а «мягкий»—термин акустический (описывающий наше слуховое впечатление).

К смягчению не все согласные одинаково способны; более способны, понятно, те, артикуляция которых ближе к переднему небу (напр., зубные, средненебные и губные), а, напр., задненебные неспособны смягчаться. Смягчение очень распространено в русском языке.

Примечание. Как видим, мягкость—свойство согласных, а не гласных, как можно было бы думать, судя по тому, что в школьной грамматике буквы **е**, **и**, **я**, **ю** называются, а прежде еще **ѣ** и **і** назывались „мягкими“; этот школьный термин „мягкие гласные“ можно допустить только, как название *букв*, пишущихся после мягких согласных. Что же касается изображения мягкости согласного, то существуют в разных орфографиях различные способы. У нас, как мы видим, для мягких согласных употребляются те же буквы, что̀ и для твердых, а мягкое свойство их изображается не в согласной букве, а в следующей за ней гласной (наприм., **да**=**д** твердое+а; **дя**=**д** мягкое+а и т. д.). Этот способ, по существу неверно передающий звуки, удобен тем, что освобождает от необходимости иметь особые буквы или знаки для мягких согласных (а в русском языке все согласные, кроме **ч**, **ц**, **ж**, **щ**, могут быть и твердыми и мягкими). Для сербов, напр., в языке которых только несколько согласных могут быть мягкими, существование отдельных букв для мягких не представляет неудобства; в сербском правописании **л**, наприм., означает **л** твердое, **љ**—**л** мягкое; **н**—**н** твердое, **њ**—**н** мягкое и пишется, напр., коњ („конь“), коња („коня“), коњу („коню“). В польском письме мягкость согласного обозначается двояко: не перед гласной—значком над согласной, перед гласной—чрезвычайно условно, посредством буквы і после нее; так, напр., trudność (читается трудносьць), koń, konia, koniowi (конь, ко̀ня, конёви).

Мягкость согласного, за которым не следует гласного, в русском письме изображается условно посредством **ь**: конь, тоньше, или остается необозначенной вовсе, напр., в словах: дочка, измял, тончайший ничем не обозначена мягкость звуков **ч**, **з**, **н**.

Не следует, кстати сказать, думать, что ь в русском письме ставится только после мягкой согласной; так, напр., в рожь, мышь, ружье, шью он стоит после твердых; иначе говоря, ь у нас является не только „мягким знаком“, но и в иных ролях.

§ 41. Такая осложненная артикуляция, как смягчение, вовсе не стоит одиноко в человеческом языке. С явлением смягчения согласных однородно другое явление: **лабиализация** согласных; при произнесении лабиализованного согласного губы несколько вытягиваются вперед: говорящий как бы стремится в то же время произнести гласный у. Лабиализованные согласные (именно задненебные) были в индо-европейском праязыке, существуют теперь в датском языке. В русском согласные перед лабиализованными гласными сами могут являться несколько лабиализованными.

§ 42. **Слитные согласные.** Кроме простых согласных, к которым относятся все до сих пор рассмотренные (в том числе и смягченные и лабиализованные), существуют еще согласные **слитные.**

Один вид слитных согласных называется **аффрикатами.** Они образуются из слияния в один звук двух рядом стоящих согласных одного класса по месту образования и однородных по участию голоса (двух глухих, двух звонких), но из которых первый—взрывный, а другой—фрикативный.

Наиболее употребительны в языках аффрикаты **зубные.** Таковы:

ц—из зубн. взрывн. глух. **т** + зубн. фрикат. глух. **с.**

ч—из зубн. взрывн. глух. **т** + зубн. фрикат. глух. **ш.**

дз—из зубн. взрывн. звонк. **д** + зубн. фрикат. звонк. **з.** Напр., старо-слав. звук в словах: боѕи, помоѕи [1]); белорусск. в слове дзед (= дед); в русской речи эту аффрикату можно услышать при тесном слиянии в произношении **ц** с последующим звонким: отец болен (отедзболен), Гинцбург (гиндзбург), уж и хитрец же (хитредзже).

дж—из зубн. взрывн. звонк. **д** + зубн. фрикат. звонк. **ж.** Эта аффриката существует в сербск., итальянск. яз. (напр. итал. adagio произносится ададжо); в русской речи этот звук можно услышать при тесном слиянии **ч**

---

1) Ст.-слав. буква ѕ обозначала именно такой слитный звук дз и называлась «ѕѣло», буква з называлась «земля» и обозначала простой звук з.

со следующим звонким, напр., алчба [1]), учба [2]), дочь больна, Бонч-Бруевич, Манчжурия произнесем: алджба, уджба, доджбальна, бонджбруевич, маньджурийа.

В латинской транскрипции указанные аффрикаты передаются буквами: **c, č, dž, ǧ.**

Аффрикаты необходимо отличать от неслитного произношения рядом стоящих звуков; выражение «слияние двух звуков в один новый» надо понимать в том смысле, что в аффрикате есть элементы того и другого звука; напр., в **ц** есть элементы **т** и **с**; получается же это от **недостаточно быстрого размыкания затвора**, делаемого при **т**, вследствие чего образуется на некоторое время теснина между языком и зубами, в которой естественно получается элемент звука **с**, пока по ней проходит воздух. Таким образом, **ц** отличается от **тс** тем, что и **т** и **с** в **ц** не совсем такие, каковы они в отдельном произношении.

Другой вид слитных согласных называется **придыхательными** согласными, или **аспиратами**. Они состоят из согласного взрывного и придыхания (т.-е. гортанного фрикативного согласного). Обычно придыхательное произношение согласных перед ударяемой гласной в немецком языке, напр., Ton.

§ **43. Различие гласных и согласных.** Мы воспользовались обычным делением звуков на гласные и согласные, но говорили уже выше, что различие между ними по образованию несущественное. Было указано между прочим (§ 27), что не в участии или отсутствии голоса состоит это различие. Теперь удобнее отдать себе отчет, в чем же состоит это несущественное различие.

Из рассмотрения образования различных звуков мы можем теперь заключить, что гласные не требуют участия каких-либо иных, чем согласные, органов речи для своего образования, не требуют и какой-либо особой, им только свойственной, работы этих органов. Физиологическое различие гласных и согласных состоит только в том, что при гласных 1) раствор рта вообще шире, чем при согласных, 2) органы речи никогда не смыкаются, и

---

[1]) В одном стихотворении В. Брюсова (в значении «голод», сравн. глагол алкáть).

[2]) Народное слово в значении «ученье».

3) сближение их никогда не достигает такой сильной степени, как при согласных. Гласные, следовательно, являются звуками более «широкими», согласные более «узкими», и самый узкий гласный шире самого широкого согласного. Вследствие этого голос при гласных очень слышен, а шум, так сказать, поглощается голосом (однако он присутствует и в гласных, давая голосу различную окраску). Таким образом, физиологическое различие между гласными и согласными сводится лишь **к степени участия органов речи** в образовании звуков.

Для выяснения границы гласного и согласного поучительно сравнить образование, напр., гласного **и** и согласного **j**; место образования того и другого можно считать одним и тем же, разница в величине щели: большая узость ее дает преобладание шуму над голосом (j), несколько расширенная щель дает преобладание голосу (и).—Возьмем еще согласный губно-губной **w** (см. в § 38) и гласный **у**: несколько вытянутые губы сближены; между ними выдуваемый воздух издает шум, которым заглушается голос,—получается согласный w; губы вытянуты более, но раскрыты шире, и шума уже не слышно, он заглушен голосом,—получается (если при этом задняя спинка языка поднята известным образом к нёбу) гласный **у**.—Граница гласного и согласного совсем стирается при сравнении глухого гласного (§ 35) с обыкновенным, т. е. голосовым: акустически те легкие шумы, которые представляют собою глухие гласные, мы отнесем скорее к согласным звукам. Наконец, как мы видели, сонорные согласные гораздо ближе к гласным, чем к остальным согласным.

В школьной грамматике указывается, как на разницу, что гласные образуют слог, а согласные нет. Если бы это и было верно, то не касалось бы различий в образовании; но и вообще это не составляет различия между гласными и согласными, потому что, как увидим ниже (§ 47), и согласные могут образовывать слог, и гласные могут не образовывать слога.

§ 44. Физиологическая классификация звуков речи. Познакомившись с образованием звуков речи, посмотрим, как возможно классифицировать их, исходя из более существенных физиологических признаков, чем те, на основании которых установлены классы гласных и согласных звуков.

По **степени участия шума и голоса** в образовании звуков известные уже нам разряды звуков можно расположить в следующем порядке—по степени убывающего участия шума:

шумные глухие (один шум, голоса нет),
шумные звонкие (голос есть, но шум преобладает),
сонорные (голос преобладает, шум есть),
гласные (голос преобладает еще более, шума еще менее).

С этой точки зрения сонорные согласные звуки и звуки гласные можно объединить в один класс **сонорных** звуков, т. е. звуков с преобладанием голоса, противоположив его классу **шумных**, т.-е. звуков с преобладанием шума. Всякого рода шопотные звуки и «гласные глухие» отойдут к классу шумных.

Если мы взяли бы за основание деления **взрывную артикуляцию**, то получили бы:

Звуки со взрывом:	Звуки без взрыва:
Согласные шумные взрывные: глухие и звонкие.	Согласные шумные фрикативные: глухие и звонкие.
	Согласные сонорные (в том числе и шопотные).
	Гласные (в том числе и глухие и шопотные).

Если бы, наконец, мы исходили от присутствия или отсутствия **голоса**, то получили бы:

Звуки голосовые:	Звуки безголосые:
Гласные с полным голосом.	Гласные глухие и шопотные.
Гласные полуглухие (§ 35).	
Согласные сонорные.	Согласные сонорные шопотные.
Согласные шумные звонкие: взрывные и фрикативные.	Согласные шумные глухие: взрывные и фрикативные.

§ 45. Различия звуков речи по количеству, высоте и силе. В начале этой главы было указано, что в звуках речи наблюдаются, как и во всяких звуках, различия по силе, высоте (или тону) и тембру (окраске). Все до сих пор рассмотренные различия касались тембра, составляли **качество** звуков.

Под **количеством** понимается количество времени, в которое произносится звук. Различаются **долгие, краткие и иррациональные** (короче кратких) звуки. Эти понятия относительные, т.-е. дол-

гими, краткими или очень краткими могут быть одни звуки сравнительно с другими в том же языке; долгие или краткие звуки одного языка могут не равняться по продолжительности долгим или кратким другого.—Количество различается как в гласных, так и согласных звуках. На письме долгие согласные изображаются обыкновенно двойной буквой: длинный, масса. Понятно, долгими не могут быть взрывные (см. § 36, 3); но они могут *казаться* долгими, напр., оттуда, наподдать; эту акустическую иллюзию долготы производит маленькая пауза после смыкания органов; таким образом, то, что изображается двумя буквами **тт**, представляет собою паузу на затворе плюс один звук **т**.

Относительно **высоты** надо заметить, что каждый звук в каждом языке имеет свою нормальную высоту, с изменением которой звук акустически меняется.

На различии в **силе** основано, как сейчас увидим, различие слоговых и неслоговых звуков, а также один из видов явления, называемого «ударением».

§ 46. Слог. Речь наша состоит из непрерывного ряда звуков, которые следуют друг за другом, не сливаясь между собой. Речь делится на слова, которые с внешней стороны представляют собою звук или звуки, подчиненные одному ударению (об ударении см. § 48), а с внутренней стороны слово—такая единица, которая имеет особое значение. Это последнее обстоятельство и позволяет слушающему разлагать речь говорящего на отдельные слова, найти границу между словами; так, речь на неизвестном нам языке мы не разобьем правильно на отдельные слова; так, если даже среди известных слов нам встретится несколько незнакомых, они могут слиться в одно целое. Напр., слова «дар Валдая» в песне, где поется: «И колокольчик, дар Валдая, звенит уныло под дугой»,— кому не казались одним словом в детстве, когда ни значение «дар», ни «Валдая» не были понятны? Они представлялись каким-то деепричастием «дарвалдая» от несуществующего глагола «дарвалдать». Писатель Мережковский в детстве читал Лермонтовский стих: «По небу полуночи ангел летел» так: «По небу, по луночи», решив, что есть такое слово «луночь». Или одно незнакомое слово может слиться со знакомым: «На нем флюгера не шумят» может обратиться в «На нем флюгеране шумят» («флю-

геране» ученик понимал в смысле какого-то отряда матросов). Или часть слова может оторваться и пойти на осмысление другого, непонятного: «Шуми, шуми волнами, Рона!» понято было: «Шуми, шуми, волна Мирона!» Таким образом, на слова речь делится только по смыслу. Но не на эту сторону дела, смысловую, теперь обратим внимание, а на внешнюю, звуковую.

С внешней стороны речь делится на отделы от паузы до паузы, которые можно назвать **речевыми тактами**. В пределах речевого такта непрерывный ряд звуков: мы не останавливаемся после каждого слова. Но эти звуки не одинаковы по силе выдыхания (экспирации). Слух различает более сильные звуки; рядом стоящие, более слабые, как бы примыкают или к предшествующему, или к следующему сильному, и весь речевой такт является разбитым на частички, отделенные одна от другой или прекращением или ослаблением экспирации. Эти частички—слоги. Так, напр., границу между первым и вторым слогом в слове т р у б а составляет затвор губ, нужный для взрывного б; в момент затвора прекращается экспирация; взрыв относится ко второму слогу. Границу в слове т р а в а составляет образование нужной для в теснины между верхними зубами и нижней губой; в этот момент ослаблена экспирация. В долгих звуках слогораздел приходится по середине звука; напр., в м а с с а момент наименьшей силы экспирации является в середине произнесения долгого с, так что этот звук, не прекращаясь, как бы распадается на две части.

Таким образом, **слог**—это один или несколько звуков, произнесенные отдельным напором выдыхаемого воздуха.

§ 47. Звуки слоговые и неслоговые. Звук, произносимый в слоге с наибольшей силой, называется **слоговым**, или слогообразующим; другие звуки в слоге по силе подчинены ему, произносятся, так сказать, заодно с ним; такие звуки называются **неслоговыми**.

Все гласные могут быть слоговыми, но могут быть и неслоговыми. Наиболее употребительны в языках в качестве слоговых именно гласные. Пример неслогового гласного можем видеть в русских слогах ай, ой, где **и**—неслоговое. В белорусском в о у к, б ы у (волк, был)—**у** неслоговое. В школьных учебниках й неслоговое называют «кратким»; этот термин дает повод к неверному

пониманию природы этого звука: главное свойство такого **и**—недостаточность не в количестве, а в силе, вследствие чего оно и не образует особого слога; сравн., наприм., с а р а й и с а р а и; что же касается количества, то по количеству неслоговое **и** может и не быть кратким. Ему шло бы скорей название «слабого» **и**.

Соединение гласного слогового с гласным неслоговым называется **двугласным, или дифтонгом.** Неслоговое свойство гласного принято изображать полукружочком под буквой: a̯, i̯ и т. п. Мы ниже будем изображать **и** неслоговое русской буквой **й**.

Все согласные могут быть неслоговыми, но могут быть и слоговыми. Наиболее употребительны в качестве неслоговых звуков именно согласные; в качестве же слоговых согласных чаще встречаются в языках сонорные. Слоговое свойство согласного принято изображать кружочком под буквой: л̥, н̥ и т. п.

П р и м е р ы. В древне-индийском, старо-славянском, чешском и других языках известны слоговые **р** и **л** (напр., чешск. vl̥k «волк», kr̥k «шея»), в индо-европейском праязыке были слоговые **р, л м, н.** При быстром произношении слоговые согласные могут явиться и в тех языках, где вообще их нет. Напр., И в а н о в н а может быть произнесено так, что будет скрадено - о в -; тогда третий слог будет состоять из одного **н**, т.-е. **н** слогового: И-ва-н̥-на. Так же: всам̥деле (в самом деле), нов̥ва (нового) и т. п. Или, напр., немецкие einen, Apfel могут звучать ei-nn̥, Ap-fl̥.

Примечание. Явление слога возникло, повидимому, в человеческом языке механически, в зависимости оттого, что человек для говорения воспользовался теми же органами, которые служат ему для дыхания. При необходимости одновременно говорить и дышать, дыхание, естественно, вырывается тогда, когда раствор рта и уклад органов речи шире, что наблюдается при гласных и сонорных; этим можно объяснить преобладающую роль гласных и сонорных в качестве слоговых.

§ 48. Ударение. Среди слогов в слове один всегда выделяется, а другие являются ему подчиненными. Это выделение одного слога, как главного, называется **ударением слов.**

Выделяться слог может 1) силою звука; это ударение называется **выдыхательным**, иначе экспираторным; или 2) высотою звука—**музыкальное**; или 3) силою и высотою—**смешанное.** Музыкальное существовало в древне-греческом; смешанное существует в сербском и литовском; выдыхательное —в русском языке.

Как бывает ударение слова, так возможно **ударение целого сочетания слов** [1]), т.-е. одно из слов будет выделяться из ряда других силой. Так, если я, говоря: «подай мне книгу», прошу подать мне книгу, а не что-либо иное, я сделаю ударение целого предложения на слове «книгу».

§ **49. Слоговое свойство и выдыхательное ударение.** Между слоговым свойством и выдыхательным ударением, как видим, есть связь: это—разные степени одного и того же явления—силы выдыхания. С этой точки зрения выделение в слоге слогового, как более сильного, звука можно назвать ударением слога подобно тому, как выделение более сильного слога в слове называем ударением слова, а выделение более сильного слова (т.-е. с наиболее сильным слогом) называем ударением словосочетания или предложения.

Если мы силу неслогового звука обозначим 1, а слогового 2, то слово «дай» изобразим так:

дай
1 2 1

Слоговой звук в слоге, носящем ударение слова, будет сильнее слогового же звука в другом слоге того же слова; поэтому обозначим его через 3:

кни́ - гу
1 1 3 1 2

Ударение словосочетания обозначим 4:

по - да́й мне кни̋ - гу
1 2 1 3 1 1 1 2 1 1 4 1 2

---

1) Называется обыкновенно «логическим» ударением.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВЕ II.

ЗВУКИ РУССКОГО ЯЗЫКА

§ 50. В главе II мы занимались общим вопросом о том, какие звуки существуют в человеческом языке и как они образуются, причем примеры по весьма понятным причинам приводили, главным образом, из русского языка. Теперь мы обратимся к частному вопросу о звуковом составе русского языка, иначе говоря, **к фонетике** (ср. § 10) русского языка. Термин «русский язык» нужно понимать везде в смысле современного общерусского литературного языка, в основание которого исторически лег московский говор (города Москвы и ее ближайших окрестностей).

При школьном обучении русскому языку, в силу тех задач, которые преследует это обучение, обыкновенно главнейшее, если не все, внимание обращается на то, что пишется, а не на то, что говорится, на правописание, а не на язык. Поэтому мы так привыкаем к буквам, что, когда приходится рассуждать о звуках, склонны постоянно думать о буквах. Но знание букв не дает знания звуков, так как в любом письме, и в том числе в русском, одною и тою же буквой могут передаваться разные звуки и, наоборот, один и тот же звук может передаваться разными буквами; напр., одной буквой **е** передаются звуки и э и о после мягких согласных, напр.: л е с т ь и л е д (л̓от); одною буквою **о** передаются три разных звука в словах, напр., в о д н ы й, в о д а, в о д я н о й (звуки о, а, «ъ»); наоборот, разные буквы **а** и **я** передают один и тот же звук, напр., ч а й и п я т ь; наконец, известные сочетания звуков могут передаваться настолько условно, что из букв нельзя извлечь никаких указаний на входящие в их состав звуки: таково, например, **ться** (учиться), произносимое как **цць**. При научном отношении к языку это смешение букв со звуками недопустимо. При чтении того, что изложено ниже, надо, следова-

тельно, стараться отрешиться от букв, так как дело идет не о них, а о тех звуках, которые можно подметить в русском произношении.

Какие же звуки существуют в русском языке? Наполовину этот вопрос уже получил ответ в главе II. Теперь мы соберем все уже приведенные данные по этому вопросу и прибавим еще некоторые, которые не могли найти себе места в предшествовавшем изложении; однако мы не будем задаваться целью исчерпать звуковой состав русского языка во всех его мельчайших подробностях и ограничимся главнейшим.

	Передние	Передне-средние	Средние	Задние	
Нелабиализованные	и	$\text{ы}^{\text{и}}$	ы		Верхн.
	э	ь [1]	ъ [1]		Средн.
	ä		ȧ	а	Нижн.
Лабиализованные	ӱ		у̇	у	Верхн.
			ȯ	о	Средн.
					Нижн.

Сначала укажем гласные, а потом согласные звуки русского языка.

§ 51. Гласные звуки русский язык имеет следующие: из передних нелабиализованные **и**, **э**, **ä** и лабиализованные типа ӱ;

[1] Во избежание недоразумений, может быть, нелишне напомнить, что буквы ъ и ь в обычном письме не обозначают каких-либо особых звуков. Берем их здесь в условном значении, чтобы не выдумывать каких-либо новых знаков.

из средних нелабиализованные ы, ъ, а́ и лабиализованные у̊ и о̊; из задних нелабиализованный а и лабиализованные у и о; встречаются промежуточные типы между передними и средними: промежуточный между и и ы звук ы^{и} и промежуточный между э и ъ звук ь. Названные звуки представлены на стр. 46, в таблице, подобной той, которой мы уже пользовались выше для классификации звуков; пустые клетки означают, что соответствующие звуки в русском литературном языке или не встречаются совсем, или чрезвычайно редки (т.-е. могут встретиться, как особенности какого-либо индивидуального произношения).

В следующем § указываются условия, при которых появляются в русском языке некоторые из названных звуков или известные разновидности их.

§ 52. Замечания о гласных звуках.

и является напряженным 1) под ударением, 2) в конце слова после согласного и после и: книги — оба и напряженные, лилии — последнее и напряженное; пила, сараи — ненапряженные. Известен также в виде неслогового (см. § 47): строю (стройу), чай.

ы^{и}, промежуточный между и и ы звук, является вместо ы (пишется и, е, а) между ж, ш и следующим мягким согласным: жить (жы^{и}ть, т мягкое) при жил (жыл, л твердое), шалить (шы^{и}лить, л мягкое) при шагать (шыгать, г твердое); жене (жы^{и}не) при жена (жына) и т. п.

ы является напряженным под ударением.

э является напряженным перед следующим мягким согласным и перед й (см. § 32).

ъ тот же звук, который выше (§§ 29, 30) обозначался ы^{э}; всегда является полуглухим; новое обозначение ввожу здесь для того, чтобы обозначить именно полуглухую разновидность этого звука (буква ъ давно уже употребляется для этой цели во многих русских лингвистических сочинениях). При каких-то условиях ъ является напряженным, акустически более близким к ы (так, напр., перед и после л: продал, облако). Этот звук исторически возник в русском языке на месте старых а и о в положении их без ударения, но не в первом перед ударяемым слоге; вот почему он до

сих пор в русском письме изображается буквами **а** или **о**. Таким образом, теперь мы произносим этот звук там, **где пишем а или о** (а после **ж, ш, ц** и другие буквы) в **неударяемых** слогах, но **не в первом перед ударением**; напр., в городско́й, захоте́л мы слышим этот звук в слоге втором перед ударением; в вы́года, вы́дача мы слышим этот звук в слоге первом после ударения; в слоге же **первом** перед ударением слышится **а**: садо́вник, вода́. Этот звук иногда является **иррациональным** (§ 45): именно во втором перед ударением и в первом после ударения слоге, если только в первом случае указанным слогом не начинается, а в последнем случае не кончается слово; он может исчезать при ускоренном темпе речи: гордово́й, сковрода́ из городовой, сковорода; про́влока, всётки из про́волока, всё-таки.

ь является после мягких согласных и **й** неслогового; звук близкий к **ъ**, но более передний, промежуточный между **э** и **ъ**. Этот звук также всегда полуглухой. Условия его появления установить очень трудно. Он слышится, напр., на месте букв **е, я**, а в таких случаях, как: поле и по́ля, во́ля, злая (злайь), злое (злой), чаща, дача, тучам, рощам и др.

ӓ о нем см. §§ 30, 31.

а́ о нем см. §§ 30, 31.

ӱ о нем см. §§ 30, 31.

ӱ, ӧ появляются вместо **у, о** после мягких согласных и **й**, чаще в положении без ударения: передненебная артикуляция предшествующих звуков передвигает **у** и **о** (при наличности еще некоторых условий) из заднего ряда в средний: напр., **ӱ**: молодую (мъладуйӱ), **ӧ**: держал её (держа́лыйӧ).

§ **53**. Мы видим, что на месте старых полнозвучных **а** и **о** в известном положении появился полуглухой звук **ъ**, т.-е. **а** и **о** утратили когда-то часть своего голоса и, кроме того, изменили свое качество (из задних звуков лабиализованных стали средними нелабиализованными). Звук **о**, кроме того, в первом перед ударяемым слоге изменился в **а** (так называемое «аканье»): вода́ произносится вада́. И другие гласные в тех же неударяемых слогах (кроме первого перед ударением) также теряли часть своего голоса, не изменяя, впрочем, своего качества в такой степени, как старые

а и **о**. Таким образом, гласные **и**, **ы**, **у** в указанных слогах теперь **полуглухие**. Примеры: сундука́, рыбака́, ры́бу, ры́бы, вы́пилить и т. п. Что касается гласного **э**, то в указанных слогах он, теряя часть своего голоса, меняет несколько и свое качество; кроме того, он и в **первом** перед ударяемым слоге не сохранил своего качества; так, леса, плету, несу в московском произношении не являются в виде л̓эса́, пл̓эту́, н̓эсу́ (с **э** ненапряженным), а с промежуточным между **э** и **и** звуком л̓эиса́, пл̓эиту́, н̓эису́; этот вариант произношения принадлежит старшему поколению москвичей; в младшем здесь, вместо **э**, является **и** (ненапряженное): л̓иса́, пл̓иту́, н̓ису́ (первые два безразлично, следовательно, и для леса, плету и для лиса, плиту). Так в первом перед ударяемым слоге. В остальных неударяемых слогах являются те же по качеству гласные, но полуглухие, т.-е. **э**и или **и** полуглухие соответственно указанным вариантам произношения.

Примечание. Промежуточный между **э** и **и** звук является промежуточным и акустически и физиологически; а именно, на слух это **э**, склонное к **и**, а образуется он при поднятии языка повыше, чем это нужно для **э**, и пониже, чем для **и** (ср. § 28).

Наблюдая различия *неударяемых* гласных в различных слогах мы видим зависимость этих различий от места гласного относительно ударяемого слога и открываем здесь известную закономерность, т.-е. фонетический закон, который в общих чертах можно формулировать так: самым отчетливым [1]) из *неударяемых* оказывается гласный в 1-м предударном слоге (считая от ударяемого слога к началу слова); глуше и слабее — во 2-м предударном и 1-м заударном, а в 3-м предударном и во 2-м заударном гласные опять оказываются несколько отчетливее. Сравн. неударяемые гласные в словах городово́й, сковорода́, переверну́лась, на́волока, вы́таращила (подробнее об этом см. в моем «Русском правописании», гл. IV, § 24).

§ **54.** Таковы гласные *звуки*. Если мы обратимся теперь к **буквам**, изображающим гласные звуки, то увидим, что в таблице не нашли себе места буквы **е**, **я**, **ю**. Это потому, что особых каких-

---

[1]) Под «отчетливостью» понимаем известную степень звучности (голос) и силы (выдыхание).

либо звуков, лишних, сверх тех, которые передаются помещенными в таблице буквами, они не изображают. А именно буквы е [1]), я, ю 1) в начале слова, или после гласной, или после букв ъ и ь обозначают те же гласные звуки, что и буквы э, а, у, но с предшествующим j; т.-е. посредством одной буквы е, или я, или ю мы изображаем целый слог, состоящий из согласного j+гласные э, а, у; 2) после согласной обозначают условно **мягкость** этой предшествующей согласной и следующие за ней звуки э, а, у.

Под э, а, у здесь следует подразумевать разновидности: э, э̂, ӓ, а̇, а, ӱ, у̇, у.

Приведенные здесь значения имеют эти буквы в ударяемых слогах. Но большинство русских гласных в положении без ударения изменили свое качество (сравн., напр., появление ъ на месте неударяемых а, о, появление звука а на месте неударяемого о, как вода и др.). Поэтому в положении без ударения те же буквы е, я, ю могут иметь и другие значения (некоторые—очень многочисленные), но главное в их роли останется и там, т.-е. или 1) передавать целый слог (состоящий здесь из й+гласный), или 2) условно обозначать мягкость предшествующего согласного+гласный звук.

Звуковое значение букв е, ё, я, ю в ударяемых слогах, следовательно, таково:

я=1) ja : яма, своя, пьян; 2) мягкость согласной+а : дядя;
ю=1) jу : юг, свою, пью; 2) » » +у : дюжина;
е=1) jэ : ель, своей, съел; 2) » » +э : девять;
ё (е)=1) jo : елка, свое, льет; 2) » » +о : деготь.

После ж, ш и ц, когда-то бывших мягкими, а теперь отвердевших, буква е, понятно, обозначает только звук э: ж е с т, ш е с т ц е п = ж э с т, ш э с т, ц э п.

Примечание о звуках j *и* й. Повидимому, j является у нас перед гласным ударяемым, иначе—й: с в а j а̀ (своя), м а j у́ (мою), j э й (ей), но с в а̀ й ь (сва́я), мо́йу (мо́ю), й э и м у́ (ему).

§ 55. **Согласные звуки** в русском языке следующие (ср. таблицу на стр. 31):

[1]) А также и прежняя буква ѣ.

задненебные, всегда твердые: **к**, **г**, **х**, **γ** (в слогах: бога, господь и нек. др.);

средненебные, всегда мягкие: **к̑**, **г̑**, **х̑** (в слогах ке, ге, хе, ки ги, хи), **γ̑** (боге), **j**;

зубные как твердые, так и мягкие: **т**, **д**, **с**, **з**, только твердые: **ж** и **ш** недолгие; долгие **ж** и **ш** могут быть и мягкие (возжи = вож̄'и, щи = ш̄'и) и твердые (изжарил = иж̄арил, сшил = ш̄ыл);

губные как твердые, так и мягкие: **п**, **б**, **ф**, **в**;

сонорные как твердые, так и мягкие: **р**, **л**, **н**, **м**;

зубные аффрикаты: всегда мягкая **ч**;

твердая **ц** (мягкою бывает в редких случаях, напр., де͡цтве = детстве);

возможность появления звонких аффрикат **д͡з**, **ж͡д** вместо глухих **ц**, **ч** указана в § 42.

§ **56. О буквах**, обозначающих согласные звуки, следует заметить следующее:

Не обозначаются особыми буквами звуки γ, j.

Об обозначении мягкости согласных уже сказано было, что она обозначается или условно при помощи особых гласных букв (я, ю, е), или знаком **ь**, или же остается необозначенной (подробнее и примеры см. в примечании к § 40).

Буква **щ** передает долгое мягкое **ш** (ш̄')[1].

Долгие согласные (или кажущиеся долгими, см. § 45) передаются двумя буквами или одинаковыми, или неодинаковыми: так, **ж̄** слышится там, где пишется **зж**, **сж**, **жд**, **жж**, напр., **ж̄** мягкое: возжи, дожди, приезжать, жужжать, твердое: сжать; **ш̄** слышится там, где пишется **зч**, **сч**, **сш**, а также **щ**, напр., мягкое: извозчик, счет, щи; твердое: сшить (сюда же относится сочетание букв в прежней орфографии **зш**: безшумный).

На месте глухих часто изображаются звонкие и наоборот. Так, **вместо глухих звонкие**: в конце слов, напр., лоб, дед, ров произносим **п**, **т**, **ф**; перед глухим, напр., лодка, лавка, сказка

[1]) Таково нормальное московское произношение буквы **щ**; вместо него, очень распространено произношение (не московское) мягкого сочетания **шч**.

произносим лотка, лафка, скаска и т. п.; **вместо звонких глухие:** перед звонкими, напр., сделать, молотьба произносим зделать, молодьба и т. п. В таких случаях в буквах отражается прошлое, а не настоящее языка.

§ 57. Образчик фонетической транскрипции. Здесь я даю образчик московского литературного произношения, причем применяю следующие условные обозначения. Мягкость согласных передается значком ' над буквой.—Неслоговое **и**—**й**.—Полуглухость неударяемых гласных не отмечена (кроме, конечно, **ъ**, **ь**, которыми всегда обозначаем полуглухие).—Напряженность гласных оставлена неотмеченной.—Черточкой ‾ над или под буквой обозначен долгий или кажущийся долгим звук (см. § 45), ударение—знаком ˊ.—Точка над буквой обозначает принадлежность гласного к среднему ряду.—В скобках приведены варианты, возможные в пределах литературного московского произношения.

Пр'ишла́ ва́жнъйь мы́ш ыз го́ръдъ к прасто́й мы́шы. Праста́йь мыж̄ыла́ ф по́л'э^{и} (по́л'и) и дала́ сваjэ́й го́с'т'йэ^{и} (го́с'т'йи), што бы́лъ: гаро́хъ и пшэ^{и}н'и́цы (пшы^{и}н'и́цы). Ва́жнъйь мы́ш пагры́злъ и сказа́лъ: ат̄аво́ ты́ и худа́, штъ (што) жы^{и}т'jо́ тваjо́ б'э́днъйь, пр'ихад'и́ ка мн'э́, пъсматр'и́, как мы́ жы^{и}в'о́м. Во́т пр'ишла́ праста́йь мы́ш в го́с'т'и. Дъждал'и́с по́т пълъм но́ч'и. Л'у́д'и паjэ́л'и и ушл'и́. Ва́жнъйь мы́ш в̄'э^{и}ла́ (в̄'ила́) иш̄'э́л'и сваjу́ го́с'т'йу в го́р'н'ицу (го́рн'ицу), и о́б'э^{и} (о́б'и) вл'э́з'л'и (вл'э́зл'и) на сто́л. Праста́йь мы́ш н'икагда́ (н'икаγда́, н'икада́) н'э^{и} (н'и) в'ида́лъ тако́й йэ^{и}ды́ (йиды́, иды́) и н'э^{и} (н'и) зна́лъ, за што́ вз'а́ц̄ъ. Ана́ сказа́лъ: тваjа́ пра́вда (пра́вдъ), на́шъ жы^{и}т'jо́ плахо́йь, jа п'э^{и}р'э^{и}йду́ (п'ир'ийду́) та́гжъ в го́ръд жы́^{и}т'. То́л'къ (то́л'ка) ана́ сказа́лъ этъ, затр'о́с̄ъ сто́л, и в д'в'э́р'и (дв'э́р'и) вашо́л ч'э^{и}лав'э́к (ч'илав'э́к) са с'в'э́ч'къй (св'э́ч'къй) и ста́л лав'и́т' мышэ́й. Нас'и́лу ан'и́ ушл'и́ ф ш̄'э́лку (ш̄'о́лку). Н'э́д, гъвар'и́т пъл'э^{и}ва́йь (пъл'ива́йь) мы́ш, маjо́ жы^{и}т'jо́ ф по́л'э^{и} (по́л'и) лу́ч̄'э^{и} (лу́ч̄'и; лу́ч'шэ^{и}, лу́ч'шы). Хъ́т (хот') у м'э^{и}н'а́ (м'ин'а́) сла́ткъй йэ^{и}ды́ (йиды́, иды́) и н'э́т, дъ за то́ jа и стра́хъ тако́въ н'э^{и} (н'и) зна́йу.

ГЛАВА III.

ЗНАЧЕНИЯ.

Содержание. § 58. Психология речи. § 59. Произвольные и непроизвольные движения органов речи. § 60. Представления слов. § 61. Образование значений слов. § 62. Мышление. § 63. Процесс речи. §§ 64—66. Значения звуковой стороны языка. § 67. О значении языка для мышления и умственного развития человечества.

§ 58. Психология речи. В главе II мы рассмотрели **внешнюю** сторону человеческого языка, звуковую. Но звуки еще не составляют всего языка слов, потому что звуки еще не слова: чтобы стать словами, им нужно иметь значение. Теперь мы обратимся к рассмотрению **внутренней** стороны языка, к значению слов. Как в изложении внешней, звуковой стороны мы исходили из одной науки о природе человека — физиологии, так и в изложении внутренней, смысловой стороны надо исходить из другой науки о природе человека—психологии. Рассмотрение того, как образуются значения слов, и той роли, какую слова играют для мышления, можно назвать **психологией речи.**

§ 59. Произвольные и непроизвольные движения органов речи. Языком слов мы называем намеренное выражение звуками речи душевных состояний (мысли и чувства). Этим определением мы отмечаем в языке признаки так называемого волевого, или **произвольного** движения, т.-е. движения, соединенного с представлением цели, которая движением должна быть достигнута, а также и с представлениями самих движений, которые необходимы для достижения этой цели. Целью здесь является обнаружение внутреннего состояния, а под движением разумеются движения органов речи, которыми образуются звуки и о которых говорилось в отделе физиологии звуков речи. Из сказанного вытекает, что непроизвольно произведенные звуки речи не подходят под опреде-

ление языка; если, напр., я вскрикну, нечаянно уколов палец, то это будут такие же **рефлективные** или **непроизвольные** движения органов речи, как движение руки, которую я при этом бессознательно отдерну в сторону.

§ **60. Представления слов.** Чтобы ответить на коренной вопрос, стоящий теперь перед нами,—**каким путем звуки речи могут стать орудием намеренного выражения наших внутренних состояний**—нам необходимо прежде всего дать себе отчет в том психическом процессе, который называется в психологии познанием, и на различных ступенях этого процесса отметить то, что наиболее важно для языка.

Простейшим психическим актом, которым мы получаем знание о предметах внешнего мира, является, как учит психология, **ощущение**. Сюда относятся: ощущения специальных органов чувств (зрения, слуха, обоняния, осязания, вкуса), получающих раздражение извне, и 2) ощущения органические или общие, т.-е. такие, которые вызываются раздражениями внутри нашего организма (пищеварения, кровобращения, сокращения мускулов и др.). С точки зрения языка важнейшими являются из первых **слуховые**, которые мы получаем от звуков, когда их слышим в своей или чужой речи, а из вторых — **мускульные** (или мускулодвигательные) ощущения, которые мы получаем от работы мускулов, приводящих в движение органы речи, когда мы сами произносим звуки. Играют известную роль в языке, но гораздо меньшую, ощущения и зрительные, которые мы получаем от речи, изображенной буквами,— меньшую потому, что они отнюдь не обязательны и возможны лишь у грамотных; то же можно сказать о зрительных ощущениях движений губ говорящего, которые, однако, при исключительных условиях приобретают громадное значение, напр., для глухонемого.

Знакомясь с предметами внешнего мира посредством ощущений, мы никогда не переживаем одного какого-нибудь ощущения отдельно от других; воспринимая, напр., яблоко, мы получаем одновременно и зрительные ощущения (цвета, формы), и осязательное (холода), и осязательные вместе с мускульными (гладкость, твердость), и вкусовое, и обонятельное (запах). Эта совокупность ощущений от предмета называется **восприятием**.

Благодаря памяти раз бывшее ощущение может сохраняться в сознании и воспроизводиться уже в отсутствие причины, которою в свое время ощущение было вызвано. Такое возобновление ощущения является следующей познавательной ступенью и называется **представлением**, или образом. Представление по силе всегда слабее ощущения, но между различными ощущениями в этом отношении существует разница: одни из ощущений воспроизводятся легче (напр., зрительные), т.-е. воспроизводимый образ ярче, яснее; другие воспроизводятся труднее (напр., вкусовые) или, в смысле ясности образа, можно сказать, совсем не вопроизводятся (напр., голод, холод). Отмеченные нами для нашей специальной цели слуховые и мускульные ощущения принадлежат к легко воспроизводимым. Представление целого предмета будет также слабее, беднее непосредственного восприятия предмета. Итак, мы можем воспроизвести в своем сознании ощущения звуков, слышанных в своей или чужой речи, и тогда, когда уже не слышим их, а также можем воспроизвести в своем сознании ощущения произведенной когда-то работы органов речи и тогда, когда не говорим. Другими словами, мы можем иметь слуховые представления (или образы) звуков речи и мускульные представления (или образы) звуков речи [1]). Совокупность слуховых и мускульных представлений звуков слова мы и называем **представлением слов.**

Ощущения, получаемые нами одновременно или непосредственно одно за другим, сохраняются нами в такой тесной связи между собою, что если повторится или почему-либо воспроизведется одно из них, то оно как бы потянет за собой и другое; иначе говоря, представления обыкновенно воспроизводятся при помощи других ощущений или других представлений. Эта связь называется **ассоциацией** представлений [2]). В языке она играет громадную роль. Как вид яблока (зрительное ощущение) или воспоминание о яблоке (зрительное представление) может вызвать по ассоциации представление и о его вкусе, и о его запахе, как

---

[1]) Здесь нелишне напомнить, что «образ», как психологический термин, не следует, конечно, понимать только в смысле зрительного образа, как понимается слово «образ» в обычной речи.

[2]) Или, чаще, «ассоциацией идей», при чем «идея» здесь значит то же, что и «представление».

вид того же яблока или воспоминание о нем может вызвать и представление о дереве, с которого мы его сорвали, и о садовнике, который при этом находился, и, может быть, о звуках, которые при этом мы слышали (треск сломанной ветки, шелест листьев и т. п.), так и звуки какого-либо слова, которое мы слышим (звуковое ощущение), или воспоминание о них (звуковое представление) вызывают у нас по ассоциации представления (мускульные) тех движений органов речи, с помощью которых мы сами звуки этого слова прежде произносили; а если мы грамотны, то у нас могут возникнуть при этом и зрительные представления букв этого слова, а также другого порядка мускульные представления, именно движений руки, с помощью которых мы эти буквы писали. Таким образом, у всякого говорящего звуковые представления слов ассоциированы с мускульными; но эта ассоциация — результат опыта: мускульные представления возникают у говорящего только потому, что он когда-либо эти звуки произносил; у начинающего говорить ребенка, следовательно, слуховые представления не всякого слова вызовут соответственные мускульные.

Из того, что мы знаем об ассоциациях представлений, понятно, что при одних представлениях у нас могут возникать другие, как сопутствующие им. Таким **спутником непосредственного образа** предмета (зрительного ли, или иного, или совокупности нескольких) у нас в сознании может являться **представление слова.** На этой ассоциации и основывается усвоение языка детьми от взрослых. Ребенок воспринимает предмет; к этой совокупности ощущений прибавляются слуховые—звуков слова, которым взрослые этот предмет называют, а потом и мускульные, когда ребенок сам произнесет при этом те или иные звуки в качестве названия этого предмета. Потом, воспроизведя образ предмета, ребенок воспроизведет по ассоциации и слуховой и мускульный образ слова, т. е. представление предмета вызовет и представление слова, и наоборот. На этом сопутствовании представлений слов представлениям предметов и основано приобретение словами значений.

Следующая по сложности за представлением познавательная ступень — **общее представление,** с помощью которого мы мыслим

о классе сходных предметов [1]). Оно образуется у нас из ряда представлений единичных предметов таким образом, что сходные части их обобщаются, а несходные отбрасываются, т.-е., мысля с помощью общего представления о целой группе предметов, мы имеем в виду именно их сходные черты и стараемся не думать о несходных. Так общее представление является образом не единичного предмета, а целого класса, рода, группы предметов.— Но в действительности общее представление, в отличие от единичного, не есть какой-либо родовой образ в полном смысле этого слова, т.-е. не представляет собой совокупности общих, существенных признаков отдельных предметов рода: в действительности в общем представлении сливаются в неясный образ некоторые признаки,—воспринятые, может быть, позже, может быть, более ярко,—некоторых единичных предметов, может быть, даже одного предмета. Таким образом, общее представление—неясный единичный образ, но являющийся в роли образа целого класса предметов. Вместо того, чтобы, мысля, напр., о березе вообще, о лошади вообще, воспроизводить образы всех воспринятых нами когда-либо берез, лошадей, мы воспроизводим какой-то неясный единичный образ березы, лошади и с помощью его думаем о всех березах, о всех лошадях. Почему тот, а не иной единичний образ является в такой роли, это зависит от индивидуальных причин у каждого отдельного лица, и обыкновенно нельзя дать себе отчет в этих причинах. Понятно, что у одних лиц может возобладать одно, а у других—другое единичное представление; другими словами: общее представление об одних и тех же предметах у разных лиц, а также у одного лица в разное время может быть совершенно различно.

---

[1]) В психологии, вместо термина „общее представление", с тем же значением безразлично употребляется и термин „понятие". В логике же, науке, исследующей законы правильного мышления, т.-е. такого, с помощью которого достигается истина,—термин „понятие" употребляется в ином смысле, в смысле совокупности существенных признаков предмета. Такие логические понятия вырабатываются мыслью из общих представлений, являются усовершенствованием их и должны быть уже одинаковы у всех людей. Все люди, как бы они себе ни представляли березу, в понятии „береза" должны мыслить лишь лиственное дерево, отличающееся строго определенными признаками от других лиственных деревьев. Я буду употреблять термин „понятие" только в логическом смысле.

Мы видели выше, что представление слова может сопутствовать в нашем сознании представлению предмета. Конечно, представление слова может быть **спутником** и общего представления предмета.

§ **61. Образование значения слов.** Представление слова из **спутника** может стать **заместителем** непосредственного представления предмета, и тогда мы можем мыслить не при помощи представлений предметов, а при помощи их заместителей—представлений слов, причем образы предметов уже не воспроизводятся в нашем сознании. Представление слова, как мы знаем, есть совокупность слуховых и мускульных представлений звуков слова. Значит, в нашем мышлении могут не воспроизводиться уже ни зрительные, ни слуховые, ни осязательные и т. д. ощущения самого **предмета**, а лишь слуховые и мускульные ощущения звуков **слова**, в прежнем опыте ассоциировавшиеся с первыми и потому сопутствовавшие им. С этого момента, когда, вместо образа предмета, мы мыслим при помощи образа слова, тогда для нас **звуки слова приобрели значение.** Выражение «слово имеет значение» значит: слово способно играть роль символа, знака для мысли.

Примечание. Подобную роль заместителей непосредственных образов могут играть и играют жесты и иные символы, для чего они в предшествовавшем опыте должны были, подобно словам, ассоциироваться с непосредственными образами предметов.

Таким образом, мы можем «мыслить словами», но не о словах. А думая словами, мы можем и произносить их, т. е. **намеренно** выражать ими наше внутренее состояние (мысли и чувства). Это и значит обладать языком слов.

§ 62 **Мышление.** Мыслить значит соединять представления между собою и сознавать соотношение между ними. Соединение в мысли двух представлений называется **психологическим суждением**; оно может быть **положительным**, когда одно представление сознается нами как объединяющееся с другим, и **отрицательным**, когда оно сознается отделяющимся от другого. Процесс суждения основан на ассоциациях представлений. То представление, от которого отправляется процесс суждения, называется **подлежащим** суждения, а то, которое сознается объединяющимся с ним или отделяющимся от него,—**сказуемым** (оба термина заимствованы из грамматики).

Соединять в суждения мы можем или два представления предметов, или два представления слов, или представление предмета с представлением слова. Если в суждении участвуют представления слов, то мы сознаем, что соотношение их, как частей мысли, принадлежит им не самим по себе, а как заместителям представлений предметов, которые остаются невоспроизведенными. Например, думать о белизне снега я могу, соединяя представление самого снега с представлением белого цвета; при этом у меня могут появиться спутники: представления звуков «белый» и «снег», потому что они в прежнем моем опыте уже ассоциировались с представлениями снега и белого цвета; эти спутники могут стать заместителями непосредственных представлений; тогда о том же я думаю уже иначе: тогда частями моей мысли, членами суждения, будут представление слова «белый» и представление слова «снег», а представления самого снега и белого цвета останутся невоспроизведенными: при этом я буду сознавать, что связь, в которую я ставлю эти представления слов, принадлежит не им самим, а именно тем невоспроизведенным представлениям.

В том случае, когда среди членов психологического суждения есть представления слов, мы можем выразить все суждение или часть его и в речи. Тогда получится то, что называется **предложением.** На отношении членов психологического суждения к членам словесного предложения мы остановимся в главе VI.

§ 63. **Процесс речи.** Теперь разберем те процессы, которые совершаются в говорящем и в слушающем при передаче в речи первым своей мысли второму.

1. Если кто-нибудь воспринимал какое-нибудь явление, наприм., выпадение снега, он получил целый ряд очень сложных, разнообразных ощущений и при этом испытывал известные чувствования. Когда он будет вспоминать об этом, он получит ряд сложных представлений. Воспроизведенная картина будет, как известно, слабее, беднее действительной; кроме того, кое-что в ней будет переиначено и дополнено, потому что, по известным психическим законам, утраченные памятью звенья в длинной цепи представлений бессознательно заменяются нами с помощью воображения звеньями из другой, более или менее подходящей цепи, частями других подходящих картин, виденных нами когда-либо (или вообще извест-

ных тем или иным путем). То, что воспроизведено таким образом в сознании—**ряд сложных представлений и чувствований,**— может быть названо «нерасчлененной мыслью».

2. Если это лицо захочет передать свою мысль другому при помощи языка слов, оно прежде всего должно свою мысль расчленить на такие части, которые являются **значениями слов.** А именно говорящий постепенно соединяет в **суждения** отдельные непосредственные представления, из которых состоит его нерасчлененная мысль, а они вызывают ассоциировавшиеся с ними издавна представления соответствующих слов. Таким образом, получаются суждения, состоящие целиком или частями из представлений слов, т.-е. из

3. **слуховых представлений** звуков слов, ассоциированных с

4. **мускульными представлениями** движений органов речи.

5. Как только возбуждены представления движений органов речи, так сейчас же, при желании (участии воли), эти **движения органов речи** мы и производим.

Примечание. Это привычная связь представлений движений с самими движениями настолько тесна, что при слабости воли (в болезненном, напр., состоянии и др. случаях) мы можем „думать вслух": в этом случае органы речи, всегда готовые выйти на привычную работу, производят ее без участии нашей воли, как скоро у нас появились представления слов.

6. Движения органов речи произведут известные колебания воздуха, **звуковые волны.**

7. Звуковые волны вызовут в органе слуха у слушателя известные раздражения, следствием которых появятся у него **слуховые ощущения** звуков слов, произнесенных говорящим.

8. Эти ощущения вызовут по ассоциации у слушателя **слуховые же представления,** т.-е. воспроизведутся у слушателя слуховые ощущения звуков этих слов. Воспроизведутся они потому, что он когда-то уже слышал эти звуки и в своей и чужой речи.

9. Слуховые представления звуков слов вызовут в сознании слушателя те непосредственные образы предметов, которые в прежнем опыте слушателя ассоциировались с ними. Иначе говоря, в сознании слушателя возникнут те **значения,** которые он привык связывать с услышанными словами. И эти значения явятся в **суждениях,** в которые соединил их говорящий.

10. В результате описанного процесса передачи говорящим своего внутреннего состояния слушателю посредством ряда суждений, у слушателя должны возникнуть те же **сложные представления и чувствования**, которое переживал говорящий.—Необходимо добавить, что картина, которую представит себе слушатель, никогда не будет вполне тождественна с той, которую представил себе говорящий. Эта разница обусловлена разницей в значениях, которые каждый связывает с одними и теми же словами, т.-е. разницей тех непосредственных представлений, которое ассоциировались со словами у говорящего и у слушателя в течение их предшествовавшей жизни. Здесь коренятся внутренние, смысловые различия в языке отдельных лиц, в силу которых мы можем говорить об индивидуальном языке каждого отдельного человека (ср. § 6). Кроме того, нужно иметь в виду, что, рисуя себе картину, слушатель известные части ее должен добавлять от себя на основании своих личных переживаний, и чем лучше слушатель знает обстановку, в которой совершилось то, о чем он слышит, тем вернее он представит себе всю картину. В силу всего этого картина у слушателя будет только более или менее приближаться к той, которую хотел передать ему говорящий. Известно, что чем ближе люди (одной семьи, класса, национальности и т. п.), тем лучше они поймут друг друга. Эта «близость» по своему происхождению есть не что иное, как единообразие переживаний: первоначальные ощущения от одних и тех же или близко сходных предметов, одинаковые направления ассоциаций и т. д., и т. д., — словом, единообразием развития отдельных людей обусловливается единообразие их внутреннего мира.

То, что мы видели в разборе процесса речи, показывает нам еще раз **связь науки о языке с другими науками** (ср. § 9): процессы, указанные в пунктах 1, 2, 3, 4, 8, 9, 10, изучаются в психологии, в пунктах 5, 7—в физиологии, в пункте 6— в физике. Наконец, то, что было сказано только-что о связи внутреннего мира каждого говорящего с его предшествовавшей жизнью, не может не навести на мысль о тесной связи языка с историей говорящего на нем народа, а отсюда—на мысль о необходимости связи для науки о языке с историей, хотя необходимость связи языковедения с историей не исчерпывается этими соображениями: эти науки связаны более многочисленными нитями.

Значения звуковой стороны языка.

§ **64**. Мы видели, каким образом звуки (внешняя сторона языка) связываются со значениями (внутренняя сторона). Из рассмотрения этого процесса мы не получаем никаких указаний на то, чтобы между звуками слов и их значениями была какая бы то ни было непосредственная связь, другими словами, чтоб те или другие значения могли выражаться только теми, а не другими звуками. Так может лишь казаться, т.-е. может казаться, что, напр., звуки слов: «сладкий», «горький» как бы предназначены выражать ощущения сладкого и горького вкуса, звуки слова «звон»—звуки колокола и т. д. Но в действительности **между значением и звуками слова никакой необходимой, непосредственной связи нет.** Так может казаться только потому, что мы привыкли в данном слове данными звуками выражать данное значение; и понятно, что так казаться может в особенности тому, кто знает только один свой язык: для него достаточно узнать, что на другом языке то же самое значение выражается совсем другими звуками, чтобы исчезла эта иллюзия.

Есть, однако, в языках немногочисленные слова, в которых есть не кажущаяся, а действительная связь по происхождению между звуками и значениями: это так называемые **звукоподражительные** слова, т.-е. такие, в которых звуками речи говорящий старается передать звуки, которые слышит в природе (напр., в крике животных и т. п.). В них, действительно, произносятся те, а не другие звуки в зависимости от звуков обозначаемых: кукареку, динь-динь, кукушка, шушукаться и т. п. Надо иметь в виду, что не все слова, которые могут казаться звукоподражательными, действительно таковы по своему происхождению.

§ **65.** Представления звуковой стороны слов, как мы видели, являются для нас знаками, с помощью которых мы мыслим. Знаками чего? Мы с помощью слов мыслим и говорим не о словах, а о предметах, которые словами обозначаются. Итак, представления звуковой стороны слов являются знаками предметов мысли, или того, что дается для мысли познанием внешнего мира. Но, кроме того, мысля, мы ставим предметы в известные отношения друг к другу, которые не даны нам извне, а вносятся, открываются са-

мим мышлением. Эти отношения между предметами мысли, а равно и между целыми мыслями мы выражаем также звуками речи: словами или частями слов; сюда принадлежат, напр., предлоги, союзы, падежные и другие окончания в словах (см. гл. IV) и мн. др. Таким образом, **звуками речи выражается в языке не только то, что дается для мышления, но и то, что вносится самим мышлением.**

§ **66.** В языке слов звуками речи главнейшим образом выражаются предметы мысли, но **звуками речи могут выражаться и чувствования.** Выражения чувствований первоначально бывают непроизвольными и, пока они таковы, они не принадлежат языку (ср. § 59). Но, появившись впервые, как рефлективные движения органов речи, они потом могут воспроизводиться человеком уже намеренно, с целью передать свои чувствования другому. Таким образом накопляется в языке целый ряд условных знаков выражений для чувствований—**междометий**, так же, как накопляется запас условных знаков выражений для предметов мысли; и мы усваиваем их от старшего поколения вместе со словами. Междометия, следовательно, только по своему происхождению отличаются от слов, а по употреблению могут являться вполне в роли слов, напр., в предложениях: «Это я сказал э!» (Гоголь. «Ревизор»), «Татьяна — ах!» (Пушкин. «Евгений Онегин»). Они могут являться в качестве составной части слов, напр., о х а т ь. С другой стороны, подлинные слова, т.-е. знаки предметов мысли, могут под влиянием чувства вырваться непроизвольно; в этой роли они—то же, что междометия, например: батюшки! (выражение удивления, радости), господи! (удивление, досада и пр.).

Подобным образом под влиянием различных чувствований—при гневе, при удивлении, при вопросе—совершенно независимо от воли говорящего появляются **различные изменения в звуковой стороне речи:** в интонации (повышение или понижение тона), в темпе (ускорение или замедление) и т. п. Вследствие этого говорящий может подобными изменениями воспользоваться уже намеренно, чтобы выразить ими то или иное чувство. Так, среди знаков, или символов, которыми располагает человеческий язык, оказывается, напр., повышение тона при вопросе. Сравн.: «Да?—Да». «Готово?—Готово» (вопрос с повышением, ответ с понижением).

§ 67. О значениия языка для мышления и умственного развития человечества. Мы видели, как язык тесно связан с мышлением, и без дальнейших разъяснений понятно, что язык зависит от мышления. Но и мышление зависит от языка. Это требует некоторых разъяснений.

То, о чем мы мыслим, предметы мысли, мы или получили путем ощущений из внешнего мира, или создали мышлением из ощущений путем отвлечения и обобщения. Вот этим процессам—отвлечению и обобщению предметов мысли—и помогает язык. Рассмотрим несколько относящихся сюда случаев.

Об отвлеченных предметах мысли, как, наприм., гуманность, человечество и т. п., у нас, понятно, не может быть непосредственных представлений. Однако мы мыслим о таких предметах и мыслим именно при помощи представлений этих слов.

Но и другие предметы, которые мы и можем представить, мы по быстроте мысли не представляем рядом со словами.

Мы не можем, далее, иметь представлений не только об отвлеченных предметах, но иногда и таких, которые получили через ощущения. Это касается таких ощущений, которые, по физическим причинам, не могут быть воспроизведены, как голод или холод. Однако думать о голоде или холоде мы можем всегда (при помощи представлений слов, обозначающих эти ощущения).

Но и предметы таких ощущений, которые очень легко воспроизводятся, напр., зрительных, непосредственно не могут быть представлены такими, какими обозначаются в словах. Из того, что мы знаем о природе общих представлений, нам будет понятно, что предметом мысли, обозначаемым, напр., словом «береза», хотя и будет какая-либо индивидуальная береза, но именно в тех ее свойствах, какие у нее общие с другими березами. Думать именно так о предметах мы можем при помощи слов; слова, так сказать, закрепляют продукты нашего обобщения.

Наконец, слова закрепляют и продукты нашего отвлечения. Мы не видим признаков предмета отдельно от самого предмета, а думать о признаке отдельно от предметов мы можем, и можем именно при помощи представления слова, которым этот признак называем. Предметом мысли в слове, напр., «белый», является свойство этого цвета отдельно от белых предметов.

Все рассмотренные случаи позволяют утверждать, что не только язык зависит от мышления, но и **мышление зависит от языка:** при помощи слов мы можем: 1) думать **о том**, о чем без них не могли бы думать, 2) думать **так**, как без них не могли бы.

Сейчас мы имели в виду мышление и язык, как нечто уже сложившееся; если же мы обратимся к истории развития человеческого мышления, то в ней громадную роль мы должны будем отвести языку. Мышление совершенствовалось именно с успехами процессов обобщения и отвлечения, а этому усовершенствованию мышления помогал язык тем, что словами закреплял, так сказать, продукты этих процессов.

ГЛАВА IV.

ФОРМЫ.

Содержание. Формы слов. § 68. Основа и формальная принадлежность. § 69. Формы словообразования и формы словоизменения. § 70. Два условия существования формы. § 71. Грамматические ассоциации. § 72. Отрицательная форма. § 73. Возможность отсутствия форм слов в языке. § 74. Формы сочетаний слов. § 75. Грамматические факты. §§ 76—79. Различные способы образования форм слов. §§ 80—83. Происхождение различных формальных принадлежностей. §§ 84—85. Морфологическая классификация языков.

Формы слов.

§ **68.** В звуковой стороне различных слов мы часто можем найти что-либо общее. Если такая общая звуковая принадлежность повторяется в словах, которые между собою ассоциируются у нас, как однородные в каком-либо отношении по своему значению, то она в сознании говорящего выделяется, и звуковая сторона слова вследствие этого разлагается на части. Напр., в словах: д о м и к, с т о л и к, однородных тем, что обозначают предмет уменьшенным, выделяется общая звуковая принадлежность -ик; в словах: р у к у, н о г у, однородных тем, что обозначают предмет, на который переходит действие, выраженное у нас в речи другим словом («прямое дополнение»), выделяется у. Но, кроме того, слово с т о л и к ассоциировано еще со словом с т о л, а д о м и к с д о м, слово р у к у со словами: р у к а, р у к о ю, слово н о г у со словами: н о г а, н о г о ю. Говорящий связывает в своем сознании эти видоизменения в звуковой стороне слов с видоизменениями в значении их; в его сознании одна часть слова является выразительницей известного предмета мысли, а другая, общая у него с другими словами звуковая принадлежность вносит в это значение известное изменение. Иначе говоря, ему кажется, что таким

видоизменением звуковой стороны из одних слов образуются другие, с другими оттенками значения.

Так звуковая сторона слов может разлагаться на части, из которых каждая имеет особое значение. Значение общих звуковых принадлежностей, которые видоизменяют значение слов, называется **формальным** значением, а значение тех звуковых частей слов, в которые это видоизменение вносится, называется **материальным**, или **реальным** значением.

Звуковую принадлежность с формальным значением называют **формальною принадлежностью** слова, а звуковую принадлежность его с материальным значением—**основною принадлежностью** или, проще, **основою**. Если в каком-либо языке слова способны выделять в сознании говорящего эти две части, мы говорим про такой язык, что он имеет формы слов. Таким образом, «формою» слова называется **способность слова выделять основу и формальную принадлежность.**

Примечание 1-е. Надо иметь в виду, что тот же термин мы употребляем и в ином значении, а именно, термином «форма» мы называем *все слово*, имеющее ту или иную формальную принадлежность (общую с другими словами); так, «формою», напр. 1-го лица ед. ч. наст. вр. мы называем слово б е р у или слово н е с у и т. п.

Примечание 2-е. Слово «формальный» в обыденной речи обыкновенно употребляется в смысле «внешний», «несущественный». Здесь, разумеется, оно не должно иметь такого смысла (здесь, может быть, более шло бы слово «форменный»); так, в фразе: перемена **а** на **у** в р у к а — р у к у имеет формальный характер, а перемена **ю** на **й** в р у к о ю — р у к о й не имеет формального характера — слово «формальный» имеет смысл, противоположный обыденному: мы хотим сказать что первая перемена существенна для смысла (влечет за собою перемену в значении слова), а вторая, неформальная, несущественна (не влечет).

§ **69.** Есть различие в характере того видоизменения, которое вносится, напр., в значение д о м, с т о л, формальной принадлежностью -ик, с одной стороны, и с другой стороны, того видоизменения, которое вносится в р у к а, н о г а форм. принадлежностью -у; в первом случае значения д о м, с т о л видоизменяются так, что получается обозначение уже другого предмета мысли (д о м и к, с т о л и к); во втором же случае нового предмета мысли не получается, а формальная принадлежность выражает только то или иное отношение этого предмета мысли к другому, выраженному

в том же сочетании слов. Действительно, различия между, напр., с т о л, с т о л ы, с т о л и к, с т о л о в а я одинаковы, в связи ли, или вне связи с другими словами мы их скажем; а различия между, напр., р у к а, р у к у, р у к о й и т. п. не имеют значения вне сочетания этих слов с другими и сейчас же обнаружатся, скажем ли мы: р у к а м о е т, р у к у м о е т или р у к о й м о е т. Итак, формальными принадлежностями первого рода обозначаются различия в самих **предметах** мысли; формальными принадлежностями второго рода обозначаются различия в **отношениях** одних предметов мысли к другим [1]); ими образуются слова, как части словосочетаний. Первые называются формальными принадлежностями **словообразования**, а формы, ими образованные,—формами словообразования; вторые—формальными принадлежностями **словоизменения**, а формы, ими образованные,—формами словоизменения.

Еще примеры словообразования: бел-еньк-ий, черн-еньк-ий, бел-оват-ый, черн-оват-ый, бел-о, черн-о, бел-еть, черн-еть, бел-ить, чер-нить, бел-ил-а, черн-ил-а, бел-ичк-а, черн-ичк-а, т. п. Словоизменения: беле-ю, — ешь, — ет и т. д., черне-ю, —ешь, — ет и т. д., бел-ый, — ая, — ое; белил-а, — ам, — ах и т. д. чернил-а, — ам, — ах и т. д.

Примечание. Термины: «словообразование» и «словоизменение» очень условны. Вместо «словообразование» некоторые употребляют термин *основообразование*, потому что этими формами обыкновенно образуются, действительно, не целые слова, а их основы. Термин «словоизменение» дает повод рассматривать, напр., рука, руку, рукой, как видоизменения одного слова, тогда как в действительности это—отдельные слова. Вместо «словоизменение», очень употребителен термин *флексия слов* или просто «флексия», и формальные принадлежности словоизменения иногда (и, между прочим, в школьной грамматике) называют также «флексиями»; этот термин не следует смешивать с «флексией основ» (см. ниже, § 77). Наконец, вместо «формы словоизменения», некоторые употребляют термин *синтаксические формы*, так как этими формами обозначаются те взаимные отношения слов, которые рассматриваются в синтаксисе.

§ 70. Чтобы слово разлагалось в сознании говорящего на основу и формальную принадлежность, или, что то же, **чтобы сознавалась в слове форма,—нужны два условия:**

---

[1]) В сочетаниях слов одни представляются нам главными, другие зависящими от них, дополняющими, определяющими их и т. п.

1) нужно, чтобы та же формальная принадлежность существовала в других однородных словах с другими основами; а кроме того,

2) нужно, чтобы та же основа существовала в других словах с другими формальными принадлежностями.

Напр., рука разлагается на рук+а не только потому, что -а существует еще в ног-а, изб-а, жен-а и т. п., но и потому, что основа рук- существует еще в рук-ою, рук-у, рук-ами и т. д. Или, напр., несу разлагается в сознании на нес+у в соотношении с вед-у, бер-у и т. п., а также с нес-ешь, нес-ет, нес-ем и т. д. Так же беленький разлагается на бел+еньк+ий в соотношении с бел-ый, бел-ить и т. п., а также с черн-еньк-ий, красн-еньк-ий и т. п.

Если отсутствует хоть одно из этих двух условий, то известная, хотя бы и общая звуковая принадлежность слов не выделяется, как формальная, т. е. мы не имеем в этом случае формы. Напр., общая звуковая принадлежность в словах: Пе-тр, теа-тр, смо-тр не является формальною потому, что нет 2-го условия, и, стало-быть, ни Пе- в Петр, ни теа в театр и т. д. не являются основой; за отсутствием 1-го условия не выделяется, напр., как основа, пор- в словах: порох, порча, порка. Приведенные слова не ассоциируются у нас, как однородные, и необходима известная доля произвольного внимания, чтобы заметить в них общие звуковые принадлежности. Сравните, наоборот, прочную ассоциацию того же слова пор-ка со словами: воз-ка, нос-ка и т. п., а также со словами: пор-оть, пор-ол.

§ 71. Из сказанного следует, что форма может существовать в слове лишь соотносительно с другими словами; что формы слов в языке могут существовать лишь постольку, поскольку те или иные слова соотносительны между собой. **Формы—результат психических ассоциаций**, в которые вступают слова. Следовательно, не может быть в языке такой формы, которая была бы представлена только одним словом. И если, вследствие исторического изменения в языке, случилось бы так, что от прошлого уцелело бы одно только слово, имевшее известную форму, то для настоящего эта форма в нем не сознавалась бы, или, что то же, не существовала бы уже (ср. ниже, § 140).

Кромо того, отсюда же следует, что среди всякого рода психических ассоциаций, в которые могут вступать слова в нашем сознании, есть и **ассоциации формальные**, иначе—**грамматические**: у нас ассоциированы между собою все, напр., различные падежи одного и того же имени, все времена, наклонения, лица одного и того же глагола, а с другой стороны—все, напр., родительные падежи имен, все 1-ые лица глаголов и т. п.

§ **72.** Так как формы слов есть результат ассоциаций слов в сознании говорящего, то формальной принадлежностью в слове может служить отсутствие всякой формальной принадлежности, именно соотносительно с присутствием формальных принадлежностей в других формах. Напр., формальной принадлежностью слова дом является отсутствие всякого окончания [1]) сравнительно с дом-а, дом-у и т. д. Это называется **отрицательною** формою. Еще примеры: конь при коня, коню и т. д., рук в род. п. мн. ч., вел при вела, вело (прош. вр.), пас—прош. вр. при пас-у, пас-ти. В этих случаях форма представляет одну только основу без окончания. Однако, несмотря на отсутствие окончания, мы сознаем такое слово, как напр., стол, известной формой (имен.-винит. падежа ед. ч.), именно 1) по ассоциации с дом, стул, раб и т. п., где также отсутствует окончание, и 2) по ассоциации со стол-а, стол-у и т. д. Сравните с этим ах! хлоп, которые не сознаются формами за отсутствием второго условия; в них, стало-быть, нет формы, а в стол есть форма, но с отрицательною формальной принадлежностью. Имен.-винит. падеж ед. ч. этой категории существительных имеет, следовательно, в языке приметою отсутствие окончания, или можно сказать по соотношению с другими формами: «нулевое окончание».

С другой стороны, в слове может быть **несколько формальных принадлежностей**. Напр., в столика мы выделяем форм. принадлежность -а при сравнении с столик, столик-у, столик-ом и основу столик-; а в этой основе при сравнении с домик-, садик- мы выделяем еще форм. принадлежность -**ик** и еще

---

[1]) Понятно, это относится и к прежней орфографии, потому что речь идет о языке, а не о письме. Говорить здесь об окончании -ъ можно было только в применении к приметам падежей на письме.

основу стол-, дом-, сад-. То же самое в бел-еньк-ий, красн-еньк-ий и т. п.

§ **73. Возможность отсутствия форм слов в языке.** Формы слов существуют в большинстве человеческих языков. Однако они вовсе не обязательны: есть языки, не имеющие никаких форм слов (§ 84). Знающему только такой язык, в котором есть формы, трудно себе представить возможность обходиться без форм слов в языке; но переносить на всякий язык то, что известно в одном, на чужой то, что известно в своем, ошибочно.

Формы сочетаний слов.

§ **74.** Формами словоизменения, как сказано выше (§ 69), выражаются отношения предметов мысли друг к другу. Но те же отношения могут быть выражаемы не формами самих слов, а иными способами; и чем меньше в языке форм слов, тем большее значение приобретают эти иные способы, становясь неизбежными, единственными в языке, не имеющем вовсе форм слов (в так наз. «корневом» языке, см. в § 84). В этом случае в самом сочетании слов (в предложении или сочетании, не образующем предложения) выделяется какая-либо формальная принадлежность. Такою формальною принадлежностью будут уже не звуки; формальное значение могут иметь, напр., **порядок слов, различие в ударениях слов, в интонации.** Другими словами, в одном языке для того, чтобы обозначить известное отношение, известному **слову** нужно придать известную **форму**, а в другом языке, где это невозможно, известную **форму** нужно придать не слову, а целому **словосочетанию.**

Формальный порядок известен, напр., во французском языке: от места, занимаемого в предложении, зависит здесь значение одного слова, как подлежащего, другого—как дополнения (Pierre aime Paul—Петр любит Павла, Paul aime Pierre—Павел любит Петра; и невозможен порядок такой: Петра любит Павел). В русском языке отношения эти выражаются при помощи форм самих слов, и потому нет обязательного определенного порядка слов в предложении, т.-е. с местом слова не связывается значение его, как того или другого члена предложения; это ясно видно из таких случаев, как «весло, задело, платье», где вследствие отсутствия

различия в формах «весло» и «платье» может возникнуть недоразумение относительно того, что чем было задето. Сравн. еще: «цель оправдывает средство».

§ **75.** Отдел языковедения, заключающий учение о формах в языке, называется грамматикой. Поэтому формы языка называются **грамматическими фактами** языка.

Различные способы образования форм слов в языках.

В предшествовавшем изложении имелся в виду пока один, наиболее обычный способ образования форм слов. Но формы слов образуются в языке и другими способами.

§ **76. Аффиксы.** Наиболее обычным способом формы образуются так, что основная и формальная принадлежности являются отдельными частями слов. Формальная принадлежность, являющаяся отдельной частью слова, называется **аффиксом**; поэтому описанный способ образования форм называем образованием при помощи аффиксов. Вот этот-то наиболее обычный способ до сих пор и имелся в виду.

Аффиксов в слове может быть один или более, как мы видели выше; сравн. 1) с т о л - а, б е л - ы й и 2) с т о л - и к - а, б е л - е н ь к - и й. Во втором случае основами слов являются с т о л и к-, б е л е н ь к -, которые разлагаются еще на основу + аффикс: б е л + + е н ь к-, с т о л + и к; такая основа называется **производной**; основа, не разлагающаяся еще на основу + аффикс, называется **непроизводною** основою, или **корнем**: б е л -, с т о л-.

Производные основы в истории языка с течением времени могут становиться непроизводными; это случается тогда, когда, вследствие утраты почему-либо ассоциаций между известными словами, основа перестает в сознании говорящего разлагаться еще на основу + аффикс. Напр., основа д о б р- в слове д о б р - ы й по происхождению производная, и **р**—аффикс, но она являлась производною в ту эпоху, когда разлагалась еще на основу д о б + + аффикс **р**; теперь в нашем сознании основа д о б р- так уже не разлагается, потому что нет существовавшего когда-то слова д о́ б а («пора», «удобное время»), заключавшего непроизводную основу д о б-, а со словами, произведенными от нее же: н а д о б н ы й,

удобный, слово добрый не ассоциируется; не ассоциируется оно и с словом хитрый, в котором тот же аффикс р, но не сознающийся теперь. Таким образом, для современного состояния языка основа добр- является простою, непроизводною. Называть ее производною мы можем только в историческом смысле.

Примечание. Здесь уместно сделать замечание, имеющее, между прочим, и практическое значение для преподавания. При изучении языка одно из важнейших правил—не смешивать различных эпох его жизни. И по отношению к непроизводной основе, или корню, нужно строго различать, говорим ли мы о корне в данную эпоху языка или в его истории. Термин «корень» чрезвычайно употребителен в школьной грамматике при разборе состава слов. Это упражнение полезно, но лишь при том условии, если оно является известного рода самонаблюдением, т. е. если разбираемые слова в сознании учащегося, как говорящего на русском языке, действительно разлагаются на основу и формальную принадлежность. В этом случае, призывая учащегося к наблюдению над тем, что действительно существуют в его языке, с помощью которого он выражает свои мысли, учитель делает полезное дело. Но один из главнейших недостатков школьных учебников это—смешение современных фактов в языке с фактами прошлыми. В учении о составе слов этот недостаток проявляется в том, что основу, для современного сознания непроизводную (или корень), стараются разложить на те части, которые выделялись в ней прежде. Так, теперь корнем слова дело является дел, между тем как школьные учебники из сравнения со словами, вроде действие указывают здесь корень де-; это верно для прошлого, а не для теперешнего состояния языка, так как теперь звуковая принадлежность -л уже не выделяется в качестве формальной. Смешивая факты различных эпох, школьная грамматика, таким образом, не дает понимания ни фактов языка, ни его истории. В самом деле, полезно обратить внимание на факт языка—делимость слов на основные и формальные принадлежности [1]): чита-ю, чита-ешь, чита-ет и т. д., рук-а, рук-у и т. д., или: чит-ать, чит-ывать, чит-атель и т. п., бел-бел-ый, бел-еньк-ий, бел-оват-ый, бел-ить, бел-ил-а и т. п. Тут учащемуся ясны и материальные значения и значения формальных принадлежностей, и ценным здесь является то, что он знакомится с фактом своего языка, как выразителя его мысли. Отыскивание же таких

---

[1]) Конечно, в начальном преподавании будут другие термины. Любопытно, что школьные учебники наименее занимаются «основами», между тем как деление слова на «окончание» и «основу» и различение в основе (именно в основе!) «подставки» («суффикс»), когда она сознается, являлись бы самым полезным.

«корней», как де- в словах: дело, действие, раздел, надеть и т. п., не выделяющихся в современном сознании, кажется произвольным и неминуемо приведет учащихся к выводу, что все эти части слов выдуманы самой грамматикой. В самом деле, где пределы таким расчленениям слов? Почему -яс—не «корень» в ястреб, ясный, пояс, коляска и др.? Отдаленность значений не должна останавливать, потому что раз мы проникаем в историю языка, то мы должны помнить, что и значения слов меняются и удаляются друг от друга до неузнаваемости. Так, история языка не покажет нам родства между приведенными словами: ястреб и т. д., хотя в них мы и видим общее -яс-, но зато история докажет нам родство таких, напр., слов, как: благоухание и вонь [1]), конец и начало [2]), надобно и добрый [3]) и многих других, в которых отыскивать общие корни нам не пришло бы и в голову. Наоборот, корни в таких несомненно сближаемых нами теперь словах, как: кусок, кусать, с одной стороны, и кушать, вкусить—с другой [4]), свидетель и видеть [5]), смирный и мир [6]), исторически оказываются различными. Погоня за историей при игнорировании современного языкового сознания может завести в такой тупик, что в слове совсем не окажется корня... Так, напр., где корень в слове вынуть, заменившем под влиянием глаголов на -нуть старое вынять (сравн. взять—взимать, принять—принимать, вынуть—вынимать)? Кстати замечу, что термин «корень» в науке применяется, главным образом, для обозначения непроизводной основы, открываемой в праязыке.

Аффикс—это общее название для всякой формальной принадлежности, являющейся в слове отдельной частью, и значит собственно «приставка». Аффиксы разделяются на суффиксы («подставки»), приставляемые к основе сзади, префиксы («представки»), приставляемые к ней спереди, и инфиксы («вставки»), вставляемые внутрь основы.

---

[1]) В обоих словах корень он, еще в общеславянском языке перешедший перед согласным в ǫ (о носовое), откуда русское у (благо-у-хать, ст.-сл. благоѫхати), а перед гласным оставшийся без изменения (в-он-ь, где в приставное, как вострый, восьмой, а ь обозначал когда-то гласный звук).

[2]) То же и в этих словах с разновидностями корня кон (в конец перед гласным) и кен, откуда чен, где ен в общеславянском языке перед согласным перешло в ę (е носовое), откуда русск. а: на-ча-ло (ст.-сл. на-чѧ-ло).

[3]) Объяснено выше, стр. 72.

[4]) В первых корень кǫс, с носовым о, во вторых кус.

[5]) Старое съвѣдѣтель от вѣдѣти (знать), см. § 131.

[6]) Старое съмѣрение от мѣра, а не от мир, см. § 131.

Во всех приводимых примерах мы имели дело с суффиксами, вообще наболее употребительными в языках из всех аффиксов. Примером префикса может служить гласный e, приставляемый в греческом языке спереди к глагольной основе для образования прошедшего времени. Наши русские приставки не образуют словоизменительных форм, и прихожу, уношу не являются особыми формами словоизменения сравнительно с хожу, ношу, а представляют собою известного рода непростые слова (см. § 87). Пример инфикса можно видеть в латинск. языке в таких случаях образования основы настоящ. времени при помощи вставки n, как наст. findo при перфекте fidi, scindo при scidi.

§ 77. **Флексия основ.** Кроме способа образования форм слов при помощи аффиксов, существует в языках способ **флексии основ**. Так называется видоизменение в звуках самой основы, и именно видоизменение с формальным значением, т. е. вносящее известное видоизменение в значение основы и наблюдающееся в целом ряде однородных слов. Иначе говоря, флексия основ — такое звуковое изменение в основе, которое говорящим сознается, как необходимое для образования формы слова. Флексия основ может наблюдаться и в таких формах, которые, кроме того, образованы при помощи аффиксов. Флексия основ существует и в русском языке; напр., в русск. хаживает, нашивает видоизменение в значении (многократный вид) сравнительно с ходит, носит внесено не только аффиксом -ива-, но еще видоизменением в гласном звуке самих основ: а вместо о; то же в образованиях множ. числа, вроде сёла, вёсла при село, весло: флексия основы заключается в появлении ударяемого звука о во множ. числе с'ола, в'ósла) вместо неударяемого э в единственном (сэлó, вэслó). Пример из немецкого языка: прошедшее время las (читал), nahm (брал) при настоящем lese, nehme. Образование форм одною флексиею основ без аффиксов найдем в семитских языках (§ 106); напр., древне-арабское кáтала — он убил, кýтила — он убит; катаба — написал, кутиба — написан; сравн. еще формы от первого глагола: катлун, китлан... Из этих примеров видно, что в семитских языках нельзя выделить такой отдельной части слова, которая бы соответствовала нашим «корням» (непроизводным основам); корнями там явятся три согласных звука: ктл — «убивать», ктб — «писать», дбр — «говорить».

Примечание. Термин „флексия основы" („изгиб", „сгибание") не следует смешивать с „флексией слов" (см. прим. к § 68) и, между прочим, следует иметь в виду, что „флексиями" в школьной грамматике называются суффиксы словоизменения.

§ **78. Повторение основ.** Наконец, формы слов образуются еще **повторением основы**: или всей, или некоторой части ее. Такое образование форм развито в австралийских (малайско-полинезийских, § 111) языках. Неполное повторение основы находим, напр., в греческих глагольных формах так называемого перфекта: л е́ л о й п а при наст. вр. л е́ й п о («о с т а в л я ю»), т е́ т р о ф а при т р е́ ф о («кормлю»). Приведенные греческие формы, как видим, образованы и аффиксом (конечное а), и флексией основы (перемена е на о), и повторением части основы (ле —, те—). В русском языке способ образования форм слов повторением основ отсутствует.

§ **79.** Итак, рассмотрев три способа образования форм слов в языках, мы видим, что **формальными принадлежностями** в словах могут быть: 1) **аффиксы**, 2) **флексия основ** и 3) **повторение основ.**

Желая дать понятие о формах, я в §§ 68—73 выяснял его для простоты на случаях только таких форм, которые образованы при помощи аффиксов. Но выясненное там приложимо, конечно, и к формам, образованным иными способами. Мы видели, что форма слова есть способность слова выделить основную и формальную принадлежности. Так, в слове, имеющем форму, образованную аффиксами, говорящий сознает основную часть и отдельную (перед ней, в ней или за ней) часть формальную; в слове, имеющем форму, образованную флексией основы, сознаются основная часть и известное формальное изменение, присутствующее в ней; в слове, имеющем форму, образованную повторением, сознаются основная часть и ее полное или неполное формальное повторение.

Происхождение различных формальных принадлежностей.

§ **80.** Все способы образования форм слов ведут свое начало из таких эпох человеческого языка, которые недоступны истории. Поэтому мы не можем достоверно знать, как возникли известные

нам формальные принадлежности. Однако в жизни отдельных языков нам известны случаи довольно позднего,—уже на памяти истории,—возникновения форм, и мы можем проследить, как возникали формальные принадлежности в этих отдельных случаях. А по аналогии с ними можем с большою вероятностью предполагать, что подобным же образом возникали вообще формы в языках; значит, не имея возможности проследить процесс возникновения тех или иных формальных принадлежностей в доисторическую эпоху, мы все-таки можем себе представлять общий характер этого процесса.

§ 81. Вот, напр., случаи позднего образования формы при помощи **аффиксов**. Это—формы будущ. времени во французск. языке, как je finirai, tu finiras, il finira и т. д. Здесь можно проследить, что эти формы образовались из сложения инфинитива [1]) finir («кончить») с формами настоящего времени глагола avoir («иметь»): ai, as, a и т. д. Части: finir- и -ai были когда-то отдельными словами, каждое со своим материальным самостоятельным значением: «кончить» и «имею». Потом слово ai, оставаясь отдельным словом, утратило свое самостоятельное значение, так что оба эти слова вместе стали означать одно: «кончу»; это значит, что слово ai приобрело новое значение, формальное, потому что оно уже перестало обозначать «имею», а стало вносить в значение предшествующего слова известное видоизменение, именно указание на будущее время. На этой ступени стоит малорусское будущее время писати му (меш, ме и т. д.), где му (=иму), само по себе означающее «имею», является отдельным (можно сказать му писати), но не самостоятельным словом с формальным значением (см. § 87). В истории французской формы процесс пошел далее: несамостоятельное слово с формальным значением ai перестало быть словом отдельным, а соединилось с предшествующим finir в одно; тогда ai стало уже частью слова, именно формальной принадлежностью; тогда же, конечно, и finir перестало быть словом, а стало частью слова finirai, именно его основой. См. еще § 132.

---

[1]) О названии „инфинитив“ вместо „неопределенное наклонение“ см. § 91.

В отдельных языках можно найти и другие подобные примеры происхождения аффиксов (суффиксов, префиксов). По аналогии с ними и предполагают, что аффиксы вообще возникали из отдельных слов с самостоятельным значением, переходившим позже в формальное. Но, как указано уже, громадное большинство известных теперь аффиксов пережило такую длинную историю, что и предполагать даже трудно, из какого именно слова возник тот или иной из них.

§ **82**. Что касается образования форм при помощи **флексии основ**, то можно думать, что изменение в звуковой стороне основы, составляющее здесь формальную принадлежность, тоже не имело прежде формального значения, а приобрело его, так сказать, случайно. Вот пример из русского языка. В известную эпоху жизни русского языка действовал звуковой закон, по которому старое е под ударением и перед твердым согласным переходило в (**о**); согласно этому закону слова́ (изображаю фонетически [1]), напр., л̇э́нъ, н̇эс̇э́мъ, б’эр̇э́за, в̇э́лъ, где были налицо все указанные условия, стали произноситься л̇о́н, н̇эс̇о́м, б’эр̇о́за, в̇о́л; а если не было хотя бы одного из этих условий, то старое е не переходило в о, напр., в’эла́, н̇эсла́ сохраняли свое **э** потому, что на нем не было ударения. Таким же образом слова в единств. числе с̇эло́, в̇эсло́ и т. п. оставались без изменения, а во множеств. числе, где ударение является на первом слоге, **э** обратилось в **о**, и получилось с̇о́ла, в̇о́сла и т. п. Этот звуковой переход совершился без всякой зависимости от значения, единственно потому, что формы множ. числа этих слов представляли наличность всех условий для него. Но когда он совершился во всех таких словах, однородных между собою тем, что означали множ. число, тогда **о**, являвшееся их общею звуковою принадлежностью, в отличие от **э** в формах единств. числа тех же слов, стало формальною принадлежностью, т.-е. с этим видоизменением в звуковой стороне основы стало связываться и видоизменение в значении, именно то же самое видоизменение, которое уже раньше было внесено аффиксом. Что это именно так, т.-е. что в подоб-

[1]) Я сохраняю ъ в конце слова потому, что описываемый закон действовал в такую эпоху, когда не исчез еще звук, изображавшийся этой буквой.

ных случаях для сознания говорящего как бы недостаточно одного видоизменения в аффиксе, а необходима еще флексия самой основы, видно из следующего. Мы произносим старое предударное **о** за **а**, а ударяемое сохраняем; если в одной форме одного и того же слова ударение падает на слог с этим звуком, а в другой форме не падает, то получится чередование в произношении—**а** в одной и **о** в другой форме: в а д а̀, но в о́ д ы; н а г а́, но н о́ г и; а к н о́, но о́ к н а; в ъ л а к н о́, но в а л о́ к н а и т. п. Появление **о** вместо **а** сознается, как формальная принадлежность множ. числа; и вот в народном слове к р а с н о́ («ткацкий станок», а также «холст») в форме множ. числа появляется под ударением **о**: к р о́ с н а, несмотря на то, что **а** в слове к р а с н о старое (не вместо **о** без ударения); даже от иностранного слова п а л ь т о́ народ образует множ. число п о́ л ь т а, соединяя с различием в звуковой стороне основы различие в значении: **а** без ударения для единств. числа и **о** под ударением для множественного.

В этих примерах формальными принадлежностями являются, кроме флексии основ, еще и аффиксы, с помощью которых эти формы и были первоначально образованы. Но если бы эти аффиксы, в силу каких-нибудь звуковых законов, исчезли в языке, то единственной формальной принадлежностью осталась бы флексия основ. Так случилось с немецкими формами множ. ч.: Väter, Mütter, Töchter при единств. ч.: Vater, Mutter, Tochter: формы множ. числа этих слов имели первоначально известные окончания (аффиксы), которые впоследствии исчезли; и видоизменение в звуковой стороне основ,—именно переход гласных заднего ряда **a**, **u**, **o** в передние **ä**, **ü**, **ö**,—произошло тогда, когда эти окончания еще не исчезали.

§ 83. Подобным же образом и формальное **повторение основ** в тех языках, где оно есть, могло образоваться из повторения целых слов, не имевшего сначала формального значения. Примеры того, как с повторением целого слова может связываться известное изменение значения, мы найдем и в русской речи. В словах Хлестакова в «Ревизоре»: «и в тот же день по улицам курьеры, курьеры, курьеры»... повторение слова «курьеры» не изменяет значения этого слова; то же в словах «шел, шел»... Но в случаях вроде «синий-синий», «большой-большой», «хорошо-хорошо»

«много-много», «едва-едва» повторение слова вносит изменение в значение «синий» и т. д.; путем такого формального повторения образовались новые уже, именно непростые, слова (см. § 87), т.-е., наприм., «синий-синий» по значению уже не два слова, а одно непростое, со значением «очень синий» (напр., в известном описани Днепра у Гоголя в «Страшной мести»: «синий-синий ходит он плавным разливом»). Эти случаи, понятно, не являются формами, а показывают только ту почву, на которой могли бы образоваться формы слов путем повторения основы (таких форм нет в русском языке: вот, если бы из «синий-синий» выработалось что-нибудь вроде «синьсиний» со значением превосходной степени, а кроме того, и в других прилагательных возникли бы подобные образования, вроде «белбелый» и т. п.,—это была бы форма).

Итак, **формальное** значение различных принадлежностей в процессе возникновения разных форм развивалось из значения **неформального**.

§ 84. Морфологическая классификация языков. По тому, есть ли в языке формы слов,—а если есть, то как они образуются,—языки делятся на различные классы. Такая классификация языков называются **морфологической**, потому что та часть грамматики, которая изучает формы отдельных слов, называется морфологией (см. § 10). Грамматический строй в родственных по происхождению языках может быть различным, и, наоборот, однородный грамматический строй может наблюдаться в чуждых по происхождению языках.

В настоящее время обыкновенно различают следующие классы языков.

1. **Корневые,** или **изолирующие,** языки. Так называются языки, в которых нет никаких форм слов; слова в них представляются нам какими-то бесформенными частицами, подобными тому, что в других языках называют «корнями»; отсюда их название. К корневым языкам принадлежат, напр., китайский, сиамский и др. языки юго-восточной Азии (§ 109). Если в них нет форм слов, то в них нет и различия в так называемых «грамматических частях речи» (см. § 90); одно и то же слово при различных условиях может соответствовать нашим существитель-

ному, прилагательному и т. д.; напр., китайское та может означать и «величина», и «великий», и «увеличивать», и «очень». Из отсутствия форм слов следует, что в грамматике корневых языков не может быть морфологии, а есть лишь синтаксис, в котором изучаются формы сочетаний слов. Вследствие отсутствия форм слов отношения слов в предложении определяются в корневых языках порядком слов, ударением, интонацией и другими формами сочетаний слов (§ 74).

2. **Агглютинативные**, т.-е. «склеивающие», языки. Так называются языки, в которых нет флексии основ, и формы слов образуются только при помощи аффиксов, которые представляются очень слабо соединенными с основой; на это и указывает их название от латинского слова agglutinare—«склеивать». Такое впечатление «склейки» основы с аффиксами получается оттого, что основы и аффиксы постоянно повторяются в языке в других словах совершенно в том же или мало измененном звуковом виде. К этим языкам принадлежит большинство языков земного шара. Примеры из турецкого (§ 103) языка: ода — «комната», эв — «дом», да или дэ — суффикс местного падежа (на вопрос «где?»), одада — «в комнате», эвдэ—«в доме»; лар или лэр—суффикс множ. числа, одалар—«комнаты», эвлэр—«дома́», одаларда—в «комнатах», эвлэрдэ—«в домах».

3. **Флективные** языки. Так называются языки, в которых формы слов образуются при помощи не только аффиксов, но и флексии основ. К флективным относятся языки семитские (§ 106) и индо-европейские (§ 100).

4. **Полисинтетические** языки. Так называют северо-американские языки, т.-е. языки племен американской расы в С. Америке (§ 112). Они по способу образования форм слов принадлежат к агглютинативным, но в них есть одна особенность, которая характерна именно для них. Эта особенность заключается в существовании там своеобразных непростых слов (§ 87), которые, с одной стороны, являются словами, а с другой—не словами, а предложениями, а именно эти особенные «слова-предложения» складываются из слов, как в непростом слове (напр., водовоз и др.), но отношения между ними такие, как между частями предложения. Если бы мы в предложении «я пью воду», вместо отдельного целого слова

«воду», взяли его часть, основу, и соединили бы ее с «я» и «пью» в одно целое «яводпью» со значением «я пью воду»,—это было бы сказано так, как говорят по северо-американски. Напр., в языке ацтеков: накатл—«мясо», ква—«кушать», ни—«я»; предложение «я ем мясо»—нинакаква (вроде «я-мяс-ем»).

Кроме этих классов языков, можно встретиться (особенно не в лингвистических сочинениях) с делением языков по их внутреннему строю на **синтетические** и **аналитические**. Синтетическим строем языка называют такой, в котором синтаксические отношения слов в предложении выражаются формальными принадлежностями самих слов (преимущественно окончаниями); при аналитическом строе то же выражается несамостоятельными (служебными) словами, т.-е. словами с формальным значением: членами, предлогами и т.-п.; порядок слов в аналитических языках получает обыкновенно формальное значение. Сравн., напр., русские (синтетический строй): стола, столу и французские (аналитический строй): de la table, à la table. Однако строгого деления между языками на этом основании провести совершенно нельзя.

§ **85.** Прежде думали, что все языки в своем историческом развитии проходят одни и те же стадии, что первоначально они все были корневыми, затем перешли в стадию агглютинации и, наконец, в стадию флексии. С этим мнением связано и другое, будто флективный строй наиболее совершенный. Оба эти мнения теперь оставлены.

Что грамматический строй языков с течением времени может меняться, это несомненно, но такой последовательности установить нельзя. Если и можно предполагать, что некоторые флективные языки развились из агглютинативных, то, с другой стороны, в некоторых языках флективного строя с течением времени утрачиваются известные формы слов, так что в известных отношениях они начинают походить на корневые (напр., английский язык). О китайском языке существует мнение специалистов, что он не всегда был корневым, а что, наоборот, он уже пережил ступень агглютинации.

Что касается, в частности, второго мнения, то оно также ненаучно: всякий язык способен выразить, каждый по-своему, те отношения между предметами мысли, какие мышление говорящего

на этом языке способно открыть. Если же и можно говорить о превосходстве одного языка над другими (напр., языка образованного человека или культурного народа над языком необразованного человека или дикарей), то эта разница касается не грамматического строя, о котором у нас идет речь, а других сторон языка: напр., богатства или скудости словаря, присутствия или отсутствия слов для выражения отвлеченных предметов мысли и т. п.; развиваясь умственно, человек или народ обогатит и свой язык, но грамматический строй его языка может остаться при этом все тем же.

ГЛАВА V.

СЛОВА.

Содержание. § 86. Отдельное слово. § 87. Виды отдельных слов. § 88. Две классификации слов. § 89. Классы слов по значению. § 90. Классы слов по формам. § 91. Грамматические части речи в русском языке.

§ **86. Отдельное слово.** Термином «отдельное слово» мы отличаем слово: 1) от **части слова** и 2) от **сочетания слов**, т.-е. того, что представляет собою или предложение или часть предложения. Сочетание по своему значению разлагается на отдельные предметы мысли (или чувства), слово же, хотя бы и непростое, означает один предмет мысли (или чувства). Таким образом, напр., а (союз), рука, паровоз, неправда, ох! — отдельные слова. Такое слово, как паровоз, отличается от сочетания слов тем, что не разлагается на другие слова (первая часть паро- не слово), как разлагается сочетание, напр., хорошая погода, а такое слово, как неправда, — тем, что, будучи разложено на не и правда, теряет свое значение («ложь»).

При различении слов мы руководствуемся преимущественно внутренней стороной. Сочетание, напр., на руки с внешней, т.-е. звуковой, стороны одно целое (нáруки), а с внутренней, т.-е. со стороны значения,—не одно; поэтому на руки не одно, а два слова; то же в дом (вдом), с сумой (сумой). Различными словами являются также, напр., рука, руку, руки, пишу, пишешь, писать, так как различные формальные принадлежности внесли в значение основы различные видоизменения. Слова, тождественные по звуковой стороне, но различающиеся по значению, будут различные слова: три, пять (числа) и три, пять (повел. накл. от «тереть», «пятить»), мой (местоим.) и мой (повел. накл.), коса (орудие) и коса (прическа), лес и лез, ход (в «парад-

ный ход») и ход (в «тихий ход») [1]) и т. п.; только в случае *частичного* различия в значении, т.-е. при условии, если говорящий сознаёт в одном из подобных слов видоизменение значения другого, как, напр., бумага в смысле всякой писчей бумаги и бумага в смысле документа, можно говорить не о разных словах, а о двух вариантах значения одного и того же слова (иначе, смысловых вариантах одного слова); но раз такого непосредственного сознания нет, это—уже разные слова (происшедшие, понятно, из одного). Наконец, такие сочетания, которые по значению однородны с простыми словами, рассматриваются, как слова, а не как сочетания слов (см. ниже, § 87, «непростые слова»).

Однако различие слов по звуковой стороне при тождестве значений (случаи редкие) заставляет считать такие слова разными словами: так, ложь и неправда, языковедение и языкознание, орфография и правописание—разные слова; также зал, слово муж. рода, и зала, слово женск. рода, представляют различное словообразование и являются разными словами: только *частичное* изменение звуковой стороны не создает различия в словах; напр., зимою и зимой, внимание и вниманье, в и во, под и подо—по два звуковых варианта одного и того же слова.

§ **87. Виды отдельных слов.** Отдельные слова бывают:

1) **полные или самостоятельные**; они выражают или—реже—целые предложения, как иди, морозит, или—обыкновенно—части предложения;

2) **частичные**, или **несамостоятельные**; они имеют значение только при полных словах и были бы невозможны без существования в языке полных слов и предложений: к ним принадлежат предлоги, союзы, связка (обозначает связь сказуемого с подлежащим), член, усилительные слова (напр., русск. то в «я-то»), слова, обозначающие отрицание (не) и вопрос (ли) и др.; частичные слова могут иметь формы: так, связка спрягается, член склоняется, в некоторых языках спрягается отрицание;

3) к отдельным словам следует отнести и те **междометия**, которые являются в роли слов (ср. § 66) и могут быть названы

[1]) См. об этих словах в § 89.

словами-междометиями; по своему значению они все-таки как бы полу-слова, так как выражают чувствования; примеры: ах! боже мой! спасибо, конечно, да, нет, ей-богу; к ним по значению можно отнести и так называемые «слова-воззвания», или обращения, употребляемые нами с целью обратить внимание того лица, к которому обращаемся с речью, и не входящие в состав предложения; напр., «граждане, встаньте!» — «Коля, поди сюда!»

Отдельные слова, кроме того, бывают:

1) **простые** и

2) **непростые.** Непростое самим говорящим сознается, как «сложное», разлагается на слова или основы; однако значение непростого слова будет едино, не будет разлагаться на несколько предметов мысли, как разлагается значение словосочетания. Исторически непростые слова возникают или из сочетаний слов, или из сочетания основ, или из повторения слов.

Примеры. Непростые слова из сочетаний слов: неправда, приходить, сказал бы, почему, зачем, то-то, потому что, скрепя сердце («нехотя»), спустя рукава («небрежно»); последние четыре примера—слова, а не словосочетания, как бы мы их ни писали, вместе или отдельно (в подобных случаях правописание часто колеблется между слитным и раздельным, напр., пофранцузски, по французски и по-французски, несмотря и не смотря и т. п.). Как бы промежуточным между сочетанием слов и отдельным словом,—конечно, не простым,—стоит такого рода сочетание, которое по значению однородно с непростым словом, а с внешней стороны имеет от него то отличие, что и первая часть его имеет свое словоизменение; таково, напр., Великий пост в значении определенного поста, в отличие от Петровского, Успенского и др. постов, а не в значении долгого или очень строгого поста; что значение Великий пост не слагается из значения великий + значение пост, видно из того, что мы могли бы знать, что́ значит великий и что́ значит пост, но могли бы все-таки не знать, что называется Великим постом; срав. франц. grand-père, grande-mère, означающие «дедушка», «бабушка», а не «большой отец», «большая мать». Для таких непростых слов предложен в науке термин

«слитное речение», которым подчеркивается их внешнее отличие от непростого слова, состоящее в словоизменении первой части: Великого поста, Великому посту и т. д. Таковы же, напр., железая дорога, красный товар (материи), черный день (несчастье).

Непростые слова из сочетаний основ: пароход, водовоз, длиннорукий, земледелие и т. п.

Непростые слова из повторения слов: синий-синий, едва-едва, хорошо-хорошо, да-да-да и т. п.

К непростым словам относятся и слова—словосочетания полисинтетических языков (см. § 84).

§ **88. Две классификации слов.** Слова мы можем разделить на классы: 1) по их материальному **значению** и 2) по их **формам** и не должны смешивать этих двух классификаций. Таким смешением грешила школьная грамматика в своей классификации частей речи, о чем будет ниже (§ 91). Первая классификация подойдет ко всякому языку, потому что основана будет на классах предметов мысли человеческой; вторая будет различна по языкам, сообразно тому, какие формы слов существуют в том или ином языке; она невозможна будет, разумеется, в языках корневых, так как в них нет никаких форм слов (см. § 84).

§ **89. Классы слов по значению (неграмматические).** Эта классификация должна основываться исключительно на том, что́ обозначают слова, какие разновидности предметов мысли выражают.

Мы можем мыслить **признаки** и то, что́ вмещает в себе эти признаки,—**предметы**. Поэтому мы можем различать слова: 1) обозначающие признаки, напр., белизна, хождение, белый, ходит, этот, мой, который, и 2) обозначающие предметы, напр., стол, Волга, я.

Мы можем признаки и предметы мыслить или **по отношению к данной мысли**, или же **без отношения** к данной мысли. Поэтому мы можем различать слова: 1) получающие определенное значение только в данной речи («слова-местоимения»), напр., я, этот, мой, который, и 2) имеющие определенное значение независимо от данной речи («слова-названия»), напр., белизна, хождение, белый, ходит, стол, Волга.

Признаки мы можем мыслить или **изменяющимися во времени**, как действие и состояние, или **без отношения к изменению во времени**, как качество, количество, различные отношения предметов мысли. Первые можно назвать «глагольными», вторые—«неглагольными» (не следует смешивать с грамматическим классом слов «глаголом», см. ниже). Поэтому мы можем различать слова: 1) «глагольные», напр., ходить, хождение, хожалый, носить, ход (напр., тихий ход), -воз (во второй части слова водовоз), и 2) «неглагольные», напр., белый, белизна, стол, ход (напр., парадный ход), воз («повозка», «нагруженная повозка», но не во второй части слова водовоз).

Наконец, в словах-названиях мы можем различать слова: 1) **общие, или нарицательные**, обозначающие предметы и вместе их признаки, напр., солнце (хотя бы такой предмет был известен единичным), стол, и 2) **собственные**, обозначающие только предметы без отношения к их признакам, напр., Иван, Иванов (хотя бы таких предметов было очень много), Волга.

Таковы могут быть классы слов по значению, иначе, **неформальные** классы слов, так как при этой классификации не принимаем во внимание форм слов, а только значения; так как формы слов изучаются в грамматике, то эти классы слов можно назвать еще **неграмматическими**.

Примечание. Здесь указаны классы более общие; если эту классификацию продолжить дальше, то в классе слов, обозначающих предметы, мы могли бы дойти до таких дробных делений, как, напр., классы слов, обозначающих деревья, или реки, или животных и т. п., а в классе слов, обозначающих признаки, оказались бы, напр., классы слов, обозначающих форму, цвет, число (ср. прим. к § 91) и т. п.

§ 90. Классы слов по формам (грамматические). Эти классы могут быть названы еще **формальными** классами, а также грамматическими **«частями речи»**.

Мы знаем уже (§ 69), что формы слов могут быть или формами **словообразования**, которыми обозначаются в словах различия в самих предметах мысли, и формами **словоизменения**, которыми обозначаются в словах различия в отношениях одних предметов мысли к другим (в предложении или его части).

Теперь прибавим, что в тех отношениях, которые обозначаются формами **словоизменения**, различаются: 1) отношения одного слова к другому, как сказуемого к подлежащему; они выражаются так называемыми формами «сказуемости», к которым принадлежат формы **времени, наклонения** и **лица** (причем формы лица не существуют отдельно от форм времени и наклонения); и 2) отношения одних слов, как второстепенных членов предложения, к другим, а именно или как дополнений, что выражается формами **падежей**, или как определений, что выражается формами **изменения в роде**.

Поэтому по формам мы могли бы различать такие классы слов:

слова, имеющие только формы словообразовательные,
слова, имеющие только формы словоизменения,
слова, имеющие и те и другие формы,
слова, не имеющие ни тех, ни других.

По разновидностям самого словоизменения можно различать далее подклассы:

слова, имеющие формы сказуемости, или спрягаемые,
слова, имеющие формы падежей, или склоняемые,
слова, имеющие формы изменения в роде.

Примечание. К «спряжению» относят, кроме форм времени, наклонения и лица (форм сказуемости), еще и формы залога и вида, являющиеся формами словообразовательными, т.-е. представляющие различия только в основах. К «склонению» относятся, кроме форм падежей, еще и (словообразовательные) формы числа. В русском языке, как и во многих других, в формах падежей и лиц нет особых формальных принадлежностей, специально указывающих на число, в нем падежные и личные формальные принадлежности употребляются разные в зависимости от числа. Слова, имеющие формы изменения в роде, имеют обыкновенно и формы склонения (падежи и числа), но не всегда (см. § 91, 3, в).

Таковы, следовательно, могут быть формальные, или грамматические классы слов, иначе—грамматические «части речи»; эти классы будут варьироваться в разных языках в зависимости от наличности в них тех или иных форм слов.

§ 91. В русском языке мы можем различать следующие **грамматические**, или формальные классы слов:

1) слова без всяких форм: предлоги, союзы, «неграмматические» наречия [1]), как где, здесь, куда, туда и т. п., многие слова-междометия, как ах! ей! (другие отойдут к другим классам); сюда же следует отнести «несклоняемые», как кенгуру;

2) слова только с формами словообразования: «грамматические» наречия [1]), как бело, хорошо, сильно, разнообразно, формы сравнительной степени прилагательных, деепричастия, «инфинитивы» [2]);

3) слова с формами и словообразования и словоизменения, а в них:

а) слова с формами склонения, но без форм изменения в роде: существительные, часть местоимений (напр., я, ты), часть числительных (количественные, но исключая один, два);

б) слова с формами склонения и с формами изменения в роде: прилагательные, часть местоимений (напр., мой, этот и др.), часть числительных (один, два и порядковые);

в) слова с формами изменения в роде, но без форм склонения: прилагательные и причастия краткие (напр., весел, сделан), глаголы в прошедшем времени (напр., взял, -а, -о);

---

[1]) Как видим, «грамматическими» называются наречия, имеющие формы, а «неграмматическими»—не имеющие. Что, напр., бело имеет форму (именно словообразовательную), видно из того, что оно разлагается (ср. § 70) на бел+о соотносительно, с одной стороны, напр., с бел-ый, бел-ить, а с другой, напр., с хорош-о; но, напр., куда, несмотря на существование туда, откуда и др., не имеет формы вследствие отсутствия основы куд-в других словах, поэтому и в куда нет ни основы, ни формальной принадлежности.

[2]) Термин «инфинитив», или «неопределенная форма глагола», употребляется в науке вместо названия «неопределенное наклонение», неверного тем, что это не есть форма наклонения; формы наклонения выражают связь сказуемого с подлежащим или как действительную (изъявительное наклонение), или как возможную (сослагательное), или как желаемую (желательное, существующее, напр., в греческом, древне-индийском языках), или как требуемую (повелительное); ничего такого не выражает, конечно, инфинитив: он выражает тот же предмет мысли, что и другие формы соответствующего глагола, но без всякого отношения к наклонению, ко времени, к числу, лицу,—словом, ко всему тому, что выражается глагольными формами; по происхождению своему инфинитив представляет собою существительное, образованное от общей с глаголом основы и утратившее склонение.

г) слова с формами изменения по лицам (спряжения): глаголы в личной форме (напр., н е с у, п р и д у).

Таковы «формальные», или грамматические, классы слов, иначе «грамматические части речи» в русском языке.

Примечание. В школьной грамматике разделение «частей речи» страдало непоследовательностью и смешением формальных и неформальных классов слов. Существительное, прилагательное и глагол определялись там лишь со стороны значения, а именно как слова, обозначающие или предмет, или качество (признак), или действие и состояние, между тем невозможно упускать из вида их именно формальной стороны, различия в которой и образуют различия между этими классами слов. Слова, напр., л а й, х о ж д е н и е, конечно, означают действия, однако они не глаголы; а слово, напр., б е л и з н а означает, конечно, признак, качество, однако оно не прилагательное, и т. д. Если же понимать эти три класса как классы формальные, т.-е. как слова склоняемые, слова склоняемые и изменяемые по родам и слова спрягаемые, то они будут несоотносительны с местоимением и числительным, так как местоимение—класс неформальный (местоимение от тех классов отличается, действительно, по значению), а числительное по значению представляет собою очень дробный подкласс слов, обозначающих признаки (ср. прим. к § 89); по формальной же стороне часть как местоимений, так и числительных отойдет к существительным, как словам склоняемым, а часть тех и других—к прилагательным, как словам склоняемым и изменяемым по родам. Междометия несоотносительны ни с одной из других «частей речи». Наконец, наречие, предлог и союз определялись в школьной грамматике совсем с новой точки зрения, не затронутой в определениях других частей речи, а именно по их синтаксической роли, т.-е. как члены предложения.

ГЛАВА VI.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ.

Содержание. § 92. Суждение и предложение. § 93. Предложение полное и неполное. § 94. Члены суждения и члены предложения. § 95. Связка. § 96. Предложение грамматическое и неграмматическое. § 97. Отношение между предложениями. § 98. О синтаксическом „разборе".

§ 92. Суждение и предложение. Что такое психологическое суждение, было уже указано выше (§ 62); оттуда же ясно, что предложение есть словесное выражение суждения. Внешним выражением того, что мысль закончена, является известная интонация, напр., понижение голоса в конце повествовательного предложения. Таким образом, с чисто языковой (грамматической) стороны границы предложений определяются только соотношением **интонаций**. Для того, чтобы уяснить себе отношение членов **суждения** к членам **предложения**, следует прежде всего иметь в виду, что в суждении всегда приведены в сознаваемую связь два члена: два представления, из которых первое—подлежащее, второе—сказуемое; в предложении же может быть одно, два и более слов. **Психологические** подлежащее и сказуемое не следутет смешивать с **грамматическими**: чем определяется подлежащее и сказуемое психологические, сказано выше (сравн. также § 62); грамматические же подлежащее и сказуемое определяются той или иной формой,—самого ли слова или формой сочетания слов; напр., в русском языке грамматическое подлежащее определяется формой самого слова, а именно формой именит. падежа, во французском языке—формой сочетания слов, а именно местом его среди других слов в предложении.

§ 93. Предложение полное и неполное. Суждение мы можем выразить словами лишь тогда, когда хоть один из его членов был представлением слова. Если оба члена суждения были предста-

влениями слов, то в речи мы можем выразить все суждение, а если один член был представлением сло́ва, а другой—представлением непосредственным (зрительным, слуховым и т. д.), то в речи мы выразим часть суждения. В первом случае мы имеем суждение, законченное в речи,—предложение полное, а во втором—суждение, не законченное в речи,—предложение неполное [1]); что же касается самой мысли, т.-е. самого психологического суждения, то оно в обоих случаях будет одинаково закончено, одинаково полно, т.-е. будет состоять из двух членов, приведенных в связь в процессе мышления.

Примеры. В полном предложении «дом продан» я выразил словами всю мысль, оба члена психологического суждения, состоявшего из представления слова «дом» (подлежащее), с которым соединилось представления слова «продан» (сказуемое); а как представление слова «дом» возникло у меня по ассоциации с представлением самого предмета, так и представление слова «продан» возникло по асоциации с представлением того, что с ним произошло.

Я мог бы, конечно, не сказать этих слов: «дом продан», представления которых у меня в мысли появились; тогда бы дело ограничилось, так сказать, *внутренней речью;* наоборот, если бы я их сказал, но сказал невольно, то это можно было бы назвать *мышлением вслух.*

Я вижу—горит дом, и говорю: «пожар»; здесь я выразил словом только один член суждения, образовавшегося в моем мышлении, но суждение состояло из двух членов: при виде горящего дома у меня возникло по ассоциации представление о пожаре [2]); от этого представления отправился процесс суждения (это психологическое подлежащее); с этим непосредственным представлением соединилось представление сло́ва «пожар» (сказуемое), которое я и высказал.—Если при виде летящей птицы у меня по ассоциации возникло представление о ее действии (я узнал, что это за действие) и представление сло́ва «летит», то, соединив эти

---

[1]) Можно сказать иначе: мысль законченную или мысль, незаконченную в речи.

[2]) Я узнал, так сказать, что это такое.

два представления в мысли, я образовал суждение, подлежащим которого является непосредственное представление того, что̀ делает птица, а сказуемым—представление сло́ва «летит»; если я скажу при этом: «летит!»—то я выскажу, следовательно, один член суждения, именно сказуемое.—Но при виде той же летящей птицы у меня членами суждения могут явиться представление летящего предмета (подлежащее) и представление слова «птица» (сказуемое); сказав в этом случае: «птица», я выскажу, следовательно, опять один член, и опять именно сказуемое психологического суждения. Смысл этой последней моей речи будет приблизительно такой, то, что̀ летит, есть птица.

Наконец, такие однословные предложения, как «возьми», «звонят», «морозит», являются полными, так как выражают целые суждения.

§ 94. **Члены суждения и члены предложения.** Из вышеприведенных примеров видно, что подлежащее и сказуемое психологического суждения могут соответствовать не тем словам, которые мы рассматриваем, как подлежащее и сказуемое предложения. Надо иметь в виду, что мы при передаче своей мысли, укладывая составляющие ее представления в суждения (сравн. § 63), пользуемся готовыми словоми в готовых сочетаниях, которые мы переняли у старшего поколения; мы составляем, таким образом, новые предложения из разрозненных частей старых; при этом слова в известных формах и известные сочетания, служившие когда-то для выражения одной части суждения, могут оказаться перенесенными в другое суждение для выражения другой части. Поэтому, когда мы разбираем предложение, мы не разбираем в то время психологического суждения, образование которого мы не всегда можем знать. Формы слов в предложении ничего не говорят о составе суждения. Поэтому **всякий член предложения** может соответствовать и психологическому подлежащему и сказуемому.

Возьмем примеры, в которых будем исходить из психологического суждения и обращать внимание на то, от какого представления отправляется процесс суждения (подлежащее) и какое представление с ним объединяется (сказуемое).

Я слышу звон разбивающегося стекла; я понимаю, что что-то разбилось, но не знаю что̀; когда я узнаю, что разбился стакан,

я объединю с возникшим уже раньше представлением это другое, новое представление стакана и скажу: «стакан разбился»; в этом предложении грамматическое подлежащее «стакан» соответствует психологическому сказуемому.—Я слышу, что кто-то разбил стакан, но не знаю ктó: когда я узнаю это и скажу: «кошка разбила стакан», то здесь грамм. подлежащее «кошка» также соответствует психологическому сказуемому. Наконец, если я хочу знать, чтó за шум, и, узнав, говорю: «стакан разбился», то в этом случае все предложение «стакан разбился» является психологическим сказуемым, а психологическое подлежащее остается невыраженным.—Подобным же образом и целое предложение «птица летит», которое я произнесу, увидав летящую птицу, может быть психологическим сказуемым.

Представления предметов, входящих в суждение, могут быть сложными по своему составу (сравн. выше в § 60 о «восприятии»); они ассоциируются с представлением нескольких слов; отсюда в результате сложных процессов возникли **второстепенные члены предложения** (дополнение, определение, обстоятельство). Эти члены получили известные, им свойственные формы (формы самих слов или формы сочетания слов). И если мы знаем психологическое суждение, лежащее в основе того или иного предложения, то может оказаться, что второстепенный член предложения вместе с тем или иным главным или же второстепенный член один соответствует или подлежащему или сказуемому суждения. Напр., в предложении «я послал его» подлежащее «я» может соответствовать подлежащему суждения, а сказуемому суждения соответствуют слова «послал его»; но в том же предложении «я послал его», если слушателю интересно, кого именно послал я, второстепенный член «его» соответствует сказуемому суждения, а слова: «я послал» — подлежащему. Подобным же образом в предложениях: «ветром сорвало крышу», «послали за доктором», слова: «крышу». «за доктором» могут соответствовать психологическим сказуемым (в этом случае на них падает так называемое «логическое» ударение); в предложениях: «топором рубят», «не заботьтесь о завтрашнем дне», «в пещере темно», слова: «топором», о «завтрашнем дне», «в пещере» могут соответствовать психологическим подлежащим.

§ 95. **Связка.** Чувство связи между подлежащим и сказуемым суждения может выражаться (ср. § 65) в языке присутствием либо особого слова, либо формы сказуемости в сказуемом предложения (ср. § 90). Особое слово, выражающее такую связь, является обыкновенно частичным словом (см. § 87) и называется **связкой.** Напр.: «буква есть знак», «это было приятно», сказуемые в этих предложениях составные: «есть знак», «было приятно»; в предложениях же: «есть деньги», «это было, да прошло» те же слова уже не связки, а самостоятельные слова, и сказуемые в них— простые: «есть», «было». В значении связки могут являться слова, обычно являющиеся самостоятельными; напр., в предложениях: «целый день с и ж у одна», «похвала ж и в е т—человеку пагуба» (Повесть о горе-злосчастии) составные сказуемые: «сижу одна», «живет пагуба» (т. е. похвала является погибелью для человека), и слова: «сижу», «живет» являются в значении связки; из глаголов, являющихся то в роли самостоятельных слов, то в роли связки, наиболее употребительны в русском языке к а з а т ь с я, я в л я т ь с я и др.

§ 96. **Предложение грамматическое и неграмматическое.** Отношение сказуемого к подлежащему может быть выражено средствами языка: формой слова (полного или частичного), формой сочетания слов,—или остаться невыраженным. Так как формы изучает грамматика, то предложение в первом случае называется **грамматическим,** а во втором—**неграмматическим.** Таковы в русском языке грамматические предложения: «птица летит», «птица летела», «я болен», «я был болен»; в них отношение одних слов к другим, как сказуемых к подлежащим, выражено формами времени; а формы времени здесь образованы формальными принадлежностями полного слова -ит, -ла, частичным словом (связкой) б ы л; что касается «я болен», то здесь также есть форма времени, именно отрицательная форма; мы сознаем здесь отношение к настоящему времени именно вследствие отсутствия формальной принадлежности и соотносительно с «я был болен», «я буду болен» (ср. § 72). Относительно предложений: «я болен» и «я был болен» следует заметить, что в них есть еще вторичный признак сказуемости, а именно краткая форма прилагательного «болен» (не «больной»). Предложение во франц. языке, как «Pierre aime Paul»

(ср. § 74), является также грамматическим, так как отношение сказуемого aime к подлежащему Pierre выражено формой сочетания слов: определенным порядком слов, именно положением Pierre перед глаголом aime. В предложениях же: «птица животное», «завтра экзамен», «моська ну на слона кидаться», «Татьяна—ах!» «глаза, волосы, голос у него—матери» отношение сказуемого к подлежащему не выражено формой, и такие предложения—неграмматические.

§ 97. **Отношение между предложениями.** Как существуют в языке средства для выражения отношений между членами предложения, так и отношение между предложениями тоже может быть выражено. Отношение **подчиненного** (придаточного) предложения к самостоятельному (главному) выражается или различными словами (союзами, местоимениями и проч.), напр., «когда я его увижу, я скажу ему», или порядком слов в придаточном предложении, напр., «увижу я его, я скажу ему»; то же в немецком «sehe ich ihn, so sage ich ihm»; наконец, оно может быть выражено не словами, а только интонацией, а именно отсутствием понижения голоса в конце предложения, выражающего подчиненную мысль; так, в четырех предложениях: «мужик тонул, топор сулил; вытащили, топорища жаль» отсутствие понижения голоса в т о н у л и в ы т а щ и л и показывает, что первое и третье—предложения подчиненные. Отношение друг к другу предложений **равносильных** или выражается союзами, или остается невыраженным.

§ 98. **О синтаксическом «разборе».** В школьном так называемом синтаксическом разборе члены предложения, а также виды придаточных предложений обыкновенно узнавались «по вопросам» (о чем говорится? чтó говорится? какой? разные вопросы падежей и т. п.). Такой способ показывает, что при синтаксическом разборе имеют в виду мысль, а не словесное ее выражение, что в грамматических фактах видят выражение различных логических отношений; таким образом, при синтаксическом разборе, который разбирающему представляется разбором грамматическим, игнорировались признаки словесных выражений, т. е. игнорировалась именно грамматика. Так, напр., одна и та же грамматическая форма о т ц а разбиралась то как определение: «дом отца», то как дополнение: «вижу отца», смотря по тому, на какой вопрос отвечает.

А так как в действительности различия грамматических фактов не основаны на различиях логических отношений, то в школьном разборе приходилось постоянно прибегать к произвольным предположениям и впадать в противоречия. Так, напр., очень распространено было злоупотребление предположением, что то или иное слово «подразумевается» в предложении. Произвольна часто и форма требующегося вопроса; напр., требуется, чтобы слова «к детям» в сочетании «любовь к детям» непременно отвечали на вопрос «какая любовь?», так как логически словами «к детям» определяется слово «любовь». Различение членов предложения, конечно, имеет основание как с формальной, т.-е. именно грамматической стороны, которую вообще школьный разбор игнорировал, так и со стороны смысла, который этим разбором выдвигался обыкновенно на первый план. Так, напр., в действительности главные члены предложения отнюдь не всегда выражают главное содержание мысли (сравн. примеры в § 94); более важное в мысли выражается в речи не формами слов, а обыкновенно более сильным ударением (см. § 48): чаще всего то, что находится под таким ударением, соответствует психологическому сказуемому.

Игнорировалась грамматическая сторона и при разборе придаточных предложений только со стороны смысла. При этом, конечно, то, что одинаково грамматически, оказывалось различным, смотря по вопросу, напр., одно и то же придаточное предложение в одной фразе: «край, где все обильем дышит»—оказывалось определительным, в другой: «там, где все обильем дышит»—обстоятельственным места, в третьей: «не знаю, где все обильем дышит»—дополнительным.

Посмотрим на примере на различие психологической, логической и грамматической точек зрения, смешением которых часто грешила школьная грамматика. Где подлежащее в предложении «два окна выходят на улицу»? Надо прежде всего дать себе отчет, что мы будем разбирать: возможное психологическое суждение, лежащее в основе этого предложения, или логический смысл предложения, или грамматическое его выражение. В первом случае мы можем признать подлежащим «два окна», как выражение одного зрительного образа. Во втором случае подлежащим окажется «окна», если мы будем толковать так: понятие, о котором мы здесь выска-

зываем нечто, выражено двумя словами; но главным, так сказать, из них является, конечно, «окна»; иначе: если искать в этом предложении одного слова, которое выражало бы то, о чем здесь говорится, то таким словом, конечно, будет «окна», потому что, действительно, мы здесь говорим об «окнах», а не о «двух«. В обоих случаях мы не принимаем в расчет грамматической формы. Если же (третий случай) целью разбора поставим наблюдение над тем, как, какими формами и т. д. выражается мысль в языке, то подлежащим должно быть «два». Это—точка зрения грамматическая. Только с этой точки зрения и откроется возможность понимания фактов данного языка. С точки зрения психологии и логики безразличны выражения: русское «два окна», где «окна» зависит от «два», а не наоборот, как бы можно было ожидать, или французское «deux fenêtres», или немецкое «zwei Fenster», где «deux» и «zwei» являются определениями к «fenêtres» и «Fenster». В языковедении мы наблюдаем не то, как русский, француз или немец думают (думают они одинаково), а как тот, другой и третий выражают свою мысль, каждый на своем языке. Равным образом различные словесные выражения одной и той же мысли (безразличные в логике) нельзя смешивать в грамматике: нельзя, напр., вместо «мне хочется пить» разбирать «я хочу пить», вместо «нет у молодца молодой жены»—«молодец не имеет молодой жены», вместо «при впадении Оки в Волгу»—«там, где Ока впадает в Волгу», вместо «ветром сорвало крышу»—«ветер сорвал крышу» и т. п.

Смешение элементов логики с грамматикой, являвшееся в обычных школьных учебниках, принято называть «логико-грамматической» точкой зрения. На смену ей в школу начинает проникать новое направление—«формальное», которое стремится строго отличать то, что есть в языке, от того, что есть только в мысли. Формальная точка зрения ищет для предложения формальных, языковых признаков и требует, чтобы члены предложения определялись теми формами, в которых являются в предложении слова и их сочетания.

7*

ОТДЕЛ ВТОРОЙ

ГЛАВА VII.

ЯЗЫКИ.

Содержание. § 99. Генеалогическая классификация языков. § 100. Индо-европейская семья. § 101. Распадение индо-европейского праязыка. §§ 102—112. Краткий перечень других семей и отдельных языков.

§ 99. Генеалогическая классификация языков. Языковедение, сравнивая человеческие языки друг с другом, открыло родственные связи между многими языками и установило несколько семей языков (см. § 5). Классификация языков по их родству, другими словами, по происхождению, называется **генеалогической** (т.-е. родословной) классификацией; ее не следует смешивать с классификацией морфологической: обе они независимы друг от друга, так как, как уже сказано выше (§ 84), однородный грамматический строй может быть в языках совсем неродственных, и, наоборот, родственные языки могут иметь различный грамматический строй.

Но очень многие языки не обнаруживают никаких родственных связей ни с одним из других известных теперь или в прошлом языков земного шара и остаются одинокими в генеалогической классификации.

Мы изложим состав наиболее крупных семей языков, причем больше внимания уделим семье индо-европейских языков; далее, дадим перечень более мелких семей, а также одиноких языков по странам света. Таким образом, получится краткий **обзор главнейших языков земного шара**, мертвых и живых.

§ 100. Индо-европейская семья. Эта семья наиболее изучена в языковедении, и научное языковедение создалось именно на изучении языков этой семьи. Она делится на десять ветвей.

Примечание. Индо-европейские языки называют еще «арийскими»,— термин, неудобный тем, что так же называют еще индийские и иран-

ские языки, т.-е. не все индо-европейские, а часть их. Немецкие лингвисты, вместо «индо-европейский», употребляют термин «индо-германский». Употребляют (Бодуэн-де-Куртенэ, Богородицкий) еще название «арио-европейские», которое покрывает арийские, т.-е. индийские и иранские языки и языки европейские, входящие в эту семью.

1. **Индийская ветвь.** К ней относятся как древние, так и новые языки индусов (в Ост-Индии, в Азии). Древнейший из индийских языков, язык мертвый, называется **ведийским**, от слова «Веда». Так называются четыре священные книги (браминской религии) древних индусов. Древнейшие части их написаны более чем за полторы тысячи лет до Р. Х. Другой древний язык — **санскрит**, язык тоже мертвый, употребляющийся теперь у индусов только искусственно в литературе и богослужении; на нем сохранилась богатая литература. Санскрит был литературным языком, языки же народные известны под собирательным именем **пракрит** (по-индийски значит «необработанный», санскрит — «обработанный»). Пракрит—родоначальник **новых**, т.-е. живых индийских языков: индустанского, бенгальского и др.; к ним принадлежит и язык цыганский.

2. **Иранская ветвь.** Иранская ветвь обнимает языки народов Ирана. Из древних иранских языков известен язык **древне-персидский.** На нем сохранились так называемые клинообразные надписи персидских царей (Дария, Камбиза и др.). Другой древний язык Ирана носит название **авестийского,** так как на нем написана священная книга Авеста, известная также под именем Зенд-Авесты (при чем и самый язык иногда называется «зендским»). В Авесте изложена религия Зороастра. К **новым** иранским языкам принадлежат ново-персидский, курдский, на котором говорит полукочевое племя курдов в Малой Азии, афганский, на котором сильно сказалось влияние индийских наречий, осетинский—язык народа, живущего на Кавказе, таджицкий—в Средней Азии и др.

К иранской ветви принадлежал язык **скифов**, насколько позволяют судить его скудные остатки.

3. **Армянская ветвь.** В нее входит один **армянский** язык. К этой ветви принадлежали, насколько позволяют судить скудные остатки, языки: **фригийский** и **фракийский.**

4. **Албанская ветвь.** В нее входит один язык—**албанский** (албанцы живут на Балканском полуострове). К этой ветви принадлежал, насколько можно судить по скудным остаткам, язык **иллирийский.**

5. **Греческая ветвь.** К ней относится **древне-греческий** язык в его главнейших наречиях: **ионическом, дорическом, аттическом, эолическом.** Ионическое племя жило в малоазиатских колониях; на ионическом наречии известны гомеровские поэмы и сочинения Геродота. Дорический язык—язык спартанцев, Арголиды, Крита. Эолическое наречие употреблялось на острове Лесбосе и в Беотии; на лесбийском языке сохранились, между прочим, лирические произведения Сафо (женщина-поэт). Наконец, на аттическом языке говорили в Афинах; то, что́ называют обыкновенно просто древним греческим языком и преподавали, напр., в гимназиях, и есть это аттическое наречие. На нем сохранилась богатая литература—произведения драматургов: Эсхила, Софокла, Эврипида; историков: Фукидида, Ксенонфота; ораторов: Демосфена и др.

С течением времени отдельные разрозненные части греческого народа стали сплачиваться; с объединением их стали объединяться и их языки, и в III в. до Р. Х. образовалось одно обще-греческое наречие, называемое греческим словом **койнэ** (койнэ диалектос значит «общее наречие»). Главную роль в его образовании сыграло наречие аттическое, как язык наиболее культурного из греческих народов—афинян. После Р. Х. из койнэ вырабатывается средне-греческий язык, называемый **византийским.** (Византийским периодом называется время от Юстиниана до падения Константинополя, с половины VI до половины XV в.) Затем византийский язык переходит в **ново-греческий,** существующий теперь.

В ближайшем родстве с греческою ветвью находился, повидимому, язык **македонский.**

6. **Италийская ветвь.** К ней относится язык древних римлян—**латинский,** затем языки других народов Италии: **осков, умбров,** современных древним римлянам. С распространением Римской империи римляне стали появляться в разных концах тогдашнего мира, «круга земель» [1]), расположенных вокруг Средиземного моря. Латинский язык вытеснил туземные языки, и из него в раз-

[1]) По выражению римлян—orbis terrarum.

ных местах образовались так называемые **романские** языки, сложившиеся вполне в VII веке по Р. Х.: французский, итальянский, провансальский, испанский, португальский, румынский и ретороманский (в Швейцарии).

Все эти романские языки произошли не из классического латинского языка, известного из произведений римских писателей (напр., Цицерона, Цезаря и др.), а из так называемой «вульгарной латыни», т.-е. из народных латинских говоров. Например, возьмем итальянское слово cavallo и французское слово cheval; они произошли не из классического латинского equus, а из вульгарного латинского caballus (с тем же значением «лошадь»).

7. **Кельтская ветвь.** Она сохранилась в очень скудных остатках. Мы знаем о существовании в древности языка **гаяльского**, но сам язык не сохранился; известны лишь некоторые собственные имена и несколько слов, встречающихся в сочинениях о Галлии римских писателей. Остатки кельтской ветви сохранились в Уэльсе (в Великобритании), где кельтский язык известен под именем **кимрского** языка, затем на полуострове Бретани (Франция)—**бретонский**, в Ирландии и Шотландии—**ирские** и **шотские** говоры. На ирском языке сохранились также и древние памятники.

8. **Германская ветвь.** По более тесному родству языков, входящих в эту обширную ветвь, она подразделяется на группы. К 1-й группе относится **готский** язык, на котором сохранился перевод библии, сделанный в IV веке по Р. Х. епископом Ульфилой на вестготское наречие; на остготском сохранилась одна маленькая запись. 2-я группа—**скандинавская**; к ней принадлежат исландский и норвежский, шведский и датский языки (соединены в эти две пары по ближайшему родству); на древне-исландском языке сохранились поэтические сказания XII века, так называемая Эдда. Известен и тот язык, из которого произошли указанные скандинавские языки и который поэтому называется обще-скандинавским или праскандинавским; на нем написаны так называемые «рунические» надписи III — IV века по Р. Х.; он распался первоначально на два языка, из которых каждый, в свою очередь, на два. 3-я группа—**западно-германская**; к ней относятся: англосаксонский и его потомок — новый английский язык; древне-саксонский и его потомок—

plattdeutsch,—под этим названием разумеется совокупность целого ряда народных наречий в северной Германии; древне-нидерландский, иначе—нижне-франконский и его потомки: голландский и фламандский (так называются народные диалекты этого происхождения в восточной Бельгии); фризский, существующий и теперь в качестве народного в северной Голландии; наконец, верхне-немецкий, распадающийся по эпохам на древне-, средне- и ново-верхне-немецкий языки. Последний (ново-верхне-немецкий) есть литературный язык всех немцев, возникший в XVI в.; его первый памятник — перевод библии, сделанный Лютером; его имеют в виду, когда говорят вообще о «немецком» языке.

9. **Балтийская ветвь.** В нее входят три языка: прусский, литовский и латышский. **Прусский** язык уже мертвый, но вымер сравнительно недавно, в XVII в., оставив по себе немногочисленные письменные памятники. Пруссы жили по берегу Балтийского моря, в северной части современной Пруссии; они были покорены немцами и онемечены, передав свое имя своим завоевателям—немцам. **Литовский** язык существует и теперь. Литовцы живут в Литве, соседних областях Польши и в небольшом количестве в северо-восточном углу Пруссии, на север от Кенигсберга. **Латышский** язык также живой. Латыши живут севернее литовцев, в Латвии.

10. **Славянская ветвь.** По степени родства между славянскими языками она делится на три группы.

А) Группа **южная:** к ней принадлежат **болгарский, сербохорватский** и **словенский** языки. Названием «сербо-хорватский» объединены два крупных наречия сербского языка: **собственно сербское** (в Юго-Славии, именно в бывш. Сербии, Боснии, Герцеговине, Черногории) и **хорватское** (в Хорватии и Далмации). Словенцы живут на запад и север от хорватов, до пределов Италии и Австрии.

На одно из древне-болгарских наречий было переведено с греческого священное писание Кириллом и Мефодием в IX в. Это наречие не имеет потомка среди живых болгарских говоров и, как известное только из книг кирилло-мефодиевского перевода называется условно **старо-славянским** языком, или иначе «древне-

церковно-славянским», потому что употреблялось, как язык церкви, в Болгарии, Сербии, России, и дожило и до нашего времени, но в сильно измененном виде. У нас, напр., в устах употреблявших его русских, старо-славянский язык изменился под влиянием русского языка, так как русские произносили звуки на русский лад, вместо чужих форм подставляли свои и т. д. Таким образом, тот язык, на котором совершаются службы в русской церкви теперь, уже не чисто старо-славянский, а значительно обрусевший; этот новый церковный язык мы называем просто «церковно-славянским». Древнейшими памятниками старо-славянского языка являются недавно открытая надпись болгарского царя Самуила 993 г., Мариинское и Зографское евангелия, повидимому, конца X в. и Остромирово евангелие, переписанное в России в 1056—1057 г.

Примечание. Старо-славянские рукописи писались двумя азбуками: или кириллицей, или глаголицей. Глаголица, повидимому, древнее, и, может быть, она-то и изобретена Кириллом, хотя его именем теперь называется другая (кириллица), из которой выработалась как новая церковно-славянская, так и русская азбука. Из названных памятников Мариинское и Зографское евангелия—глаголические.

Б) Группа **западная**: к ней относятся языки: **чешский, словацкий, лужицкий, польский, кашубский** и один вымерший к XIX веку, но оставивший письменные памятники,—**полабский**. Полабы жили по р. Эльбе (по-славянски Лаба); чехи живут в Чехо-Словакии (собственно Чехии и Моравии); на восток от них, ближе к Карпатам—словаки; на север от Карпат по Висле—поляки; севернее их, около Балтийского моря—кашубы; лужичане разделяются на верхних и нижних и живут по реке Шпрее, на которой стоит Берлин.

В) Группа **восточная**: к ней принадлежат языки: **великорусский, белорусский** и **малорусский**, иначе **украинский**, называемые также «наречиями» русского языка. Великорусский язык подразделяется на два наречия: **северно-великорусское, «óкающее»**, и **южно-великорусское**, «áкающее». В местах соседства этих наречий путем взаимного их влияния выработались переходные говоры, представляющие собою наслоение южно-великорусских черт на северно-великорусскую основу; эти говоры называют **средне-великорусскими**; к ним принадлежит, напр., московский говор, легший в основу

великорусского государственного и нового литературного языка.

11. Кроме этих, давно установленных, десяти ветвей, теперь следует указать особо **тохарский язык.** Так назван язык, на котором написаны недавно найденные в Китайском Туркестане тексты,—язык несомненно индо-европейский, существовавший, как думают, в средней Азии в первые века по Р. Х.; он ближе к западным ветвям индо-европейской семьи, но не входит ни в одну из них.

§ 101. Распадение индо-европейского праязыка. Все указанные индо-европейские языки принадлежат к одному семейству, т.-е. они произошли из одного языка, **индо-европейского праязыка.** Ученые восстановляют его теоретически, путем сравнения между собою отдельных индо-европейских языков. Это—язык отдаленнейшей доисторической эпохи; однако, не следует думать, что это язык по своему строю какой-либо первобытный; наоборот, он является языком вполне развитым, в общем однородным по своему звуковому и формальному строю с известными нам его потомками, индо-европейскими языками. Другими словами, от этого праязыка до возникновения вообще языка в человечестве (см. § 110) такая же пропасть, как и от наших современных языков.

Если все обширное количество родственных между собою языков сгруппировано в отдельные ветви, то это значит, что у них между собою ближе родство, чем с другими. Это заставляет предполагать, что индо-европейский праязык разбился вначале на известное число языков—родоначальников отдельных ветвей, а из них каждый уже дробился далее; другими словами, после распадения праязыка мы предполагаем эпоху обще-индийского, обще-иранского, обще-греческого и т. д. языков, из которых каждый далее распался уже, один—на известные индийские, другой—на иранские и т. д. языки.

Кроме того, установлено, что некоторые ветви между собою более родственны, чем с другими; так, индийская ветвь ближе по родству с иранской, чем с другими, балтийская—со славянской. Это заставляет предположить, что из индо-европейского праязыка не выделились сразу родоначальник индийских языков (обще-индийский) и родоначальник иранских языков (обще-иранский), а выде-

лилось сначала нечто такое, что не было еще ни индийским, ни иранским и что мы должны назвать общим языком индо-иранским; а этот уже впоследствии распался на обще-индийский и на обще-иранский; точно также и для другой указанной пары предполагаем, что по распадении индо-европейского праязыка и до эпохи обще-славянского и обще-балтийского существовала эпоха общего языка балтийско-славянского.

Распадение индо-европейского праязыка удобнее всего наглядно изобразить в виде родословного дерева (см. стр. 109). Но только не следует думать, что выделение указанных на чертеже ветвей совершилось одновременно. Кроме того, чертеж этот вовсе не указывает, каким образом совершался процесс распадения: процесс выделения нескольких языков из одного чрезвычайно сложен, и взаимные отношения выделившихся языков между собою и к языку, из которого выделяются они, только отдаленно напоминают произрастание нескольких ветвей из одного сука и сучьев из ствола дерева. Этот чертеж, словом, дает понятие о *результатах* процесса и ничего не говорит о *характере* этого процесса распадения языков.

Что касается **прародины индо-европейцев**, т.-е. местности, где жил народ, говоривший на индо-европейском праязыке, и откуда пришли индо-европейцы (индийцы, греки, славяне и т. д.) на свои места, известные из истории, то издавна эту прародину помещали в Азии; новейшие исследования по этому вопросу заставляют искать ее в средней Европе.

§ 102. Угрофинская и самоедская семьи. К финским, иначе— угрофинским, языкам принадлежат:

1) западно-финские языки: собственно финский (иначе—суоми в Финляндии), лапландский (или лопарский, в Норвегии и в Мурманской губ.), карельский (в Карельской респ. и в Тверской и Новгородской губ.), эстонский (в Эстонии), венгерский (или мадьярский, в Венгрии) и нек. др.;

2) восточно-финские языки: вогульский (между средним Уралом и р. Обью), остяцкий (в бассейне р. Оби), мордовский с двумя наречиями: эрзя и мокша (гл. обр. в средне-поволжских губерниях), мари (или черемисский, гл. обр. в Марийской обл.), вотский (язык вотяков, в Вотской обл.), коми (или зырянский, гл. обр. в обл. Коми) и нек. др.

С финским семейством родственно семейство **самоедское**—самоедские языки в Европе и Азии (в тундре от Белого моря до Хатангского залива и по р. Енисею).

Большинство финских языков, а также самоедские, находятся в пределах СССР.

§ **103. Тюркская семья.** Многочисленные тюркские, иначе—турецкие, языки занимают большие пространства в Европе и Азии. Вот главнейшие из них, соединенные в пять ближайше родственных групп:

1) языки: собственно турецкий (или османский), азербайджанский (в Закавказье), туркменский (между Каспийским и Аральским морями), язык татар южного берега Крыма;

2) языки: татар поволжских (казанских, астраханских, касимовских) и крымских (не южного берега), караимский (в Крыму), башкирский (южный Урал и на восток от него), карачаевский (в верховьях р. Кубани), ногайский (на сев. Кавказе), казакский (обычно называемый киргизским; «киргиз-казаки»—на широком пространстве от нижней Волги до Иртыша), киргизский (называемый также кара-киргизским, по верхнему течению Сыр-Дарьи), алтайский (в Ойратской обл.);

3) языки: узбекский (между Аму-Дарьей и верхней Сыр-Дарьей) и разные тюркские наречия в восточном и западном Туркестане, называемые обычно «сартскими» (таранчский, кашгарский и др.);

особо стоят языки: 4) якутский (в бассейне р. Лены) и 5) чувашский (в Чувашской респ.).

§ **104. Монгольская семья**—языки: собственно монгольский (в Монголии), бурятский (на юг и на восток от оз. Байкала) и калмыцкий (между Волгой и верховьями Маныча).

§ **105. Тунгусско-манчжурская семья**—языки: тунгусский (разбросан по всей Восточной Сибири) и манчжурский (в Манчжурии и в Восточной Сибири).

Примечание к §§ 102—105. Существовало в науке предположение об общем происхождении названных пяти семейств языков: финского, самоедского, тюркского, монгольского и тунгусско-манчжурского. Такая предполагавшаяся общая семья была названа «урало-алтайской». Это предположение теперь отвергнуто; несомненным признается лишь родство самоедских и финских языков.

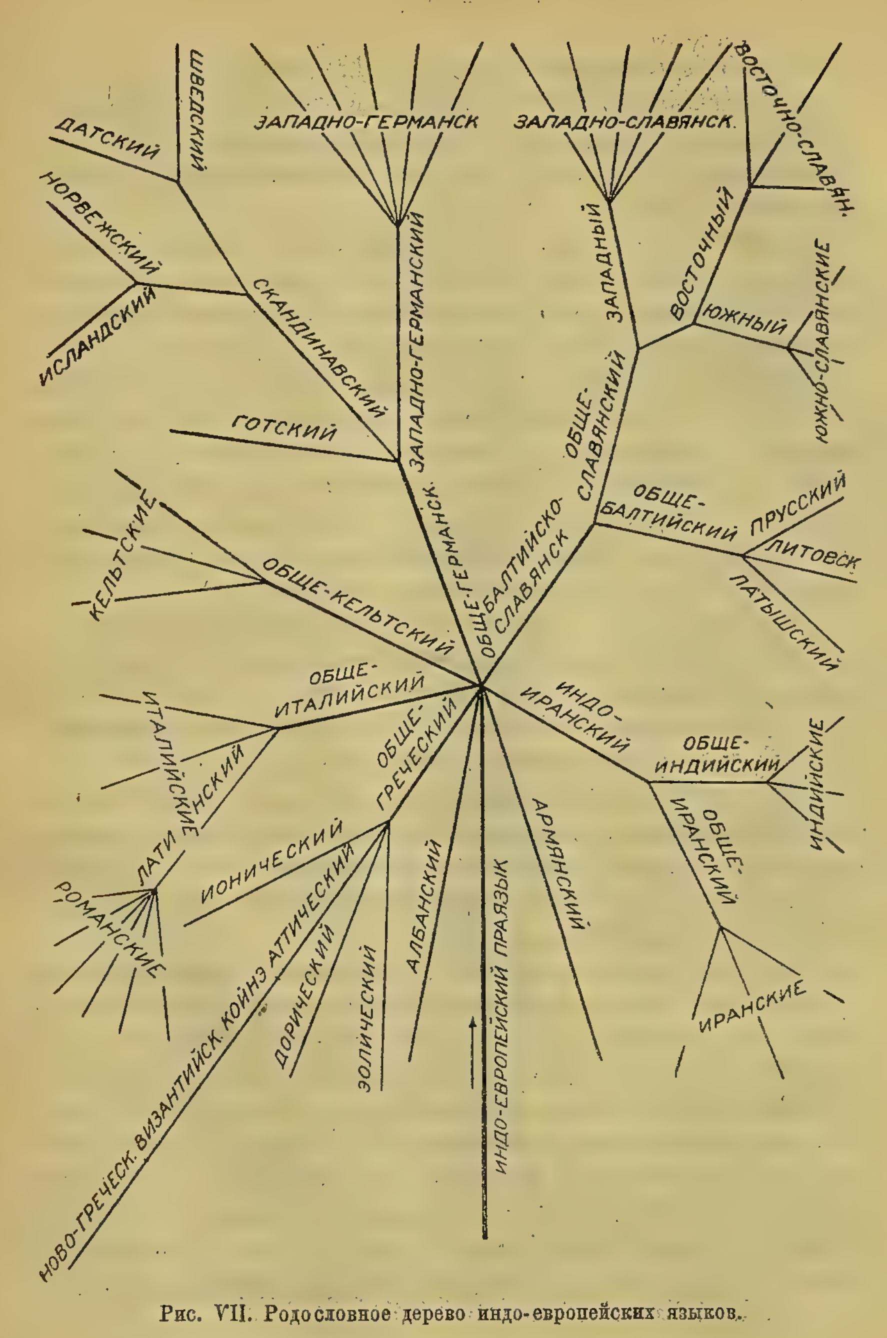

Рис. VII. Родословное дерево индо-европейских языков.

§ 106. Семитская семья. В нее входят ветви:

1) **ассирийская**—древне-ассирийский язык, известный по клинообразным надписям в Ниневии и Вавилоне за несколько тысячелетий до Р. Х.; за несколько столетий до Р. Х. он был уже мертвым языком;

2) **ханаанская**—языки: еврейский, памятником которого являются некоторые части Ветхого завета, и финикийский, оба мертвые: еврейский вымер к III веку до Р. Х. и продолжает сохраняться в искусственном употреблении;

3) **арамейская**—язык арамейский (или сирийский), вытеснивший собою еврейский язык за три века до Р. Х.; на нем говорили, следовательно, в Палестине в то время, к которому евангельские рассказы относят жизнь Христа; древнейшим памятником его являются некоторые части Ветхого завета; остатки его до сих пор сохраняются кое-где (таков, напр., язык небольшого народа айсоров, живущего в Закавказье);

4) **арабская**—язык арабский, чрезвычайно широко распространившийся в Азии и северной Африке вместе с распространением магометанства.

В ближайшем родстве с арабским языком находятся **эфиопские** (или абиссинские) наречия, в Абиссинии.

§ 107. Чтобы указать вкратце другие семьи, а также некоторые одинокие языки, т. е. не стоящие в родстве ни с какими другими языками, сделаем обзор по странам света.

Европа занята, как видим, преимущественнно индо-европейскими, финскими и тюркскими языками.

Кроме них, следует указать язык **басков**, существующий в Пиренеях и представляющий собою остаток языка каких-то древнейших обитателей (до прихода индо-европейцев), и язык **этрусков**, существовавший некогда в Италии.

Существует в науке предположение о родстве их с языками древнейших народов, живших по побережью Средиземного моря и оставивших скудные памятники языка (напр., пеласгов) а также с так называемыми «кавказскими» языками (§ 108). Для всех этих языков, если и не родственных по происхождению, то связанных между собою некоторыми общими свойствами, предложено (акад. Марром) название «яфетических».

§ 108. **Кавказские языки.** Среди массы языков на Кавказе, который еще в древности называли «горой языков», есть языки принадлежащие к уже известным нам семьям, напр., осетинский (индо-европейский, иранской ветви), армянский (индо-европейский) разные тюркские языки; такие языки, хотя и находящиеся на Кавказе, не называются кавказскими.

«Кавказскими» условно называют многочисленную группу других языков Кавказа; к ним прилагается и названпе яфетических. Родственные отношения этих языков еще не вполне выяснены. Намечены три главнейшие группы кавказских (яфетических) языков:

1) западная, к северу от Кавказского хребта, на запад от верхнего Терека—так называемые черкесские (или адигейские) языки: кяхский (в Черкесской обл.), кабардинский (в Кабардинской обл.) и на Черноморском побережье—язык абхазский;

2) восточная, к востоку от верхнего Терека и в Дагестане—языки: ингушский, чеченский, аварский, даргинский, лакский (иначе—казикумухский), лезгинский (иначе—кюринский) и др.;

3) южная, к югу от Кавказского хребта—языки грузинский (иначе — картвельский), мегрельский (иначе — мингрельский), лазский (иначе—чанский), сванский и др.

§ 109. Большая часть **Азии** занята, как мы видели, финскими, тюркскими, семитскими, индо-европейскими (Индостан, Иранское плоскогорье) и др. языками. Кроме них, на Индостане известны семья **дравидских** языков и семья **колярских** языков; народы, говорящие этими языками, жили здесь уже до прихода сюда индо-европейцев—индусов. В юго-восточной Азии известны одинокие языки, в морфологическом отношении принадлежащие к корневым (см. § 84): **китайский, сиамский, бирманский, тибетский.** Одиноким языком является и **японский.** Наконец, в северо-восточной Азии известны одинокие, повидимому, языки так называемых палеоазиатских народов: **енисейских остяков** (которых не надо смешивать с финским народом—остяками, § 102), **чукчей, юкагиров, коряков, гиляков, камчадалов,** а также **корейцев, айнов** (на островах: Иесо, Сахалине и Курильских) и нек. др.

§ **110.** В **Африке** мы видели семитские языки: арабский и родственные с ним эфиопские в Абиссинии. Кроме них, в той же Абиссинии существуют языки **кушитские**, к которым относятся также **нубийский** язык, а на севере Африки языки **берберийские**; в Египте существовал язык **египетский**, известный по древнейшим памятникам за 4000 лет до Р. Х., и его потомок, также теперь уже мертвый, язык **коптский**. Все эти названные языки образуют одну семью **хамитскую**, как теперь выяснено, стоящую в родстве с семитской. В южной Африке известна семья к а ф р с к и х языков, называемая **банту**, и одинокие языки **готтентотов** и **бушменов**. В средней Африке известны, но мало изучены очень многочисленные **негрские** языки.

§ **111.** В **Австралии**, на материке, известны языки **австралийские** (повидимому, семья), а на островах семья **малайско-полинезийская**, распадающаяся на три ветви: м а л а й с к у ю, п о л и н е з и й с к у ю и м е л а н е з и й с к у ю. Кроме того, на островах известны, но мало изучены языки **папуасов**.

§ **112.** В **Америке**, не считая, конечно, языков многочисленных переселенцев из Старого Света, существуют языки туземцев, мало изученные; сюда принадлежат **языки народов американской расы** (индейцев), из которых многие в морфологическом отношении принадлежат к полисинтетическим (см. § 84), **языки полярных народов**: э с к и м о с о в и а л е у т о в.

ГЛАВА VIII.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЯЗЫКА. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ЯЗЫКА.

§ 113. Вопрос о единстве происхождения человеческих языков. Все индо-европейские языки произошли, как мы видели, из одного языка, так называемого индо-европейского праязыка; все семитские—из семитского праязыка; короче, для каждой семьи языков мы предполагаем одного родоначальника. Естественно может явиться вопрос: в каком отношении между собой находятся все эти праязыки, и не могут ли они быть сведены, в конце-концов, к одному языку? А этот вопрос означал бы: произошли ли все человеческие языки из одного или нескольких языков? На этот вопрос наука теперь еще не может дать ответа. Решаться этот вопрос должен путем сравнения между собой всех открываемых наукою праязыков. Но здесь встречается целый ряд существенных затруднений.

Прежде всего не все человеческие языки изучены с точки зрения их родственных отношений, а те, которые изучены, изучены не одинаково. Затем языки, одиноко стоящие в генеалогической классификации, быть может, являются одинокими уцелевшими представителями некогда целых семей. И сколько отдельных языков и, может быть, целых семей их исчезло уже раньше, чем их успели изучить! Далее, сравнивая, напр., восстановляемые праязыки: индо-европейский и семитский, мы не видим между ними ничего родственного. Но, может быть, прошлое самих этих праязыков показало бы нам иное. Необходимо проникнуть в эпохи еще более

отдаленные, чем эпохи этих праязыков. И пусть не только эти, а все праязыки были бы восстановлены,—проникновение в их прошлую судьбу и, кроме того, самое понимание фактов языка такой отдаленной эпохи связаны с такими непреодолимыми, повидимому, препятствиями, что вряд ли наука когда-либо будет в состоянии решить вопрос, произошли ли человеческие языки из одного или не одного языка.

Этот вопрос—вопрос не пустой, а важный. Но при первом взгляде на него его важность может быть неправильно понимаема: может представляться, что, решив этот вопрос, мы поймем, как вообще возник человеческий язык. Это не так. Вопрос о единстве происхождения человеческого языка и вопрос о происхождении языка, т.-е. о том, как возникла у человека способность передавать звуками речи свое внутреннее состояние (мысли, чувства),—два различные вопроса. Если бы даже мы узнали, что все человеческие языки произошли из одного, если бы мы восстановили этот единый праязык, т.-е. узнали бы, какие в нем были звуки, слова, какие значения имели эти слова и проч., то и тогда мы все-таки еще ничего бы не знали о том, как вообще звуки речи стали приобретать значения, иначе—как возникла названная выше способность. А в этом-то и заключается вопрос о происхождении языка.

§ 114. Вопрос о происхождении человеческого языка есть вопрос о том, как у человека образовалась способность выражать языком слов свои внутренние состояния, главным образом мысли. Окончательного ответа на этот вопрос в науке нет. Трудность его, как всякого вопроса о первобытном человеке, осложняется еще тем, что само мышление первобытного человека нам неизвестно, является в этой задаче не данным, а искомым, так как известно, что само мышление развивалось в зависимости от развития языка. Вопрос этот выходит за пределы собственно языковедения и решается совместными усилиями многих наук: психологии, физиологии, антропологии и др., и для решения его необходимо изучение физических и духовных явлений, составляющих человеческий язык, изучение того процесса, как мы усваиваем наш язык, языка детей, животных, языка жестов и мимики (у глухонемых, у малокультурных народов) и проч. Высказано было много мне-

ний, и многие из них имеют свою долю истины в объяснении появления разных знаков языка; самое трудное и самое важное—объяснить утрату этими знаками своей непосредственности, обращение их в символы.

Необходимо допустить, что язык произошел не исключительно одним каким-либо путем, и необходимо признать постепенность в его развитии. Заслуживают внимания такие теории, которые признают язык не готовым чем-то, а продуктом психической и физической деятельности человека.

Имеет известную долю истины теория, объяснявшая происхождение языка из **звукоподражания**. Весьма вероятно, что многие слова первобытного языка имели такое происхождение, т.-е. что подражания крикам животных, звукам природы постепенно становились словами, обозначавшими этих животных, эти явления природы. Затруднение—в объяснении звукоподражанием происхождения слов для обозначения того, что не звучит.

То же надо сказать про теорию **междометий**: весьма вероятно, что многие слова первобытного языка первоначально были непроизвольными восклицаниями, сопровождавшими чувствования, а затем обратившимися в символы чувствований, произвольно обнаруживаемые (ср. § 66). Затруднение—в объяснении происхождения слов, как знаков мысли.

По наиболее новой теории, теории **эволюции** (Вундта), органы речи могли производить такие же «выражательные» движения, каковы мимические движения мускулов лица при ощущениях кислого, горького, при чувстве довольства или недовольства, а также пантомимические жесты, т.-е. движения, с помощью которых передаются представления. В результате таких движений органов речи невольно получались звуки. Как всякие жесты могут делаться условными знаками, произвольно воспроизводимыми, так и «звуковые жесты». Таким образом, язык слов—частный случай языка жестов. Язык звуковых жестов первоначально существовал нераздельно с другими жестами, но постепенно обособлялся от них: ему отдавали предпочтение в виду большего его удобства; так как, действительно, им можно пользоваться тогда, когда язык других жестов не достигает цели (напр., в темноте, на расстоянии), однако и при наличности даже развитого языка слов

жесты не вовсе выходят из употребления, а часто сопровождают нашу речь.

Подробности процессов, приведших к созданию языка, неясны, но общее направление этих процессов, несомненно, было от непосредственных знаков к символам, от непроизвольных движений к произвольным.

Какого бы происхождения ни были первые слова человеческого языка, они были, вероятно, не слова, т.-е. не знаки отдельных предметов мысли, а знаки целой нерасчлененной мысли (см. § 63). А расчленение цельной мысли шло рука об руку с расчленением звукового целого. Как именно шел этот процесс, мы не знаем, но предполагаем, что в результате его и получались отдельные слова, как знаки предметов мысли и как знаки тех отношений, которые вырабатывались самой мыслью.

§ 115. Усвоение языка детьми. Мы усваиваем наш язык уже готовым от взрослых, воспринимая готовые словосочетания, готовые слова. Ребенку не приходится вырабатывать себе язык: звуковые знаки уже даны, и ему нужно только научиться тому, с какими знаками какие представления нужно связывать. Отсюда видно, что развитие языка у детей не повторяет собой процесса развития языка в человечестве. Однако многое в языке детей аналогично, повидимому, некоторым сторонам языка первобытного; таково возникновение собственных, не подсказанных взрослыми, звукоподражаний и междометий, становящихся на некоторое время словами, до замены их словами из языка взрослых; таково употребление слов вначале именно в значении целых предложений, точнее, целой нерасчлененной мысли.

Не следует думать, что дети по рождению уже предопределены к тому, а не другому языку. Дети усваивают, и для них делается родным тот язык, на котором говорят с ними взрослые, и русский, напр., ребенок может получить в качестве родного французский или какой-либо иной язык, если с ним говорить исключительно по-французски или на каком-либо ином языке.

§ 116. Жизнь языка, как явления физического, психического и общественного. Возникнув каким бы то ни было образом, язык начинает жить в устах говорящих; а что называется жизнью языка, сказано уже в § 4. Язык принадлежит и каждому человеку

в отдельности, и целому обществу. Представляя, таким образом, собою явление индивидуальное и явление общественное, он по своей природе, как мы знаем, явление частью физическое, частью психическое. Поэтому и в жизни языка действуют факторы физические, психические и общественные, т.-е. изменяется язык и от физиологических причин (изменения в артикуляциях, обусловленные, в свою очередь, какими-либо более общими причинами), и от психических (действие ассоциаций, которыми связаны в сознании говорящего факты языка), и от общих исторических причин, изменяющих жизнь и состав того общества, которому язык принадлежит.

В дальнейшем изложении мы рассмотрим сначала (§§ 117—120) главнейшие судьбы языка, как явления **общественного**: распадение и объединение языков, возникновение языка общего; это все следствия истории самого общества, говорящего на данном языке. Затем, в главе IX, рассмотрим изменения, возникающие в языке, как явлении **индивидуальном**; таковы изменения звуков, значений и т. д., вызываемые действием **физических** и **психических** причин.

§ 117. Распадение и объединение языков. Один язык может распасться на несколько родственных языков (ср. § 6). Случается это следующим образом. Представим себе народ, говорящий на одном языке; он размножается и распространяется по все большей территории; наконец, отдельные части начинают жить совершенно самостоятельной жизнью, и как в других сторонах жизни, так и в языке появляются сначала незаметные, затем все более и более увеличивающиеся различия. У одной части народа какой-нибудь факт языка сохранится, у другой — исчезнет, у одной появится новый факт, а у другой его не появится и т. д.; словом, изменения в языках, составляющие их жизнь, будут различны; уменьшается сходство, увеличивается разница, и в результате получается несколько различных языков, которые, конечно, продолжают жить, т.-е. изменяться, но эти изменения, переживаемые ими, уже не будут общими. Наоборот, если два народа станут жить общей жизнью, то языки их, если они близки друг к другу, начинают переживать общие изменения, и в результате они могут слиться в один язык. В том случае, если эти языки были очень

далеки друг от друга, один язык совсем вытесняется другим, т.-е. один народ в результате начинает говорить на языке другого. В случае покорения одного народа другим, если завоеватели смешиваются с покоренными, не всегда язык первых одерживает верх: здесь победа остается за языком более культурного народа.

Кроме распадения языка в силу территориального разделения народа, язык распадается также с культурным распадением общества. Напр., с возникновением литературного, книжного языка, с распространением образованности, органом которой является этот язык, целые поколения могут вырастать вне связи с народным языком и говорить лишь на книжном языке. Так язык может распасться на язык образованных людей и на язык необразованных.

Таким образом, можно сказать, что с распадением общественного союза распадается и язык и, наоборот, с объединением общественных союзов объединяются и языки их.

Примеров распадения одного языка на несколько родственных, а также исчезновения языков можно найти много в генеалогической классификации языков (гл. VII); примером объединения языков там же могут служить возникновение койнэ в греческой ветви (стр. 102) или возникновение так называемых средне-великорусских говоров, к которым принадлежит, напр., московский (стр. 105).

Что касается **отношения родства языков к родству рас** (см. § 7), то естественно предполагать, что первоначально, ближе к первобытной эпохе, родство рас совпадало с родством языков, так как родственные языки являются языками потомков одного и того же расового целого. А то отношение, которое наблюдается между родством языков и рас теперь и которое было формулировано в § 7, является плодом долговременной, чаще всего недоступной исследователю, доисторической жизни рас и языков, в течение которой языки одних расовых групп были перенимаемы другими, забывавшими свой собственный язык. Кроме того, и сами расы подвергаются смешению.

Родственные языки не всегда настолько похожи друг на друга, чтобы **сходство** могло быть заметно непосредственно на слух. Часто такое внешнее сходство может быть обманчиво; родство

языков открывается не непосредственно, а научным анализом. Естественно, что чем дальше между собой по происхождению родственные языки, тем меньше между ними сходства, и наоборот; наконец, два родственные языка в разные периоды своей жизни могут представлять разную степень сходства,—тем большую, чем меньше они прожили отдельной жизнью, и наоборот.

§ 118. Заимствования. От сходства по происхождению нужно отличать сходство между языками, происшедшее от заимствования слов одним языком из другого. Заимствования слов возникают на почве взаимного общения народов; как заимствуются различные предметы материального и духовного быта—костюм, орудия, учреждения, религиозные верования, песни, системы письма и пр., так же заимствуются и слова. Если мы возьмем в русском языке, напр., слова: с а р а й, б а з а р, и заметим, что они очень похожи на татарские слова, то это отнюдь не значит, что русский язык родствен татарскому. Эти и другие многие слова взяты русским языком из татарского. Точно так же слова в русском языке, заимствованные из французского или немецкого, не доказывают еще родства с ними русского языка (хотя оно и есть на самом деле). Заимствования, следовательно, ничего не говорят о родстве языков, так как могут совершаться как между родственными, так и между неродственными языками.

§ 119. Исчезновение языков. Исчезает язык в том случае, когда исчезают носители его. Однако не следует предполагать для этого какого-либо массового истребления всех говоривших; как мы выше (§ 113) видели, язык может исчезнуть, будучи вытеснен другим, если перестанут говорить на нем, а предпочтут по каким-либо причинам говорить на другом.

§ 120. Общие языки. Литературный язык. С развитием культурной жизни народов появляются такие потребности, которые объединяют широкие массы населения, различные иногда по своим наречиям; таковы потребности государственного, церковного, литературного и др. общения. В качестве органа такого общения возникает **общий язык.** Так, мы знаем примеры появления общего языка государственного, т.-е. общего языка делопроизводства во всех частях государства,—общего языка церковного, т.-е. общего языка церковных служб; один из таких случаев—появление об-

щего языка литературных произведений. Такими общими языками могут быть и языки чужие; так, напр., церковным языком древней Руси был болгарский (древне-церковно-славянский, или старо-славянский, см. § 100), а не русский, хотя и близкий к русскому; литературным языком, а также государственным и церковным в средние века у романских и германских народов был латинский; церковным остается он и теперь для католической церкви. Если же такие общие языки являются своими по происхождению, то в этом случае они вырабатываются из какого-либо местного наречия; так, напр., наречие города Москвы в силу известных исторических условий стало общерусским литературным языком. Бывает, что общий язык, сложившийся для известных потребностей, начинает служить и другим; напр., авторы литературных произведений могут пользоваться сложившимся государственным или церковным языком, другими словами, литературный язык может выработаться из общего государственного или церковного языка; так, напр., авторы литературных произведений в древней Руси пользовались общим церковным языком (о котором только-что говорилось); новый русский литературный язык выработался из языка приказов московского государства, литературный немецкий—из языка саксонских канцелярий.

На почве общего литературного языка создается и общий разговорный язык образованных людей, которые стремятся говорить языком книг. Общие языки — литературный и разговорный—являются признаком сложившейся нации (§ 7), средством, закрепляющим ее единство, и органом ее культуры. Поэтому к общим языкам применимо название «культурных» языков. Культурные языки имеют тенденцию вытеснять и нивелировать местные диалекты, так как под влиянием языка культурных центров и ближайшая округа, которая тянет к ним, перенимает черты языка этих центров и утрачивает особенности своего, и чем они резче, тем скорее. Яркий пример объединения диалектов представляет собой в истории греческого языка койнэ (§ 100), вследствие чего название «койнэ» стало общим термином для таких общих языков.

Литературный язык, как и всякий общий, отличается от народного тем, что подчиняется известному сознательному контролю:

говорящий следует известным традициям, устанавливающим, что «правильно» и что́ «неправильно»; поэтому литературный язык чрезвычайно туго изменяется: в нем удерживаются часто факты, уже отжившие в народном языке, и часто долго не принимаются факты, народившиеся в народном. Это и понятно: для автора, который всегда желает быть понятым возможно большим кругом читателей, целесообразнее писать так, а не иначе, не потому, что так говорят в его время и в его местности, а потому, что так писали уже до него. Отсюда одно из свойств литературного языка — известная искусственность, проистекающая из того, что литературный язык, в основе которого лежит какой-нибудь один живой говор языка, мало-по-малу вбирает в себя элементы других говоров, элементы других эпох того же языка, а также элементы других литературных языков; все это вызывается тем, что на литературном языке по необходимости приходится выражать гораздо больше понятий, чем на любом живом говоре языка. Могущественным орудием распространения литературного языка является школа, которая, призванная приобщать людей к общей культуре, учит именно литературному языку, т.-е. до некоторой степени, хотя бы и очень малой, языку для всякого чужому.

Усвоение при посредстве литературы и школы такого искусственного языка в сильной степени препятствует распространению изменений, нарождающихся бессознательно в устах говорящих, хотя прекратить вовсе появление изменений оно не может, пока язык живет. Таким образом, существование литературного языка является фактором, задерживающим быстрое изменение языка, и, понятно, вместе с тем — фактором, препятствующим также дроблению языка. Возьмем пример. Северная Америка заселилась англичанами; у них, конечно, в живом языке появлялись отличия от языка европейских англичан, однако эти изменения не создали особого языка, потому что парализовались влиянием уже установившегося литературного языка, общего и С. Америке и Англии. И, наоборот, языки малокультурных народов дробятся и изменяются сильнее.

ГЛАВА IX.

ЖИЗНЬ ЯЗЫКА

Содержание. § 121. Изменения фактов языка под влиянием факторов физического и психического. §§ 122—126. Изменение звуковой стороны слов. §§ 127—133. Изменение значений. §§ 134—139. Утрата слов и появление новых. §§ 140—146. Изменение форм слов.

§ 121. Жизнь языка, как мы знаем (§ 3), состоит в **изменении его фактов.** Теперь, не задаваясь целью исчерпать все возможные изменения, рассмотрим главнейшие из них в областях: звуков, значений, самих слов и форм. При этом рассмотрении мы увидим, как проявляется действие физических и психических факторов в языке. Необходимо помнить, что звуки речи — результат различных артикуляций органов речи, что представления звуков связаны с представлениями работы органов речи и что всякие факты языка связаны между собой в сознании говорящего перекрестными ассоциациями. Изменения в фактах языка, вызванные действием физического фактора, можно называть **фонетическими**, а изменения под действием психического фактора называют изменениями «по аналогии», что точнее называть изменениями **по ассоциации.** Всякие изменения в фактах языка возникают в индивидуальном языке отдельных лиц, а затем или исчезают, или захватывают все бо́льшие и бо́льшие круги говорящих.

Изменение звуковой стороны слов.

§ 122. Звуковая сторона слов может меняться по двум причинам: 1) потому, что сами звуки языка, вследствие изменений в артикуляциях органов речи у говорящих, претерпевают изменения, и 2) потому, что одни слова, вследствие психической ассоциации с другими словами, могут меняться по образцу этих других

слов. Первые изменения называются фонетическими, вторые — нефонетическими.

Таким образом, **изменения звуковой стороны слов** могут быть:

1) **фонетические** — результат действий физического фактора; они подразделяются на:

а) фонетические изменения звуков **самих по себе**, т.-е. наступающие везде, при всяком положении звука в слове, в речи (так называемые *спонтанеические*) и

б) фонетические изменения звуков **при известных фонетических условиях** (так называемые *комбинаторные*), т.-е. изменения звуков только при известном их положении, напр. только в начале или только в конце слова, под ударением или без ударения, в соседстве только с тем, а не с другим звуком и т. п.;

2) **нефонетические** — результат действия психического фактора, т.-е. изменения в звуковой стороне одних слов по образцу других слов.

Примеры. 1 а). Примером фонетического изменения звуков самих по себе может служить переход носовых гласных **ǫ** и **ę** в древнейшую пору русского языка в чистые гласные **у** и **а** (перед этим **а** согласный был мягок), безразлично, в каком бы положении эти носовые ǫ и ę ни находились; так, из зǫбъ, женǫ, ǫзъкъ получились зуб, жену, узок, а из чęсть, имę, jęзыкъ — часть, имя (т.-е. им'а), язык (т.-е. jaзык). Сравн. старо-слав. зѫбъ, женѫ, ѫзъкъ, чѧсть, имѧ, ѩзыкъ, а в старо-слав. языке обще-славянские ǫ и ę сохранялись и изображались особыми буквами (ср. прим. к § 34).

1 б). Примером фонетического изменения звуков при известных условиях может служить переход звука **е** (точнее — звука **э** после мягкого согласного, ср. § 54) в **о** в великорусском языке; этот переход был ограничен двумя условиями, а именно: **е** переходило в **о** только под ударением и перед твердым согласным, напр., из береза, несъ, несемъ, тетъка получилось берёза, нёс, несём, тётка (т.-е. б'эр'оза и т. п.); но при отсутствии одного из этих условий переход этот не совершался: так, **е** в несу не перешло в **о**, потому что на нем не было ударения, а в деньги — потому, что следующий согласный **н**

мягкий. Таким образом, фонетически не могло бы быть несёте (н'эс'от'э), берёзе (б'эр'оз'э), а должно было бы остаться несете (н'эс'эт'э), березе (б'эр'эз'э), потому что т и з в этих словах мягки; по той же причине не могло бы фонетически быть тётя.

2. Примером нефонетического изменения может служить изменение несете в несёте, березе в берёзе по образцу тесно ассоциированных с ними слов несём, берёза, изменение тетя в тётя по образцу тётка (где о фонетически под ударением и перед твердой согласной). — Нефонетически звук ѣ заменился звуком о в приобрел (т.-е. приабр'ол): надо заметить, что ѣ был особым звуком в древне-русском языке и фонетически не переходил в о, но по образцу («по аналогии», по ассоциации) веду — вёл, плету — плёл, где о фонетически из е, получилось и приобрѣту—приобрёл. Так же возникло гнѣздо—гнёзда по образцу весло — вёсла, село — сёла.

Нефонетически появилось о вм. а в пло́тишь при плачу́ в акающих говорах по образцу нашу́ — но́сишь, важу́ — во́дишь.

Нефонетически оказалось к вместо ц в форме рукѣ вместо старой руцѣ, под влиянием к в основе других падежей: рука, рукой и т. д. Так же пеки вместо пеци под влиянием к в пеку, пекут, пек; в литературном языке сохраняются старые формы печешь, печет и т. п., а в народных говорах и в них находим все то же нефонетическое к: пекёшь, пекёт и т. п. Заметим, что сами звуки ц, ч в приведенных примерах получились из к, но не в русском, а еще в обще-славянском праязыке, и получились там фонетически, т.-е. везде, где были налицо нужные для того условия (1 б), к переходило в ч и в ц, т.-е. не только в руцѣ, но и в цѣна, не только в печешь, но и в черный ч и ц получились из к; русским языком были получены из обще-славянского целиком формы руцѣ, печешь и т. п., и когда позже в русском получались рукѣ, пекёшь, то это не был обратный переход всякого ц, всякого ч в к, а только там, где была налицо грамматическая ассоциация, т.-е. ассоциация с другими формами (ср. § 138); так остались нетронутыми цѣна, черный, а руцѣ, пеци заменилось рукѣ, пеки.

То же мы видим в н о г ѣ, б о г ѣ, б о г и, в о л к ѣ, в о л к и, п о м о г и, д у х е, д у х и, и т. п. вместо н о з ѣ, б о з ѣ, б о з и, в о л ц ѣ, в о л ц и, п о м о з и, д у с ѣ, д у с и.

§ **123. Ассимиляция и диссимиляция** звуков, весьма распространенные процессы в области изменения звуков, представляют собой частные случаи фонетических изменений второго рода (1 б). **Ассимиляция**, или «уподобление», состоит в том, что артикуляция звука изменяется под влиянием артикуляции соседнего звука; в результате получается или тождественный соседнему звук—ассимиляция **полная**, или более близкий по условиям образования (а иногда также и акустически)—ассимиляция **неполная**. Процесс ассимиляции объясняется тем, что представление следующего звука наступает раньше времени, или, наоборот, представление предшествующего сохраняется долее, чем нужно; в первом случае работа органов, нужная для следующего звука, наступает ранее и захватывает образование предшествующего, во втором—работа, нужная для предшествующего звука, не прекращается еще тогда, когда наступает время образования следующего; первая ассимиляция **регрессивная**, вторая—**прогрессивная**. В ассимиляции звуков не соседних мы имеем *перенос* представления одного звука на место другого. Процессом ассимиляции объясняются многие звуковые явления.

П р и м е р ы. Полная регрессивная ассимиляция: диалектическое русское о м м а н из о б м а н, м е н н ы й из м е д н ы й, латинск. affirmo из adfirmo, русск. т е п е р ь из т о п е р ь, р е б е н о к из р о б е н о к, латинск. quinque «пять» вместо pinque (сравн. ст.-сл. пать, греч. πέντε).

Смягчение согласных в русском языке перед передними гласными (е, и)—не что иное, как неполная регрессивная ассимиляция: передненёбная артикуляция, нужная для следующего е, и, захватывает артикуляцию предшествующего согласного (см. § 40); так, из сочетаний т э, т и с твердыми т получились некогда в русском языке т'э, т'и. То же нужно сказать и о лабиализации согласных перед лабиализованными гласными (см. § 41).

Переход глухих в звонкие перед звонкими и звонких в глухие перед глухими—также регрессивная ассимиляция; в самом деле, при произнесении, напр., с д е л а т ь, дрожание голосовых связок

(голос), нужное для д, наступает раньше времени и захватывает с, а с с голосом есть уже з: произносим з д е л а т ь (неполная ассимиляция); то же о д д а т ь из о т д а т ь (полная); наоборот, голоса нет уже при з в с к а з к а, потому что его не будет в к, а з без голоса есть с: произносим с к а с к а (неполная); то же ф х о д из в х о д (неполная).

Полную прогрессивную ассимиляцию представляет собою, напр., переход украин. п і е ч (из общерусск. п е ч ь) в п і і ч (откуда далее піч). Неполную—смягчение во многих великорусск. говорах звука **к** под влиянием предшествующего мягкого звука: В а н ь к я из В а н ь к а.

Диссимиляция, или «расподобление»,—явление, обратное ассимиляции в том смысле, что основано на возникновении представления иного звука; напр., русск. ф е в р а л ь вместо ф е в р а р ь (прогрессивная), из лат. Februaris, народное к о л и д о р вместо к о р и д о р (регрессивная).

К рассмотренным процессам близка **перестановка** звуков вроде ф у т л я р из немецк. Futteral, л о д о н ь (пишут л а д о н ь) из д о л о н ь, т а р е л к а вместо старинного т а л е р к а, из немецкого (через посредство польского языка), Teller, и **утрата** одного из двух одинаковых или близких слогов (так называемая *гаплология*): з н а м е н о с е ц из з н а м е н о н о с е ц, народное т а б а к у р из т а б а к о к у р, м и н е р а л о г и я вместо м и н е р а л о л о г и я, б л и з о р у к—новое осмысление вместо б л и з о р о к, а это из б л и з о з о р о к (сравн. д а л ь н о з о р о к).

§ **124.** Фонетические изменения звуков закономерны. Формулировка их, т.-е. констатирование того, что такой-то звук в таком-то языке и такую-ту эпоху при таких-то условиях имел такую-то судьбу, называется **фонетическим законом.** Таковы, напр., затронутые выше фонетические законы русского языка о переходе носовых гласных в чистые, о переходе е в о. **Фонетические законы не имеют исключений.** Однако некоторые факты в языке, как может казаться, противоречат фонетическим законам. Такие **кажущиеся исключения** обыкновенно или 1) являются действием **аналогии,** напр., о в н е с ё т е или в т ё т я, несмотря на мягкость следующего за ним согласного, по ассоциации с н е с ё м, т ё т к а, где **о** возникло из е фонетически; или 2) объясняются **отсутствием**

того или иного условия в эпоху действия закона; так, напр., в полезный, учебный, отец е не перешло в о потому, что в эпоху действия этого закона следующий за ним согласный не был твердым (старые полезьный, учебьный, отець), а отвердел позже; так, напр., хотя старый звук ѣ теперь и произносится так же, как е, но раньше он отличался и не подлежал действию фонетических законов, касавшихся звука е; поэтому не находим звука о в лес, пел и т. п.; напротив, о в гнёзда, приобрёл объясняется уже аналогией, как мы видели выше, равно как и о в народном учобный объясняется аналогией с учоба; или 3) представляют собою слова, **заимствованные** из другого языка; так, напр., в своих русских, народных словах мы имеем нёбо, крёст, перекрёсток, напёрсток, а книжные литературные небо, крест, перст представляют собою заимствования из церковного (старо-славянского) языка; подобным образом заимствования из иностранных языков: кадет, атлет не имеют о; заимствования, но из другого говора того же языка, представляют в литературном языке слова цапля, качели: древнерусское чапля в том говоре, из которого образовался литературный русский язык, фонетически не могло бы перейти в цапля, но заимствовано им из какого-либо «цокающего» говора, где ч переходило в ц, т.-е. имевшего не только цапля из чапля, но и уцить, девцонка из учить, девчонка; качели, которое мы ждали бы в виде качали, заимствовано из такого северно-великорусского говора, где говорят печель, венчеться, хозеин, грезь фонетически из старых печаль, венчаться, хозяин, грязь.

§ **125.** Как следствие фонетических изменений звуков, являются разнообразные **перемены в звуковом составе** языка в сравнении с предшествующими эпохами его жизни.

Могут вовсе исчезнуть те или иные звуки; так, в русском языке сравнительно с его прошлым нет вовсе носовых гласных; нет тех гласных — иррациональных о и е, которые изображались буквами ъ и ь, потому что эти гласные при одних условиях в слове исчезали, а при других—переходили в полные о и е; нет древнего дифтонга, изображавшегося буквой ѣ, и др. Могут возникнуть новые звуки, ранее не известные в языке. Так, напр., в русском языке

в известную эпоху, когда звонкие перед глухими, а также в конце слов переходили в глухие, возник из в новый звук ф: *лафка* из *лавка*, *роф* из *ров* (в ту же эпоху, когда *скаска* из *сказка*, *глас* из *глаз*, *пропка* из *пробка*, *лоп* из *лоб* и т. п.); приемы правописания установились ранее, поэтому свой звук ф передается буквой **в**, а буквой **ф** мы передаем чужой по происхождению звук: все слова с буквой **ф**—заимствованные в разные времена из разных языков. Так, напр., во французском языке в свое время возникли носовые гласные из сочетаний: гласный чистый+носовой согласный в положении не перед гласным; сравн. франц. ange (т.-е. ąж) и латин. angelus.

Так как одни звуки могут переходить в другие, уже встречающиеся в данном языке, то в результате в нем могут оказаться одни и те же звуки различного происхождения; так, напр., русское у получилось в одних словах из старого **у**, в других из старого ǫ; русское о—из старых **о**, **ъ**; русское е—из **е**, **ь**, **ѣ**, и т. д.

§ 126. Причина фонетических изменений звуков, как сказано выше, лежит в изменении самих артикуляций. А изменение в артикуляции происходит, главным образом, при передаче языка из поколения в поколение и при перенятии чужого языка. Усваивающие язык—дети или иностранцы—стараются воспроизвести звуки, которые слышат, подбирая, так сказать, ощупью ту или иную артикуляцию, причем контролером является ухо; но, как ни велика его различительная способность, все-таки она ограничена, незначительные различия им могут быть не замечены, а эти незначительные оттенки—плод хотя бы и незначительных различий в артикуляции; в следующем поколении может быть опять незначительное уклонение, и в результате — иногда долговременного процесса—уже иной звук.

Изменение значений.

§ 127. Перенос значений. Одни предметы мысли, как известно, могут вызвать по различным ассоциациям представления других предметов, а эти последние могут вызвать и представления слов, которыми они обозначаются. Поэтому, выражая свою мысль словами, мы часто употребляем слова, обозначающие не те предметы,

о которых мы собственно думаем, а те другие, которые вспоминаются по ассоциации с ними. В этом случае мы употребляем слова не в их собственном, или **прямом**, а в **переносном** значении. Но переносным можно называть значение слова только в том случае, когда для сознания говорящего в данный момент ясно, что он употребляет собственно название другого предмета мысли.

Напр., в выражении «говор волн» для сознания ясно, что «говор» есть название не того предмета, о котором мы теперь думаем (шум волн), а другого (людского разговора), представление о котором вызвано в силу ассоциации по сходству; поэтому «говор» в «говор народа» является в прямом, а в «говор волн»—в переносном смысле. Или, напр., в выражении «несколько голов рогатого скота» для сознания говорящего ясно, что значение слова «голов» перенесено в силу ассоциации,—но не по сходству, а по смежности,—с части тела на все животное. Таким образом, **в основании переноса значений лежат ассоциации или по сходству, или по смежности.**

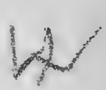
Пока сознается перенос значения, до тех пор перед нами одно слово с вариантами значения; если же перенос уже не сознается, то—разные слова (ср. § 86).

Примеры перенесения значения. На основании ассоциации по сходству: флот (морской)—флот (воздушный); маковка (плод мака) — маковка (церкви); тяжелый (о предмете с большим весом) — тяжелый (о запахе) — тяжелый (о горе, положении человека); итти (о человеке)—итти (о часах)—итти (о снеге)—итти (о времени); голод—чугунный голод и др.; подошва (обуви) — подошва (горы). На основании ассоциации по смежности: картон (материал)—картон (со шляпой)—картон (рисунок на картоне: «картон Васнецова»); суд (суждение, решение: «праведен твой суд», «суд божий»)—суд (судебный процесс: «до суда», «после суда»)—суд (здание суда: «он живет против суда»)—суд (судьи: «суд идет!»); течет (вода) — течет (ведро); фотография (способ изготовления изображения) — фотография (заведение) — фотография (карточка); участок (земли, ле́са, полицейский участок города)—участок (полицейская канцелярия данного участка, а также место заключения); номер (№)—номер (меблированная комната) и др.

§ 128. Так от долговременного употребления слов в переносном значении переносное значение может представляться говорящему, как прямое. Иначе говоря, в истории языка **прямые значения могут возникать из переносных.** В истории всякого языка постоянно бывают случаи, что слово в прямом значении перестает употребляться, остается только его переносное значение, сознаваемое уже, конечно, как прямое. Таково происхождение многих слов в любом языке; и мы можем и не знать, каково было значение прямое или какие ассоциации легли в основу переноса. Напр., *чернила* для нас теперь то, чем пишут, а не то, чем «чернят» (сравн. «белила», а также «кропило», «кадило»), и мы можем говорить о «красных чернилах»; *дача* — загородный дом, а не земля, данная, пожалованная за службу; *ошеломить* не значит уже ударить по шлему (шелому); *купец* для нас теперь тот, кто продает, а не покупает (сравн. в «Стоглаве»: «продавец и купец»—оба наказываются за продажу и покупку неисправленной книги); *должник*—тот, кто берет в долг, а не дает (сравн. в «Горе от ума»: «должников не согласил к отсрочке», т.-е. кредиторов).

§ 129. Перенос может изменять значение слов в различном направлении. Так, в результате переноса мы можем наблюдать **сужение и расширение** значений, т.-е. появление то более частного, то более общего значения в слове. Примеры *сужения* (иначе—специализации) значения: *город* не в значении всякого города в отличие от села или деревни, а для подгородного жителя в значении известного города («послать в город», «привозят из города»); *порошок* в значении лекарства (по происхождению уменьшительное от «порох», но не в значении взрывчатого вещества, а чего-то размельченного, пыли; сравн. старо-слав. *прахъ*—«пыль», или в «Слове о полку Игореве: «пороси поля покрывают»); *электричество* в значении электрического освещения («квартира с отоплением, водой и электричеством»); *квас* в значении известного напитка, а не в древнем значении «кислоты» вообще (сравн. «яблоко с кваском», производное *квасить*); *год, час* в значениях определенных единиц времени, а не времени вообще (сравн. *погодить, сейчас*); *критиковать* в значении указывать только недостатки, а не достоинства и недостатки (сравн.

отсюда раскритиковать); институт в значении закрытого учебного заведения, а не учреждения вообще (и не только учебного); готовить в смысле готовить кушанья; наследник — в смысле престолонаследника. Примеры расширения значения: итти, ходить, стоять о неодушевленных предметах (в этих случаях мы наблюдаем в итти, ходить более общее значение «двигаться», в стоять—«находиться в покое»); швейцар в значении вообще сторожа (первоначально солдат из швейцарской стражи французских королей); из имени Карла Великого образовалось в славянских языках заимствованное слово со значением государя (краль, король); так же собственное имя Юлия Цезаря стало титулом римских императоров (цезарь, откуда греч. кесарь).

§ 130. Частный случай переноса, при котором может быть и может не быть расширения значения, представляет собой обращение **собственного имени в нарицательное.** Так, меценат — покровитель наук и искусств, от собственного имени вельможи времен Августа; ванька — плохой извозчик; реомюр—термометр, ремингтон — пишущая машина (писать на ремингтоне), по именам изобретателей; то же в названиях аэропланов: фарман, блерио; палестина в значении пространства земли («родные палестины»); хам — бранное слово от имени сына Ноя; ландрин—конфеты (монпансье), очень новое слово в Москве, по имени фабриканта, причем словом называется уже монпансье любой фабрики: фунт ландрину, несколько штук ландрина; френч — название костюма по имени английского главнокомандующего в мировую войну; сравн. еще два последние примера в § 125.

История языка в связи с историей быта открывает много интересных случаев эволюции значений слов. Один из таких представляет собой история в русском языке слова вокзал. Так называлось (Vauxhall) подгородное село около Лондона, давно слившееся с ним. В XVIII в. на месте его был устроен общественный сад с театральными представлениями и другими развлечениями для высшего общества, ставший в XIX в. местом увеселения других классов общества. Этим именем, как нарицательным, стали называть общественные увеселительные сады и во Франции. Первая в России Царскосельская железная дорога, открытая в 1836 г., для оживления пассажирского движения

устраивала на станции Павловск бесплатные концерты; помещение, где они происходили, названо было **вокзалом**. Отсюда вообще станционные помещения для пассажиров по всем дорогам в России стали называться вокзалами, причем только в России: в других странах нигде станции вокзалами не называются. Еще во второй половине XIX в. в подмосковном парке Сокольники существовало увеселительное место, называвшееся вокзалом (без всякого отношения к какой-либо железной дороге). У Пушкина найдем «воксал» в этом значении («К Маше», 1816 г.).

§ **131.** Особый случай представляет собою новое осмысление старого слова в силу каких-либо ассоциаций, а также осмысление чужого слова по ассоциации со своими, подходящими по звуковой стороне. К первому случаю относится, напр., свидетель в значении очевидца, вместо старого значения осведомленного человека; новое осмысление отразилось и на орфографии этого слова вместо древней съвѣдѣтель (от вѣдѣти); то же в слове смирение, понимаемом теперь, как производное от мир, в сравнении со старым съмѣрение (от мѣра) в значении «умеренность». Ко второму относится, напр., произвольное сближение заимствованного из латинского языка слова май с глаголом маяться («в мае венчаться — всю жизнь маяться»), или такого же слова апрель с преть («в апреле земля преет»); подобные новые осмысления могут повести и к употреблению слова в новом значении, напр., заимствованное спираль в значении спертого воздуха, протекция в смысле течи в крыше. Такое осмысление носит название **ложной, или народной этимологии.**

§ **132.** В сочетаниях слово **может утрачивать самостоятельное** значение и обращаться, таким образом, в слово несамостоятельное, т.-е. приобретать **формальное** значение. Так возникли в жизни языков связка, предлоги, союзы и др. (ср. § 65). Напр., глагол быть, являющийся в русском языке в роли связки, происходит от индоевропейского корня, значение которого было, повидимому, «расти». Сравн. «живет» в значении связки (§ 95). Путем утраты словами самостоятельного значения в словосочетании произошли так называемые «сложные формы», вроде франц. j'ai fini, немецк. ih habe gesagt, где глаголы ai, habe не носят значения «иметь», а играют роль формальной принадлежности, оставаясь отдельными словами.

В подобных случаях отдельные, но несамостоятельные слова могут перестать быть отдельными, т.-е. могут слиться с другим словом и обратиться, таким образом, в часть слова, как мы это видели в отделе о происхождении формальных принадлежностей (§ 81) на примере окончания ai в формах франц. будущего времени, напр., finirai. Таково же окончание франц. наречий -ment (из латинск. слова mente), напр., франц. fièrement «гордо» (из латинск. fera mente); таковы окончание русских возвратных глаголов ся или окончания прилагательных -й, -я, -е (добрый, добрая, доброе), бывшие ранее местоимениями (ся = себя; и, я, е — указательные местоимения 3-го лица).

§ 133. **Значения** слов изменяются в жизни языка **независимо** от изменения их **звуковой** стороны.

Утрата слов и появление новых слов.

§ 134. Естественной **причиной** утраты слов и появления новых слов является исчезновение самих предметов мысли, обозначавшихся словами, или появление новых предметов. Однако слово может и по утрате предмета сохраниться в языке с иным уже значением, а также новый предмет может быть назван старым словом; в этом последнем случае будет перенос значения. Но, кроме того, новые слова появляются и без возникновения новых предметов и являются тогда новыми названиями старых предметов.

Примеры. С исчезновением тиунов, посадников исчезли и эти слова, с появлением самовара, аэроплана, пылесоса появились и новые слова. Однако, и по выходе из употребления гусиных перьев, которые чинились для письма, сохранилось название перочинный ножик, которым чинят карандаши, а также новый предмет—поезд железнодорожный назван был так по ассоциации (по сходству) со старым словом со значением «обоз», «караван» (сравн. «свадебный поезд»). Наконец, новыми названиями для старых предметов: ваяние, зодчество явились скульптура, архитектура.

135. **Происхождение новых слов.** Новые слова в языке обыкновенно бывают или заимствованными из другого языка, или образованными из собственных элементов.

§ 136. **Заимствованные слова** обыкновенно применяются к произношению своих слов, т.-е. на них распространяются звуковые законы данной эпохи, иначе говоря, они произносятся с привычными для данного языка артикуляциями; так, мы вносим в иностранные слова свое произношение неударяемых гласных (см. § 51): *кантракт*, *аракул* (контракт, оракул), *кънституция* (конституция), *юмър* (юмор), смягчение согласных перед е: *резон* (вм. *рэзон*) и т. п. Таким образом, чужие слова делаются мало-по-малу своими, и иногда без специальных сведений мы не в силах отличить их от своих; ничто, напр., не обличает в словах: *хлеб*, *молоко* их германского происхождения (из готского языка). Однако встречается намеренное сохранение иностранного произношения в заимствованных словах, что возможно, конечно, при непосредственном знакомстве с языком, из которого слово взято.

Усвоение чужого слова в ряды своих проявляется, между прочим, в том, что чужое слово получает словоизменительные и словообразовательные формы, свойственные заимствовавшему его языку. Так, заимствованные существительные могут примениться к той или иной категории склоняемых слов и склоняться подобно им: сравн., напр., *роль* (с франц. le rôle, мужск. рода), склоняемое подобно словам женск. рода типа *кость*; от заимствованных слов могут отвлекаться основы, к которым присоединяются далее свои словообразовательные суффиксы: напр., русск. *маршировать*, *зондировать* образованы при омощи усск. окончания *-овать*, присоединенного к основам, взятым из нем. *marschieren*, *sondieren*, а сами нем. *marshieren*, *sondieren*, в свою очередь, подобным же способом, а именно при помощи нем. окончания *-ieren*, образованы из франц. глаголов *marcher*, *sonder*.

§ 137. Новые слова **из собственных элементов** образуются или 1) путем соединения известной уже основы с словообразовательными суффиксами, так же уже известными в других словах, так чт новым является только их соединение, или же 2) путем сложения основ или слов. Образуются новые слова обыкновенно одни по образцу других, уже существующих в языке.

Следует иметь в виду, что не всегда можно поручиться, что возникающее на наших глазах слово не появлялось уже раньше,

так как образование из одних и тех же элементов возможно в разное время, раз основы и суффиксы являются в данное время живыми (ср. § 141).

Приведем в качестве примеров слова, повидимому, недавно возникшие, хотя не одинаково распространившиеся. Таковы летчик, горимость (напр., уезда; термин в страховом от огня деле), лыжебежец, созвониться (по телефону), перводумец, безденежствую (А. П. Чехов в письме 1887 г.), безобедник (ученик, оставленный без обеда: он же, 1889 г.), помещичество (занятие, Л. Толстой); случаи, вроде аэросани (аэроплан с полозьями), представляют собою образования наполовину из своих, наполовину из чужих элементов; сравн. с этим еще такие случаи, как пиндарить («писать оды», от имени греческого поэта Пиндара, у Дмитриева в «Чужом толке»).

В пример того, что слово может неоднократно возникать в языке, приведу место из «Накануне» Тургенева (гл. I): «Эх, ты, сочувственник! — брякнул Шубин и сам засмеялся новоизобретенному слову»... Тургеневу казалось, а также и всякому его читателю может казаться, что этого слова сочувственник вообще не было раньше, между тем как оно встречается в XVIII в. у Радищева («Путешествие», Посвящение). Тем не менее оно в обоих случаях является новым, поскольку оно вообще неупотребительно в языке. Перед нами пример факта языка индивидуального; но все факты человеческого языка зарождаются в языках индивидуальных и потом получают или не получают дальнейшего распространения.

Напомним, что путем упомянутого выше сложения основ или слов в одно целое получаются так называемые непростые слова (см. § 87); примеры новых слов такого рода есть в числе только-что приведенных.

§ **138.** К числу новых слов, составленных из собственных элементов, принадлежат и те особого рода сокращенные новообразования, которые в революционное время широко распространились в русском государственном, а затем и в разговорном языке, первоначально для названия учреждений и должностных лиц, вроде наркомпрос (Народный комиссариат по просвещению), пол-

пред (полномочный представитель) и т. п. Происхождение такого типа слов — в телеграфном языке, где давно прибегали к подобного рода сокращениям и откуда впервые в широкую публику, в эпоху мировой войны (с 1914 г.), проникли слова вроде *главковерх* (верховный главнокомандующий), *земгор* (земский и городской союз) и т. п. Образованные из собственных материалов, такие слова имеют, однако, ту своеобразную особенность, что слагаются не из целых словообразовательных элементов (основ слов), а из произвольных частей их. Поэтому они воспринимаются и запоминаются, подобно иностранным, целиком, без разложения непосредственным сознанием говорящего на составные части: в каких-нибудь *водовоз, водонос, водолив, водолей, водоворот* непосредственное сознание говорящего, знающего слова *вода, водный* и т. п., сразу узнает составную часть *вод-* и понимает, что в состав значения этих непростых слов входит представление о воде; наоборот, нужно предварительно знать, от каких целых слов взяты отрезки: *нар, ком, прос*, чтобы понимать значение слова *наркомпрос*; тем более это относится к словам, составленным из начальных букв слов: *моно* (московский отдел народного образования), *кубу* (комиссия улучшения быта ученых), или из названия начальных букв: *гепеу* (государственное политическое управление). Подобно иностранным, эти слова произносятся сначала не по законам русской фонетики; напр., *наркомпрóс* со звуками **а** и **о** во втором и первом предударных слогах, где русская фонетика требует (§§ 52, 53) звуков ъ и а; усваиваясь более говорящим, это слово подчиняется указанным законам и начинает произноситься *нъркампрос*, подобно обрусевшим *кантракт, кънституция*. Вообще, эти новые, возникающие на наших глазах слова дают ценный материал для проверки действительности фонетических законов русского языка. Так, соединение *гос* + *издат* (государственное издательство) дает *госыздат* по тому же закону, по которому произносим *изызбы* (из избы), *совнархоз* (совет народного хозяйства) произнесем *съвнархос* по закону изменения конечного звонкого в глухой, и мн. др. Усваиваясь говорящими, эти слова относятся ими в ту или иную грамматическую категорию и получают соответственное словоизменение (склоняются), а неподошедшие к русским катего-

риям остаются неизменяемыми (г е п е у, подобно к а к а д у; м о н о подобно д е п о и т. д.). Наконец, усваиваясь, они дают материал и для словообразования: от к о м с о м о л (коммунистический союз молодежи) произведено по русским образцам к о м с о м о л е ц, к о м с о м о л ь с к и й и т. п.

§ **139**. Особый случай—возникновение нового слова из своих элементов, но **по образцу иностранного**, как бы путем перевода; таково, напр., возникшее в старину г р а ж д а н с т в е н н о с т ь (civilisation).

Изменение форм слов.

§ **140**. Так как форма слова есть способность его разлагаться на основу и формальную принадлежность (§ 68), то всякое изменение в форме есть не что иное, как изменение в этой разложимости. Поэтому *утратой* формы назовем утрату данным словом способности разлагаться указанным образом, *появлением* формы — приобретение словом такой способности, а собственно изменением формы, иначе—*новообразованием* назовем замену старой основы или старой формальной принадлежности в слове новыми.

§ **141. Утрата форм слов.** Простейшим примером утраты форм слов могут служить случаи вроде исчезновения форм двойственного числа в русском языке. В древне-русском были формы не только единственного и множественного чисел, но еще и «двойственного» числа в существительных (для обозначения предметов в количестве двух) и в согласовавшихся с ними прилагательных и глаголах; напр., именит.-винит. падеж б р а т а, с е л е, ж е н е, родит.-местн. б р а т у, с е л у, ж е н у, дат.-твор. б р а т о м а, с е л о м а, ж е н а м а; д в а, д в ѣ, о б а, о б ѣ,—д в о ю, о б о ю,—д в ѣ м а, о б ѣ м а; н е с е в ѣ (1-е лицо), н е с е т а (2 и 3-е лицо) и т. п. Что большинства из этих форм нет теперь в русском языке, видно само собой.

Рассмотрим случаи сложнее, которые можно наблюдать, напр., в судьбе форм с т ѣ и б р а т а. Дело в том, что ассоциации, необходимые для выделения в слове основы и формальной принадлежности, могут в течение жизни языка разрушаться. Если в языке исчезла вообще какая-либо форма, но сохранились одинокие слова,

заключавшие в себе такую форму, то все-таки для данной эпохи языка они не будут уже иметь этой формы, потому что в них не будут выделяться основа и формальная принадлежность за отсутствием одного из указанных в § 70 условий. Как можно было сказать (двѣ) селѣ, делѣ, мѣстѣ, точно так же при единств. числе сто, при множественном (три, четыре) ста было двойственное (двѣ) стѣ. Теперь, когда двойственное число вообще исчезло в русском языке, и предметы в количестве двух мы обозначаем формами других чисел, форма стѣ сохранилась в нашем слове двести, заменившем старое двѣстѣ; в звуковой стороне этого сти не выделяется формальной принадлежности и, потому что нет однородных слов среднего рода с тою же формальной принадлежностью, и мы, следовательно, в этом сти не сознаем теперь ни формы, ни даже отдельного слова. Подобные остатки прежних форм могут при благоприятных условиях ассоциироваться с совсем иными по происхождению образованиями, и тогда для данной эпохи языка они будут представлять собою формы, но уже иные. Так, несмотря на то, что стола, брата в «два стола», «два брата» по происхождению своему подлинные формы им.-вин. падежа двойственного числа, тем не менее мы не можем сказать, что в современном русском языке есть форма двойственного числа, и эти стола, брата для нашего сознания являются формами род. падежа единств. числа. — Старинное слово надобѣ, откуда наше надо, возникшее из двух: на добѣ, с утратой слова доба («пора», «время») перестало сознаваться известной падежной формой, какой было по происхождению, т.-е. перестало разлагаться на основу и формальную принадлежность.

§ 142. Появление форм слов. Примером появления формы в слове могут служить церковно-славянские «звательные формы», т.-е. формы «слов-воззваний» (см. § 87): боже, господи, богородице, дево, царю, душе; эти слова имеют формы, так как разлагаются на основы и формальные принадлежности соотносительно с именительными и другими падежами тех же слов, между тем как в индо-европейском праязыке «слово-воззвание» («обращение») представляло собою одну основу без всякой формальной принадлежности, а то, что позднее стало сознаваться такою

принадлежностью, является по происхождению конечным гласным основы [1]).

§ 143. **Новообразования.** Не всякое изменение в слове, имеющем форму, затрогивает самую форму. Твердо помня, что такое форма (см. § 68), необходимо различать, изменилась ли в слове только **звуковая сторона**, или изменилось само **образование формы**; звуковая сторона может сильно измениться, а форма, как таковая, остаться без изменения.

Так, напр., жену, рыбу получилось из женǫ, рыбǫ, но здесь изменились только звуки, именно носовое ǫ перешло в у согласно звуковому закону русского языка, а в образовании самой формы изменений не произошло; или: как ни далеко в звуковом отношении наше лоп от древне-русского лобъ, но изменения здесь только в звуках (звук ъ в конце исчез, а оставшийся в конце звонкий согласный перешел в глухой), и мы не назовем самую форму новой. Иное дело, напр., коней, царей, вместо древнего род. п. мн. ч. конь, царь; здесь само образование формы новое: из **ь** фонетически не могло бы получиться -**ей**; это **ей** перенесено из таких форм другой категории склонения, как путей, костей; новым также образованием формы явилось землѣ, вместо земли, так как тут дело не в переходе и в ѣ, а в переносе древнего окончания из форм вроде жене в форму земли. Подобным же образом рукѣ вместо старого руцѣ представляло новообразование в самой форме (**ц** в **к** не переходило!) под влиянием других падежей вроде рука, рукой и т. п.; новым также образованием формы явится льда и др. косвенные падежи вместо леда и др. при именительном лед (**е** старое) под влиянием склонения типа лен—льна (где **е** беглое фонетически из старого звука **ь**, пере-

---

[1]) Формальная принадлежность, выделяемая звательной формой, школьною грамматикою (тех языков, где звательная форма существует) приравнивается к падежным окончаниям ошибочно, так как звательная форма не есть падежная форма: падежными формами обозначаются отношения одних слов, как частей предложения, к другим; звательная же никаких таких отношений не обозначает, и «слово-воззвание» не входит в предложение. Вот почему ее неточно называть «звательным падежом».

Следует заметить, что в русском языке звательные формы утрачены и «слова-воззвания» имеют форму именит. падежа; а такие формы, как боже, господи, заимствованы из церковно-славянского.

ходившего в звук **е** при одних и исчезавшего при других условиях).

Из сказанного видно, что новые формы образуются путем переноса из другого слова или **новой основы** или **новой формальной принадлежности**; так, новая форма р у к ѣ вместо р у ц ѣ образована путем переноса основы р у к в слове р у ц ѣ из других слов: р у к-а, р у к-о й и т. п., а новая форма з е м л ѣ вместо з е м л и—путем переноса формальной принадлежности ѣ из других слов, вроде жен-ѣ.

Теперь мы вторично, но с другой стороны подошли к объяснению таких изменений, как з е м л ѣ вместо з е м л и, р у к ѣ вм. р у ц ѣ, о чем говорилось уже в § 118 и что̀ названо там нефонетическими изменениями звуковой стороны слов. Теперь мы могли бы сказать: это — изменения не фонетические, а морфологические. Чтобы понять, что это явление не из области истории звуков, не из области фонетики, а из области истории форм, из области морфологии, надо отдать себе отчет в природе таких явлений. Объяснения их не в физиологии, а в психологии; возможность таких новообразований вытекает из самого существа того, что̀ называется формой, т.-е. из способности слова разлагаться известным образом в сознании говорящего (§ 68), и из той двойной ассоциативной связи, которою связаны между собой слова (ассоциация основ и ассоциация формальных принадлежностей, § 70). Таким образом, причины замены старой формы к о н ь новою к о н е й лежит в ассоциации (по сходству) всех форм род. п. мн. ч. между собою и, между прочим, формы к о н ь с формой п у т е й; а причина замены старой формы р у ц ѣ новою р у к ѣ—в ассоциации (по смежности) всех падежных форм слова р у к а между собою.

Ясно представить себе природу таких новообразований можно на примерах таких образований, которые являются необычайными, напр., для современного литературного языка. Так, народное м е с т о в, д е л о в, б а р ы ш н е в образовано по образцу с т о л о в и т. п.; так, детское в о з ь м и л а вместо «взяла»—под влиянием в о з ь м и; народное и т т и т ь под влиянием обычного окончания инфинитива **-ть** в большинстве глаголов; так, начинающий учиться французскому языку может вместо il est mort сказать il est mouru [1]),

---

[1]) Что̀ встречается и у французского простонародья.

образовав это mouru под влиянием, напр., couru, если в его сознании mourir и courir ассоциированы; подобным же образом, но с переносом новой основы, а не нового окончания, образовано народное пекёшь, пекёт под влиянием пек-у, и т. п. или детское песоком вместо песком под влиянием песок. Совершенно подобным же образом, как образованы эти «неправильные» формы, образовалось громадное число «правильных» форм в языках. Так, наше столов, вытеснившее старую форму род. падежа мн. числа столъ (совпадавшую с имен. падежом ед. числа) и образованное по образцу слов, принадлежавших к особой категории склонения и имевших всегда в окончании род. падежа мн. числа -ов, было в свое время таким же новым образованием, каким для нас представляется делов (сравн. остатки старой формы в склонении слов типа стол: несколько раз, из глаз, пара чулок и т. п.); так же наше пеки, вытеснившее собою старое пьци, представляет по своей природе то же явление, что пекёт, а наше лести вместо льсти под влиянием лесть—то же, что песоком.

§ **144**. В жизни форм бывает, что одна получает то же значение, что и другая. В результате этого одна из них может исчезнуть, а оставшаяся станет употребляться в обоих значениях. Этим объясняются такие, напр., явления, что в потомках одного и того же праязыка мы найдем разное количество падежных форм; так, при шести падежах в русск. языке (звательный—не падеж! см. прим. в § 135), в немецком четыре.

§ **145**. По вопросу **о происхождении формальных принадлежностей** следует припомнить здесь то, чтó уже было сказано в §§ 81 и 128.

§ **146**. По отношению к формам самих основ, уже в § 76 было сказано, что **основы, по происхождению производные, могут стать** для позднейшей эпохи языка **непроизводными**, т. е. не разлагаться еще раз на основу + формальная принадлежность. А раз формальная принадлежность не сознается отдельно, то, следовательно, ее нет в языке; таким образом, формальные принадлежности могут возникать в языке и могут вымирать, и мы можем говорить, напр., о **живых** и **мертвых** суффиксах. В § 76 был приведен пример производной по происхождению основы добр-, которая

теперь уже не сознается производною, потому что уже перестала разлагаться для сознания говорящего на д о б + суффикс р; такой невыделяемый непосредственным сознанием суффикс можно назвать мертвым, его нет в живом языке, он не может и употребляться на создание новых слов. С таким мертвым суффиксом ср. живой суффикс -ч и к в современном русск. языке, с помощью которого, по образцу, конечно, существующих уже в языке образований, мы можем создать новое слово из только-что полученного материала, напр., а э р о п л а н ч и к.

ПОСОБИЯ.

Общие пособия на русском языке.

Отдел языкознания под ред. проф. *Кульбакина* в VII т. *Народной энциклопедии*, изд. Харьковского О-ва распростр. в народе грамотности. М., 1911 (изложение популярное).

Проф. Поржезинский. Элементы языковедения и истории русского языка. Пособие для старших классов средней школы. М., 1910.

Его же. Введение в языковедение. Пособие к лекциям. 4-ое изд., М., 1916.

Проф. Томсон. Общее языковедение. 2-ое изд., Одесса, 1910.

Проф. Кудрявский. Введение в языкознание. 2-ое изд. Юрьев, 1913.

Проф. Богородицкий. Очерки по языковедению и русскому языку. Изд. 2-ое, Казань, 1909.

Его же. Общий курс русской грамматики. (Из университетских чтений). Изд. 4-ое, Казань, 1913. Здесь фонетика, морфология, синтаксис, краткая история и диалектология русского языка.

Его же. Лекции по общему языковедению. 2-ое изд., Казань, 1915.

Его же. Русская грамматика. Пособие для педагогических классов и при самообразовании. Казань, 1918.

Рихтер. Как мы говорим. Изд. Библиотеки Знания. Спб., 1913.

Шор. Язык и общество. М., 1926.

Указания по некоторым отдельным вопросам.

К § 11. *Кудрявский*, § 3.

К § 12. *Поржезинский*, гл. II.

К гл. II. Очень подробное изложение физиологии звуков речи с указанием приемов их наблюдения и описанием приборов, употребляющихся при лабораторном их исследовании, *Томсон*, гл. IV.

К § 32. *Томсон*, стр. 163 и сл.

К § 43. *Богородицкий.* Опыт физиологии обще-русского произношения в связи с экспериментально-фонетическими данными. Казань, 1909. Стр. 4 и сл.

К приложению к главе II.

Более подробные указания на отношения русского правописания к русскому произношению в книжке *Ушакова:* «Русское правописание. Очерк его происхождения, отношения его к языку и вопроса о его реформе». Изд. 2-ое, М., 1917. Необходимое дополнение к ней— брошюра того же автора: «Новое правописание». М., 1917.

Для первоначального знакомства со звуками русского языка полезна брошюра *Чернышова:* «Законы и правила русского произношения. Опыт руководства для учителей, чтецов и артистов». Изд. 3, Птгр., 1915.

Для знакомых уже с общею физиологиею звуков речи—*Богородицкий.* Опыт физиологии... (указано к § 43).

К § 66. (Интонации.) *Томсон,* стр. 281 и сл.; *Богородицкий.* Общ. курс, в отделе синтаксиса. *Пешковский.* Русск. синт. (соответствующие места легко найти по указателю к книге Пешковского под словом «интонация»).

К § 87. (Непростые слова.) *Поржезинский,* стр. 135—136 и 184—188.

К гл. VI. *Кудрявский,* § 15.

Лекция акад. *Фортунатова* «О преподавании грамматики русск. языка» в «Трудах 1-го съезда преподават. русск. языка в военно-учебн. завед». Спб., 1904.

Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 3-е, М., 1928.

Его же. Школьная и научная грамматика.

К гл. VII. *Поржезинский,* гл. III и IV, а также XI (индо-европейский праязык и доисторическая эпоха в жизни индо-европейцев).

Шрадер. Индо-европейцы. Изд. Библиотеки Знания. Спб., 1913.

К § 101. *Кульбакин,* стр. 110—114.

К гл. VIII. *Томсон,* гл. X и XI. *Шор.*

К гл. IX. *Поржезинский,* гл. IX.; *Томсон,* гл. V (фонетические изменения языка), гл. VII, §§ 3, 4 (к жизни форм), гл. VIII и IX. *Шор.*

По физиологии произношения иностранных языков.

Богородицкий. Очерки, гл. IX (произношение франц., англ. и немецк. сравнительно с русским).

Viëtor. Kleine Phonetik des Deutsch., Englisch. und Französischen. 3-e Aufl. Leipz., 1912.

УКАЗАТЕЛЪ *).

(Цифры означают страницу.)

*) В указатель не вошли заголовки, помещенные в оглавлении.

Я з ы к и:

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ОТДЕЛ ВТОРОЙ.

М
12

Цена 95 коп.

Р.

